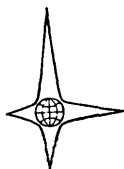


Ф. ПОЛ
С. М. КОРНБЛАТ

ОПЕРАЦИЯ «ВЕНЕРА»

З
АРУБЕЖНАЯ
Ф
АНТАСТИКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«М И Р»



FREDERIK POHL
C.M. KORNBLUTH
**The space
merchants**

Ф.ПООЛ
С.М.КОРНБЛАТ

ОПЕРАЦИЯ 'ВЕНЕРА'

ТОРГОВЦЫ КОСМОСОМ

Предисловие И.Ефремова



ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

МОСКВА • 1965

Перевод с английского

Н. КУЗНЕЦОВОЙ и Т. ШИНКАРЬ

Редактор

С. ГАНСОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новелла «Планета под соусом» («The Gravy Planet») Ф. Поола и С. Корнблата, впервые опубликованная в альманахе «Гэлэкси» в 1952 г., имела огромный успех не только у любителей научной фантастики, но и у весьма широкого круга читателей. В 1953 г. вышло дополненное книжное издание под заглавием «Торговцы космосом». С тех пор книга переиздавалась много раз и разошлась в сотнях тысяч экземпляров, сделавшись классическим произведением англо-американской научной фантастики, признанным многими критиками одним из лучших.

«Торговцы космосом» (в русском издании «Операция «Венера») появились во время упадка послевоенного «бума» научной фантастики, когда начали закрываться специально посвященные ей журналы. Даже ярые поклонники жанра пресытились потоком однообразных произведений «космической оперы» с ее перепевами викторианского колониального романа или темы всемирной военной катастрофы.

«Торговцы космосом» — одно из немногих социально-фантастических произведений в современной англо-американской литературе, и в этом — секрет успеха повести. Авторы переносят

читателя на два-три столетия вперед. В американском обществе, после короткой эры диктаторского тоталитаризма, вновь царствуют крупный бизнес и бешеная реклама.

Один из авторов — Поол — на протяжении нескольких лет был работником Нью-Йоркского рекламного агентства, а Корнблат — начальником Чикагского бюро телеграфных новостей. Оба автора хорошо знают дело коммерческой рекламы и насытили свою повесть достоверными и тонкими деталями. Вместе с тем картина социальных процессов, ими нарисованная, оказалась обедненной. Трудно поверить, что реклама может стать одной из важнейших сил в общественном устройстве будущей Америки (даже если считать, что капитализм просуществует до той поры). Сущность повести и заключается в борьбе, явной и тайной, между могущественными рекламными агентствами.

Главный герой повести Митчел Кортней должен распространить по всей Америке идею эмиграции на Венеру, заманить на планету с невыносимым климатом и ужасными условиями жизни сотни тысяч людей, пусть неудачников, но не столь уж легковых простаков, давно привыкших к оглушительной рекламе.

Но, кроме основной трудности, возникает множество непредвиденных препятствий. Через всю повесть проходят напряженные драматические

эпизоды: борьба с подпольной организацией консервационистов, с врагами в том же агентстве, где служит герой. Даже жена Кортнея становится его противником.

Действие разворачивается на фоне своеобразного мира роскоши и бедности, каким представляется авторам будущая перенаселенная Америка. Все живут в страшной тесноте, только людям высокого общественного ранга предоставляются отдельные квартиры в две крохотные комнаты. Остальные живут в общих помещениях, разделенных перегородками, автоматически поднимающимися утром с началом рабочего дня. Сложная электронная техника и автоматические машины сочетаются с острой нехваткой горючего. Даже глава могущественного рекламного агентства ездит на «кадиллаке», приводимом в движение... педалями. Тысячи сортов напитков и коктейлей, удивительные по вкусу жевательные резинки сосуществуют с недостатком элементарной белковой пищи. Школьники едят соевые котлеты и искусственные «регенерированные» бифштексы, люди пьют кофейный эрзац и лакомятся поддельным мороженым. Угроза дальнейшего увеличения 800-миллионного населения Америки наполняет людей будущего чувством неустойчивости и неуверенности, хотя техника развивается все более и специалисты делают открытие за открытием. Число психопатов растет.

Авторы умело и тонко перенесли современную Мэдисон-Авеню Нью-Йорка с ее рекламными агентствами в будущее, смешав реальные детали настоящего времени с придуманными и сообщаемыми как бы вскользь особенностями грядущего. Эта композиция из знакомого и незнакомого стремительно вводит читателя в мир, созданный фантазией авторов, и убеждает в его достоверности.

Авторы взяли за основу известное утверждение писателя Оруэлла, что развитие общества (капиталистического, разумеется!) в настоящее время ведет к тому, что предметы роскоши становятся более доступными, чем самые необходимые.

Люди будущего в повести — современные нам американцы. Они лишь живут и действуют в фантастическом, придуманном окружении. Эта черта характерна для большинства американских произведений о будущем. Она является их слабой стороной, но в то же время помогает неискушенному в социальных вопросах читателю почувствовать себя ближе к герою.

В повести отсутствует какой-либо намек на революционные преобразования, авторы не видят классовой борьбы, не принимают идеи социалистического переустройства общества. Однако талантливые писатели словно острым ножом вскрывают недостатки капитализма и, утрируя их до

сатиры или иногда до абсурда, очень ясно показывают читателю, куда идет общество, отданное во власть крупного бизнеса, обмана и эксплуатации.

Особенно резко авторы ополчаются на подкупленных специалистов, все время предупреждая читателя, что нельзя доверять им и относиться пассивно к их действиям. В критическом реализме повести ее главная ценность для советского читателя.

Среди западных критиков повесть «Торговцы космосом» обычно рассматривается как сатира на современную Америку и особенно на рекламу, столь развитую в этой стране. Другие критики считают повесть предостережением против ряда тенденций в современной (капиталистической) экономике.

Мне кажется, что прав Кингсли Эмис, который в своем обзоре западной научной фантастики «Новые карты ада» считает, что повесть Поола и Корнблата в отдельных своих частях поднимается выше сатиры и выше просто социального предупреждения.

Настоящий писатель, кто бы он ни был, не может не протестовать против недостатков общества, в котором он живет. Воспевать с полной искренностью и силой можно природу, общество же, как далеко еще несовершенная организация справедливости и человеческого счастья, будет

возбуждать желание переустроить его к лучшему. Писатель в этом случае счастливее других, потому что он может попытаться создать воображаемое общество по своему вкусу — утопию. Однако при идейно-философской незрелости у художника не получится убедительной картины утопического будущего. Понимая это, Поол и Корнблат и не ставили себе подобной задачи. Но как талантливые писатели, тревожась за свою родину, за ее будущее, они поднялись выше сатирического высмеивания, гротеска, приведения к абсурду. Оттого на лучших страницах «Торговцев космосом» сатира оборачивается трагедией, и в ней звучат ноты тревоги и страдания. И если книга производит впечатление некоторой незаконченности, то это случилось потому, что авторы увидели: будущее зашло в социальный тупик,— но не смогли найти из него выхода.

И. Ефремов

В это утро, одеваясь, я мысленно повторил длинный список цифр и обдумал все недомолвки и преувеличения, которые мне потребуется пустить в ход в сегодняшнем докладе на заседании правления. Мой отдел, рекламирующий готовую продукцию, изрядно пострадал из-за большого числа заболевших и уволившихся. А без людей какая тут работа! Но вряд ли правление станет считаться с этим.

Я натер лицо депиляторным карандашом и подставил его под тонкую струйку пресной воды, лившуюся из крана. Непозволительная роскошь, конечно, но я аккуратно плачу налоги, а соленая вода раздражает кожу. Однако прежде чем я успел смыть пену, струйка иссякла. Тихонько чертыхнувшись, я домылся соленой водой. Последнее время водопровод частенько пошаливал. Кое-кто считал, что это проделки «консов», и среди служащих Нью-йоркской компании водоснабжения то и дело проводились проверки лояльности. Однако толку от этого было мало.

На минуту мое внимание привлек экранчик утренних новостей, расположенный над зеркалом для бритья. Вчерашняя речь президента... Снимок ракеты, предназначенной для полета на Венеру, приземистой, серебристо поблескивающей в пустынных песках Аризоны... Мятеж в Панаме... Я выключил экран, когда радиочасы мелодично отбили очередную четверть.

Похоже, что сегодня я снова опоздаю в кон-

тору, и это, разумеется, еще больше настроит членов правления против меня.

Я сэкономил пять минут, натянув на себя вчерашнюю сорочку, чтобы не вдевать запонки в манжеты свежей, и оставил кснуть на столе утреннюю порцию сока. Но я потерял эти пять минут, пытаюсь дозвониться Кэти. Ее телефон не отвечал, и я опоздал в контору.

К счастью, совершенно неожиданно для всех Фаулер Шокен тоже опоздал. Он ввел в конторе правило раз в неделю, перед началом рабочего дня, устраивать пятнадцатиминутные совещания членов правления. Это держит в напряжении клерков и стенографисток, а самому Шокену особого труда не составляет: он все равно каждое утро в конторе. А «утро» для Шокена начинается с восходом солнца.

Я даже успел прихватить со своего стола сводку, подготовленную секретарем. И когда, извинившись за опоздание, в конференц-зал вошел Шокен, я уже сидел на своем месте в конце стола, спокойный и уверенный в себе, как и подобает члену правления Объединенного рекламного агентства «Фаулер Шокен».

— Доброе утро,— поздоровался Фаулер, и, как всегда, одиннадцать членов правления ответили ему невнятным бормотанием. Он не сразу опустился в кресло, а с минуту стоял, озабоченно оглядывая нас, словно отец свое многочисленное семейство. Затем любовным и восхищенным взглядом обвел стены зала.

— Я думал сейчас о нашем зале,— вдруг произнес он, и мы все, как по команде, тоже огля-

делись. Зал был не очень велик, но и не так уж мал — метров двенадцать-пятнадцать. Но в нем всегда прохладно, он хорошо освещен и обставлен красивой, добротной мебелью. Кондиционные установки искусно спрятаны в стенах за движущимися фризами, пол устлан толстым пушистым ковром, а мебель изготовлена из настоящего, неподдельного дерева.

— А зал-то у нас недурен, правда, друзья? — сказал Шокен. — Да разве может быть иначе? Объединенное агентство «Фаулер Шокен» — самая крупная рекламная фирма в городе. Наш годовой оборот на мегамиллион долларов больше, чем у других компаний. Но жалеть об этом нам еще не приходилось, не так ли? — Он снова выразительно оглядел присутствующих. — Среди вас ведь не найдется ни одного, у кого нет по крайней мере двухкомнатной квартиры? Даже у холостяков. — Он подмигнул мне. — А что до меня, так мне совсем грех жаловаться. Моя летняя вилла выходит в один из лучших парков Лонг-Айленда, я потребляю белки только в виде натурального свежего мяса, а прогулки совершаю в собственном педальном «кадиллаке». Нужда давно забыла дорогу в мой дом. Да и всем вам живется неплохо. Верно?

Рука заведующего Отделом рынков взметнулась вверх. Фаулер кивнул: — Да, Мэттью?

Мэтт Ренстед — парень не промах. Он вызывающе посмотрел по сторонам.

— Я только хотел подтвердить, что полностью согласен с мистером Шокеном. Согласен с ним на все сто процентов, целиком и полностью! — рявкнул он.

Фаулер Шокен одобрительно кивнул головой.

— Спасибо, Мэттью.— Он действительно был растроган. Прошло какое-то время, прежде чем он смог продолжить речь.— Всем известно,— вновь начал он,— как нам удалось добиться этого. Мы помним первый баланс компании «Старзеллиус», помним, как наносили на карту «Индиастрию». Первый глобальный трест! Объединение всех недр континента в единый промышленный комплекс! И в том, и в другом случае мы были пионерами. Никто не посмеет сказать, что мы плелись в хвосте у времени. Но все это уже в прошлом.

А теперь мне хотелось бы спросить вас, джентльмены,— неужели мы сдаем позиции? — Фаулер выжидающе посмотрел каждому из нас в лицо, словно не видел леса поднятых рук. (Да простит меня бог, но моя рука тоже была поднята кверху.) Затем он кивнул человеку, сидевшему справа от него.— Начинай, Бен,— сказал он.

Бен Уинстон поднялся и заговорил:

— Что касается нашего Отдела промышленной антропологии, то мы сдаваться не собираемся. Слушайте нашу сводку — ее передадут в дневном выпуске бюллетеня. А пока, разрешите, я вкратце познакомлю вас с нею. Согласно сведениям, полученным сегодня ночью, все начальные школы к востоку от Миссисипи приняли рекомендованную нами упаковку для школьных завтраков. Соевые котлеты и бифштексы из мяса ископаемых животных...— При одном упоминании о соевых котлетах и бифштексах из восстановленного мяса все присутствующие невольно содрогнулись. Уинстон продолжал:—...поступят в продажу в такой же зеленой

обертке, в какой идут все товары фирмы «Юниверсал продактс». Однако конфеты, мороженое, детские сигаретки — все это идет на рынок в ярко-красной упаковке фирмы «Старзелиус». Когда дети подрастут...—тут Бен Уинстон, оторвавшись от своих записей, торжествующе посмотрел на нас.—...Короче, по нашим точнейшим подсчетам, через каких-нибудь пятнадцать лет фирма «Юниверсал продактс» будет полностью подорвана, обанкротится и исчезнет с рынков!

Под гром аплодисментов он сел на свое место. Шокен тоже аплодировал и сияя поглядывал на нас. Я выдвинулся вперед и придал лицу выражение Номер Один: готовность, деловитость, смекалка. Но я зря старался. Фаулер кивнул Гарвею Бренеру, сухопарому человеку, сидевшему рядом с Уинстоном.

— Я мог бы и не напоминать вам о том, что у Отдела торговли своя специфика работы,— начал Бренер, надувая впалые щеки.— Ручаюсь, что наше проклятое правительство кишит «консами». Знаете, до чего оно додумалось? Оно запретило нам принудительную обработку потребителя ультразвуковой рекламой. Но мы не отступили и дали рекламу с подбором таких слов, которые ассоциируются у потребителя с основными психотравмами и неврозами американского образа жизни. Правительство послушалось этих болванов из Департамента безопасности движения и запретило проецирование рекламы на окна пассажирских самолетов. Но и здесь мы его перехитрили. Наша лаборатория сообщает,— он кивком головы указал на сидевшего напротив заведующего Отделом научных изысканий,— что скоро будет испробован способ проецирования

рекламы непосредственно на сетчатку глаза. И это еще не все! Мы постоянно ищем новые пути. В качестве примера можно сослаться на рекламу нашего напитка Кофиест...— Но тут он вдруг резко оборвал свою речь.— Прошу прощения, мистер Шокен,— сказал он почти шепотом.— Наш Отдел безопасности хорошо проверил эту комнату?

Фаулер Шокен кивнул.

— Абсолютно безопасна. Ничего, кроме обычных приборов для подслушивания, установленных государственным департаментом и палатой представителей. Мы их, разумеется, подключили к магнитофонам с заранее сделанной записью.

Гарвей успокоился.

— Так вот, о Кофиесте,— продолжал он.— Мы пробуем его сейчас в пятнадцати крупнейших городах страны. Условия обычные — трехмесячный запас Кофиеста, тысяча долларов наличными и недельная поездка на Лигурийскую Ривьеру для всех, кто согласен попробовать Кофиест. Но,— и это, с моей точки зрения, делает нашу рекламу поистине грандиозным мероприятием,— каждая порция Кофиеста содержит три миллиграмма простейшего алкалоида. Никакого вреда для здоровья, но привыкаешь, как к любому наркотику. Через десять недель клиент пойман, он наш до конца жизни. Чтобы излечиться, ему придется потратить по меньшей мере пять тысяч долларов; куда дешевле пить Кофиест — по три чашки за завтраком, обедом и ужином да кувшинчик у постели на ночь — все как указано на этикетках.

Фаулер Шокен буквально сиял, а я снова поторопился придать своему лицу выражение Но-

мер Один. Рядом с Гарвеем сидела Тильди Матис, заведующая Отделом литературных кадров, подобранная на эту должность самим Фаулером Шокемом. Однако на заседаниях правления Шокен не любил давать слово женщинам. А рядом с Тильди сидел я. Мысленно я уже начал готовить свое выступление, как вдруг Шокен с улыбкой посмотрел на меня.

— Я отнюдь не собираюсь заслушивать все отделы. У нас нет времени. Но вы, джентльмены, уже ответили на мой вопрос. И ваш ответ мне по душе. До сих пор вы принимали любой вызов, думаю, не подведете и сейчас.

Он нажал кнопку на щитке перед собой и повернулся на вращающемся кресле. Свет в комнате погас; спроецированная на стену картина Пикассо исчезла, белела только матовая поверхность экрана. Но вот на ней появилось новое изображение.

Я уже видел его сегодня утром на экранчике над моим зеркалом для бритья.

Это была ракета для полетов на Венеру — трехсотметровое чудовище, уродливый отпрыск стройной «Фау-2» и приземистых лунных ракет далекого прошлого. Ракета была в стальных и алюминиевых лесах, по которым ползали крохотные фигурки людей, вспыхивали голубоватые огоньки сварочных аппаратов. Эти кадры были сняты в первые недели или месяцы постройки ракеты; я же видел ее сегодня совсем готовой к отлету.

С экрана донеслось: «Этот корабль проложит путь к звездам». Я узнал торжественный, как

орган, голос комментатора из Отдела звукоэффектов. Автором полуграмотного текста была, несомненно, одна из девиц, подобранных Тильди Матис; только «talанты» из отдела Тильди Матис, не моргнув глазом, могли назвать Венеру звездой.

— «Вот корабль, который современный Колумб поведет в космос,— раздавалось с экрана.— Шесть с половиной миллионов тонн стали и укрошенных молний, ковчег, вмещающий тысячу восьмьсот мужчин и женщин и все необходимое для того, чтобы новый мир стал им родным домом. Кто же поведет этот корабль? Кто те счастливики, которым выпала честь первым отвоевать у космоса одну из богатейших и плодороднейших его территорий? Позвольте представить их вам. Вот супружеская чета, бесстрашные...»

И все в таком роде. Изображение ракеты сменилось видом просторной комнаты в пригороде. Раннее утро. Муж убирает в стену кровать, сдвигает перегородку, отгораживавшую на ночь детский уголок. Жена вращает диск автомата, отпускающего завтрак, устанавливает раскладной столик. За утренним стаканом сока для взрослых и завтраком для малышей (который, разумеется, все до одного запивают чашкой дымящегося Кофиеста) семья беседует о том, как мудро и дальновидно поступили они, решив лететь на Венеру. После вопроса, заданного самым младшим членом семьи («Мамочка, а когда я вырасту, можно мне отвезти моих маленьких сыночков и дочек в такое же хорошее местечко, как Венера?»), следовали впечатляющие кадры, показывающие Венеру такой, какой она станет к тому времени, когда малыш подрастет,— зеле-

ные долины, кристально-чистые озера, сверкающие горные вершины.

Комментатор не то чтобы отрицал, он попросту умалчивал о тех десятилетиях, которые пионерам предстоит прожить в герметически закрытых помещениях, используя гидропонику и достижения безводной химии, работая над тем, как изменить совершенно непригодную для земных жителей атмосферу Венеры.

Когда началась демонстрация фильма, я машинально нажал кнопку своего секундомера. Теперь стрелка показывала девять минут. Втрое больше, чем полагается на коммерческую рекламу. На одну минуту больше того, что мы привыкли давать потребителю.

Лишь потом, когда зажегся свет и все потянулись за сигаретами, а Фаулер Шокен снова заговорил, я понял, почему это стало возможным.

Фаулер начал свою новую речь взволнованно и, как всегда, издалека. Умение говорить туманно и витиевато принято считать у нас признаком профессионального мастерства. Фаулер напомнил нам историю развития рекламы — от первых попыток зазвать покупателя, чтобы сбыть изготовленные домашним способом товары, до той поистине великой роли, которую играет реклама сегодня, создавая новые отрасли промышленности, перестраивая весь образ жизни человека в угоду интересам рекламных компаний. Он снова напомнил нам все, что сделала фирма «Фаулер Шокен» за славную историю своего стремительного развития. Выступление он закончил так:

— Есть старинная пословица, друзья: «Так

мир мне устрицею станет»*. Мы как нельзя лучше подтвердили это, проглотив устрицу.— Он старательно погасил окурок.— Да, мы проглотили ее,— повторил он.— Мы в полном смысле слова завоевали этот мир. А теперь, как Александр Македонский, мы жаждем новых миров и новых побед. И там,— он махнул рукой в сторону экрана за своей спиной,— вы только что видели первый из них.

Как вы, должно быть, уже догадались, я не выношу Мэтта Ренстеда. Он всюду сует свой нос и, как я подозреваю, подслушивает телефонные разговоры даже у нас в конторе. Он, несомненно, заранее вынюхал все, что касалось Венеры. Пока мы все еще переваривали сообщение Фаулера, Ренстед уже вскочил на ноги.

— Джентльмены! — с подъемом воскликнул он.— Это поистине гениально! Это вам не Индия, не продажа товаров широкого потребления! Перед нами возможность продать целую планету! Приветствую тебя, Шокен — Клайв, Боливар, Джон Джекоб Астор ** нового мира!

Как я уже говорил, Мэтт высказался первым. Затем один за другим выступили все и повторили то же самое. Включая и меня. Мне это было совсем не трудно, так как за долгие годы не раз

* Слова Пистоля из комедии Шекспира «Виндзорские кумушки»: «Так мир мне устрицею станет:

Его мечом я вскрою» (акт 2, сцена 2).

Здесь и далее примечания переводчика.

** Роберт Клайв — один из наиболее жестоких и предпримчивых английских колонизаторов периода завоевания Индии; Симон Боливар — руководитель борьбы за освобождение латино-американского континента от испанских колонизаторов; Джон Джекоб Астор — основатель династии американских миллионеров.

приходилось проделывать подобное. Кэти никак не могла примириться с этим, а я, отшучиваясь, говорил, что в сущности это своего рода ритуал — разбивали же бутылку с шампанским о нос нового корабля перед его спуском на воду или приносили девственницу в жертву богу урожая. Но даже в шутках я старался знать меру. Не думаю, чтобы кто-либо из нас, кроме разве Мэтта Ренстеда, хотел сбывать населению наркотики только ради одной наживы. Однако, слушая Шокена, замороженные собственными речами, мы, казалось, были готовы на все во имя нашего великого бога — Торговли.

Я отнюдь не хочу сказать, что мы преступники. Ведь, как заверил нас Гарвей Бренер, наркотики в Кофиесте совершенно безвредны для здоровья человека.

Когда наконец высказались все, Фаулер нажал еще одну кнопку на щитке и начал знакомить нас с материалами. Он объяснял все обстоятельно. Одна за другой возникали на экране таблицы, схемы, диаграммы нашего нового отдела, который должен заняться исследованием и эксплуатацией Венеры. Он посвятил нас во все закулисные махинации и сделки с членами конгресса, обеспечившие нам исключительное право обирать планету, и мне стало понятно, почему он так смело нарушил закон и втрое превысил время, положенное на коммерческую рекламу. Шокен сообщил нам, что американское правительство (странно, как мы все еще наделяем самостоятельностью этот орган сделок и взаимных услуг) очень заинтересовано в том, чтобы Венера принадлежала Америке. Поэтому оно и решило прибегнуть к истинно амери-

канскому способу рекламы. Слушая Фаулера Шокена, мы заразились его энтузиазмом, и я уже начал завидовать тому, кто возглавит наш новый отдел. Любой из нас был бы счастлив получить эту работу.

Шокен рассказал, сколько хлопот ему доставил сенатор, ставленник химического треста «Дюпон», прошедший большинством в сорок пять голосов, и как просто удалось разделаться с сенатором от компании «Нэш-Кальвинейтор», собравшим всего шесть голосов. Он с гордостью поведал нам, как ловко было подстроено фальшивое выступление «консов» против фирмы «Фаулер Шокен», обеспечившее нам поддержку министра внутренних дел, бешено ненавидевшего консервационистов. Отдел наглядной рекламы прекрасно суммировал материалы, однако понадобилось не меньше часа, чтобы просмотреть все карты и таблицы и выслушать рассказ Фаулера о его планах и победах.

Наконец он выключил проектор.

— Ну, вот и все, — сказал он, — такова программа нашей новой рекламной кампании. Приступаем мы к ней немедленно, сейчас же. Остается сделать последнее сообщение.

Фаулер Шокен — превосходный актер. Он порылся в своих заметках и конспектах и наконец, отыскав нужный ему клочок бумаги, прочел то, что мог бы произнести без всякой шпаргалки самый мелкий клерк в нашей конторе.

— «Заведующим Отделом Венеры, — торжественно читал по бумажке Шокен, — назначается Митчел Кортней!»

И это было, пожалуй, самым большим сюрпризом, ибо Митчел Кортней — это я.

Все члены правления разошлись по своим отделам, но я задержался у шефа еще на минутку-другую. Несколько секунд прошло, пока я спустился на лифте к себе на восемьдесят шестой этаж. Поэтому, когда я вошел в кабинет, Эстер уже разобралась с бумагами и освободила мой стол.

— Поздравляю, мистер Кортней,— сказала она.— Вы переселяетесь на восемьдесят девятый. Замечательно, не правда ли? Теперь у меня тоже будет отдельный кабинет.

Я поблагодарил Эстер и тут же пододвинул к себе телефонный аппарат. Прежде всего предстояло созвать сотрудников отдела и объявить им, в чьи руки отныне передаются бразды правления. Но начал я с того, что снова позвонил Кэти. Когда мне опять никто не ответил, я пригласил к себе сотрудников отдела.

Все, как положено, вполне пристойно сожалели о моем уходе и откровенно радовались — ибо каждый соответственно продвигался вверх по служебной лестнице. Наступило время ленча, и я отложил дела, связанные с Венерой, на вторую половину дня.

Позвонив еще раз по телефону, я быстро позавтракал в кафетерии компании и спустился на лифте к платформам метрополитена. Поезд, промчав кварталов шестнадцать, доставил меня в южную часть города. Выйдя из метрополитена, я впервые за весь день очутился на открытом

воздухе. Достав пылеуловители, я хотел было заправить их в нос, но потом раздумал. Шел небольшой дождь, и воздух был сравнительно чистым. Стояла летняя погода, душная и сырая. Пешеходы, запрудившие тротуары, спешили поскорее укрыться в зданиях. Протиснувшись сквозь толпу, я пересек улицу и вошел в вестибюль одного из домов.

Лифт поднял меня на четырнадцатый этаж. Дом был старый, с плохим кондиционированием воздуха, и в своем промокшем костюме я сразу же почувствовал озноб. Я подумал, что, пожалуй, лучше сослаться на озноб, чем на придуманное наспех недомогание, но потом отказался от этой мысли и вошел в приемную. Девушка в белом, туго накрахмаленном халате вопросительно подняла глаза. Я назвал свое имя.

— Силвер. Уолтер Пи Силвер. Я записан на прием.

— Да, мистер Силвер,— тут же вспомнила она.— Вы сказали, что у вас сердце, случай неотложный.

— Совершенно верно. Возможно, это нервы, но я внезапно почувствовал...

— Конечно, конечно.— Она указала мне на стул.— Доктор Нэвин сейчас вас примет.

Но ждать пришлось минут десять. Когда из кабинета вышла молодая девушка, туда прошел мужчина, записавшийся на прием раньше меня. Наконец сестра сказала, обращаясь ко мне:

— Проходите, пожалуйста.

Я вошел. Кэти, очень строгая и очень красивая, в белом докторском халате, прятала в стол карточку больного. Подняв голову и увидев меня, она недовольно воскликнула:

— Митч!

— Я солгал только тогда, когда назвал вымышленное имя,— сказал я.— А в остальном все верно. Случай, действительно, неотложный, и речь идет о моем сердце.

Что-то похожее на улыбку мелькнуло на лице Кэти, но тут же исчезло.

— Этот случай медицину не интересует.

— Я сказал твоей девушке, что, возможно, это нервы, но она все же предложила мне подождать.

— Я с ней об этом потолкую. Ты прекрасно знаешь, Митч, что я не могу беседовать с тобой, когда идет прием больных. Пожалуйста, уходи...

Я сел у ее стола.

— Ты теперь совсем не хочешь видеть меня, Кэти? Что случилось?

— Ничего. Уходи, Митч. Я — врач, меня ждут больные.

— Да пойми же, для меня это важнее всего на свете! Я пытался дозвониться тебе и вчера и сегодня утром.

Не поднимая глаз, она закурила сигарету.

— Меня не было дома.

— Да, знаю.— Наклонившись вперед, я взял у нее из рук сигарету и затянулся. Пожав плечами, она вынула из пачки новую.— Должно быть, я даже не имею права спрашивать, где моя жена бывает по вечерам?

Кэти вспыхнула.

— Черт возьми, Митч, ты же отлично знаешь...

В это время на ее столе зазвонил телефон. Кэти на мгновение устало прикрыла глаза, а затем взяла трубку. Откинувшись на спинку кре-

сла и устремив взгляд куда-то в угол, сразу смягчившись, она превратилась в врача, терпеливо выслушивающего жалобы больного. Когда разговор, длившийся несколько минут, наконец был окончен, Кэти уже полностью овладела собой.

— Пожалуйста, уходи, Митч,— попросила она, гася окурки.

— Не уйду, пока не скажешь, когда мы встретимся.

— Я... у меня нет времени, Митч. Кроме того, я тебе не жена. Ты не имеешь права преследовать меня. Я попрошу защиты, наконец, даже могу потребовать, чтобы тебя арестовали.

— Не забывай, что я уже подал заявление о браке,— напомнил я.

— Зато я не подавала и никогда не подам. Как только кончится год, я порываю с тобой, Митч! Порываю навсегда!

— Мне надо сообщить тебе кое-что очень важное.

Любопытство всегда было слабостью Кэти. Наступила долгая пауза, а затем вместо того, чтобы снова сказать мне «уйди», она спросила:

— Ну, что еще случилось?

— Нечто поистине потрясающее, и это необходимо отпраздновать. По этому случаю мне и хотелось бы увидеться с тобой сегодня вечером. Совсем ненадолго. Пожалуйста, Кэти! Я люблю тебя и обещаю не устраивать сцен.

— Нет...— Но она уже заколебалась.

— Прошу тебя!

— Хорошо.— Пока она раздумывала, снова зазвонил телефон.— Хорошо,— сказала она.—

Позвони мне домой. В семь. А теперь я должна заняться больными.

Она сняла трубку. Я направился к двери. Кэти разговаривала по телефону и даже не взглянула в мою сторону.

Когда я вошел в кабинет Шомена, он сидел, низко склонившись над столом, и листал последний номер «Таунтонз уикли». Обложка журнала ослепительно сверкала, словно типографская краска вобрала в себя все цвета радуги, и каждая ее молекула была прямо в глаза, как крошечный яркий прожектор. Шомен потряс передо мною блестящими страницами.

— Что ты скажешь об этом, Митч?

— Дешевка, — не задумываясь, ответил я. — Если бы мы унизились до того, что стали издавать подобный журнальчик, я тут же подал бы в отставку. Слишком дешевый прием.

— Гм. — Фаулер положил журнал яркой обложкой вниз; краски вспыхнули в последний раз и погасли.

— Да, это дешевка, — сказал он задумчиво. — Однако нашим конкурентам нельзя отказать в изобретательности. Еженедельно рекламу фирмы «Таунтон» читают шестнадцать с половиной миллионов. И все они становятся потребителями товаров фирмы «Таунтон» — ее и никого больше. Надеюсь, ты пошутил, когда сказал об отставке? Я только что дал указание Гарвею Бренеру начать издание журнала «Шок». Первый номер выйдет тиражом в двадцать миллионов. Ладно, ладно, — милостиво остановил он меня, когда я стал неуклюже оправдываться. — Пони-

маю, что ты хотел сказать, Митч. Ты против дешевой рекламы. Я тоже против. Для меня Таунтон — олицетворение всего, что мешает рекламе занять принадлежащее ей по праву место в жизни нашего общества наравне, скажем, с религией, здравоохранением и судом. Таунтон способен на все, вплоть до подкупа судьи и похищения сотрудников конкурирующих фирм. Тебе, Митч, надо его особенно остерегаться.

— Мне? Почему именно мне?

Шокен издал самодовольный смешок.

— Да потому, что мы украли у него Венеру из-под самого носа, вот почему. Я уже говорил тебе — он предприимчив, эта идея пришла в голову одновременно ему и мне. Поверь, нелегко было убедить правительство отдать предпочтение нам.

— Понимаю, — сказал я. И действительно понял все. За долгую историю существования наших правительств нынешнее было, пожалуй, самым представительным. Не по количеству представителей *per capita* *, а скорее *ad valorem* ** этих представителей. Если вы любите пофилософствовать на разные темы, то лучше этой не найти. Следует ли расценивать голоса избирателей одинаково, как это пытаются провозглашать наши законы, ссылаясь на заветы отцов — основателей нашей нации, или правильнее будет прежде всего принимать в расчет силу, мудрость и влияние, точнее, деньги избирателя? Однако эти размышления не для меня. Я — прагматик, да к тому же прагматик, состоящий на жаловании у фирмы «Фаулер Шокен».

* На душу населения (лат.).

** По стоимости (лат.).

Меня беспокоило одно.

— Не вздумает ли Таунтон предпринять... э-э... решительные шаги?

— О, он, конечно, снова попыбует украсть у нас Венеру,— спокойно ответил Фаулер.

— Я не об этом. Помните, что произошло, когда мы начали эксплуатацию Антарктики?

— Еще бы, я сам там был в это время. Сто сорок убитых у нас и бог знает, сколько у них.

— А ведь это был всего лишь один континент. Таунтон расценивает такие вещи как личный вызов. Если он полез в драку из-за какого-то паршивого замороженного континента, представляете, на что он пойдет из-за целой планеты?

— Нет, Митч,— терпеливо разубеждал меня Шокен.— Он не решится. Во-первых, драки теперь влетают в копеечку, во-вторых, мы не дадим ему формального повода и, в-третьих, мы вовремя прищемим ему хвост.

— Да, конечно,— сказал я и успокоился.

Поверьте, я искренне предан фирме. С первых же дней работы, еще в пору ученичества, я старался жить только интересами фирмы и интересами торговли. Но войны в промышленном мире, да и в мире рекламы, ведутся очень уж грязными способами. Всего несколько десятков лет назад одно небольшое, но предприимчивое рекламное агентство в Лондоне затеяло тяжбу с английским филиалом фирмы «Бэттн, Бартон, Дерстайн и Осборн». В результате уцелела лишь пара Бартонов да один малолетний Осборн.

Говорят, что и сейчас еще на ступеньках Министерства почт и телеграфа видны следы крови — свидетельство жестокой схватки «Уэстерн

юнион» с Американской железнодорожной компанией за контракты на перевозку почты.

Шокен продолжал.

— Прежде всего не спускай глаз со всякого рода фанатиков. Им ведь придется что-то сказать о проекте. Каждая из этих организаций, начиная с «консов» и кончая республиканской партией, немедленно выскажется «за» или «против». Надо сделать так, чтобы они были «за». От этого многое зависит.

— Чтобы даже «консы» были «за»?! — воскликнул я.

— Ну на этих я не рассчитываю. Они скорее будут помехой.— Фаулер задумчиво покачал головой.— М-м. Пожалуй, надо пустить слух, что космические полеты противоречат убеждениям консервационистов. Полеты требуют больших расходов сырья, а это непременно приведет к снижению жизненного уровня, понимаешь? К примеру, для получения горючего нужно органическое сырье, а «консы» считают, что его лучше пустить на удобрения.

Любо-дорого смотреть, когда за дело берется мастер. Фаулер тут же набросал программу действий. Мне оставалось уточнить детали. Консервационисты — всегда подходящая мишень. Эти свихнувшиеся фанатики пытаются утверждать, что современная цивилизация «опустошает» планету. Чудовищная ерунда! Когда не хватает природных ресурсов, на помощь всегда приходит наука. В конце концов, когда натуральное мясо стало редкостью, у нас появились соевые котлеты. Когда иссякли запасы нефти, техническая мысль дала нам педальный автомобиль.

Я в свое время тоже испытал на себе влияние

идей «консов» и знаю, что все их аргументы сводятся к одному: жить, сообразуясь с законами природы. Вздор! Если бы природа хотела, чтобы мы жили в соответствии с естественными законами, зачем бы ей предоставлять нам возможности для изготовления заменителей?

Еще минут двадцать я слушал вдохновенные речи Фаулера Шокена и снова, в который уже раз, отметил про себя умение шефа кратко и четко излагать программу действий.

Детали, как всегда, он оставлял мне. А я-то уж свое дело знал. Необходимо, чтобы американцы колонизировали Венеру. Для этого нужно решить три задачи: завербовать колонистов, доставить их на Венеру и занять их там чем-нибудь.

Первую задачу легко решить с помощью рекламы. Телевизионная реклама фирмы «Шокен» поставлена настолько хорошо, что можно полностью на нее положиться. Людей, в сущности, не так уж трудно убедить, что хорошо именно там, где нас нет. Я уже набросал примерный план рекламной кампании с бюджетом в мегамиллион долларов. Запрашивать больше, пожалуй, было бы неосторожно.

Решение второй задачи лишь отчасти зависело от нас. Созданием межпланетных кораблей по заказам военного министерства занимались Республиканская авиационная компания, телефонная компания Бэлл и Американский стальной трест. Наша задача заключалась не в том, чтобы перевезти колонистов на Венеру, а в том, чтобы заманить их туда. Когда ваша жена вдруг обнаруживает, что испортившуюся плитку для поджаривания хлеба невозможно заменить новой,

потому что детали к ней изготавливаются из никрома, идущего на постройку реактивных двигателей, а вечно недовольный конгрессмен, ставленник какой-нибудь захудалой фирмы, вдруг решает, потрясая сводками, уличить правительство в безрассудном расходовании средств на бредовые проекты — вот тут-то и начинается наша работа. Нам предстоит убедить вашу жену, что ракета нужна ей больше, чем плитка для поджаривания хлеба, а фирме мы даем понять, что глупость конгрессмена может ей дорого обойтись.

Я подумал было о применении «жесткой» политики, но тут же отказался от этой мысли. Это может повредить другим капиталовложениям фирмы «Шокен». Пожалуй, правильнее сыграть на религиозных чувствах — например, убедить те 800 миллионов, которые не полетят на Венеру, что им необходимо чем-то жертвовать.

На всякий случай я взял все на заметку — в этом мне поможет Бренер. Оставалось решить третий вопрос: чем занять колонистов на Венере.

Я знал, что именно над этим ломает сейчас голову Фаулер Шокен. Правительственная субсидия на организацию рекламы была бы неплохим дополнением к нашему годовому бюджету. Но Шокен был слишком крупным дельцом, чтобы довольствоваться единовременной подачкой. Он хотел заручиться финансовой поддержкой на несколько лет, пока на Венере не будут построены основные промышленные центры. Кроме того, колонисты и все их потомство должны принадлежать только ему. Ясно, что Фаулер задумал повторить наш блестящий опыт с Индиа-

стрией, только в еще более грандиозных масштабах. Наша фирма объединила Индию в гигантский картель, где каждая сплетенная крестьянином корзина, каждый слиток иридия и каждый грамм опиума находили сбыт только через рекламное агентство Шокена. То же предстояло сделать на Венере. Потенциальные выгоды от этого предприятия были бы равны общей сумме всех золотых запасов на Земле. Планета величиной с Землю, не менее богатая, чем Земля,— и каждый микрон, каждый миллиграмм ее наш!

Я посмотрел на часы. Около четырех. Свидание с Кэти назначено на семь. Времени в обрез. Я вызвал Эстер по телефону и велел заказать билет на реактивный самолет, отбывающий в Вашингтон. А сам тем временем позвонил человеку, которого указал мне Фаулер,— Джеку О'Ши, пока единственному из смертных, побывавшему на Венере. Когда он давал согласие на встречу, его молодой голос звучал довольно самоуверенно.

На посадочной площадке нас продержали лишних пять минут, затем у трапа послышался какой-то шум. Самолет окружили солдаты охраны из сыскного агентства Бринка, и лейтенант начал проверку документов. Когда очередь дошла до меня, я поинтересовался, что случилось. Внимательно посмотрев на коротенький номер моего свидетельства благонадежности, лейтенант отдал честь:

— Простите за беспокойство, мистер Кортней,— извинился он.— «Консы» сбросили бомбу

вблизи Топеки. У нас есть сведения, что преступник находится на борту самолета, прибывающего в 16.30. Похоже, он стреланный воробей.

— На что же они покушались?

— На Отдел сырьевых ресурсов компании «Дюпон». У нас с ней контракт на охрану их заводов. Компания собралась заложить новую шахту на месте плодородного поля. Все было обставлено очень торжественно, но как только гидравлические машины начали бурение, из толпы бросили бомбу. Машинист, его помощник, а также вице-президент компании были убиты наповал. Преступник скрылся в толпе, но его заметили. Он от нас не уйдет.

— Желаю успеха, лейтенант,— сказал я и поспешил в здание аэровокзала. О'Ши уже ждал меня в баре за столиком у окна. Он был явно недоволен, но, выслушав мои объяснения, улыбнулся.

— Что ж, со всяким может случиться,— заметил он, болтая коротенькими ножками, и звонким голосом подозвал официанта. Когда тот принял заказ, Джек откинулся на спинку стула и сказал:

— Итак, я к вашим услугам.

Я посмотрел на него, а затем перевел взгляд в окно. Далеко в южной части аэродрома на гигантском обелиске в память Ф.Д.Р.* мерцал огонек светового сигнала, а еще дальше едва виднелся крохотный купол старого Капитолия. Я никогда за словом в карман не лез, а тут не знал, как начать разговор. О'Ши явно наслаждался моим замешательством.

* Франклин Делано Рузвельт.

— Итак;— снова повторил он не без ехидства, и я понял, что в эту минуту он думает: — «Ну вот, теперь вы все приходите ко мне на поклон. Каково? Вроде бы вам это не по вкусу?»

Наконец я решился:

— Что на Венере?

— Песок и туман,— ответил он не задумываясь.— Разве вы не читали мой отчет?

— Разумеется, читал. Но мне этого мало.

— В отчете все сказано. Господи, когда я вернулся, меня допрашивали целых три дня. Если я что-нибудь тогда и упустил, то теперь уже наверняка не вспомню.

— Меня не это интересует, Джек. Кому придет в голову убивать время на чтение официальных отчетов. Я специально держу пятнадцать человек только для того, чтобы они читали их за меня. Мне нужно другое. Я должен сам почувствовать, что такое Венера. И помочь мне в этом может только один человек — тот, кто сам там побывал.

— Иногда я жалею об этом,— устало сказал Джек О'Ши.— С чего начать? Вам известно, почему выбор пал на меня? Я единственный на Земле пилот-карлик. О корабле, на котором я летал, вы и без меня все знаете. Видели, должно быть, образцы пород, которые я доставил на Землю. Целиком полагаться на них не стоит. Я совершил всего одну посадку, а в пяти милях от этого места геологическое строение Венеры может оказаться совсем иным.

— Все это мне известно. Послушайте, Джек, предположим, необходимо заманить на Венеру людей, много людей. Что бы вы им рассказали о планете?

Он рассмеялся.

— Наговорил бы кучу небылиц. Выкладывайте-ка все начистоту. Зачем я вам нужен?

И пока я посвящал его в планы Шокена, его крохотные круглые глазки на крохотном круглом личике, не отрываясь, глядели на меня. В лицах карликов есть что-то непроницаемое, как у фарфоровых кукол: будто природа, обидев их ростом, тут же поторопилась доказать, что рост — это еще не все, и придала их чертам то совершенство и утонченность, которых нет у обыкновенных людей. Джек медленно потягивал свой напиток, а я в паузах большими глотками пил свой.

Закончив рассказ, я все еще не знал, станет ли Джек моим союзником, а для меня это было очень важно. Он не марионетка из правительственного аппарата, пляшущая под дудку Фаулера Шокена, и не чиновник, которого легко можно купить. Фаулер дал ему возможность немного понежиться в лучах славы — мы рекламировали банкеты в честь О'Ши, его книги и публичные лекции. Он должен был чувствовать по отношению к нам известную благодарность, но не больше.

— Что ж, если я могу быть вам полезен...— сказал он. После этого беседа пошла непринужденней.

— Можете,— заверил его я.— За этим я к вам и приехал. Скажите, что можно сделать на Венере?

— Чертовски мало,— ответил он, и тонкая морщинка прорезала его гладкий блестящий лоб.— С чего бы начать? Вас интересует, должно быть, атмосфера Венеры? Формальдегид в

чистом виде — препятствует гниению. Температура? Все время выше точки кипения воды, если бы вода вообще была на Венере. По крайней мере до сих пор ее там не обнаружили. Ну, что еще? Ветры, например? Меня несло со скоростью пятьсот миль в час.

— Нет, не то, — сказал я. — Это все мне известно. Право, Джек, на такие вопросы я и сам бы мог ответить. Я хочу почувствовать, что значит побывать на Венере, хочу знать, что чувствовали вы, когда попали туда. Говорите все. Я останавливаю вас, как только услышу то, что мне нужно.

Джек прикусил верхнюю губу.

— Ладно, — заметил он. — В таком случае начну с самого начала. Закажем еще по стаканчику, а?

Официант подал напитки. Джек, барабанив пальцами по столу и потягивая рейнвейн с сельтерской, стал рассказывать.

Начал он издавека, и это было как раз то, что нужно. Я хотел знать все, самую суть, хотел уловить то трудно передаваемое субъективное впечатление очевидца, которое неизбежно должно крыться за сухими, профессиональными данными его отчета о полете на Венеру. Ведь именно это впечатление должно было придать потом убедительность нашей рекламной компании и обеспечить ее успех.

Он рассказал о своем отце, инженере-химике, рослом мужчине, и о матери, хлопотливой толстушке. Он заставил меня пережить сначала их отчаяние, а затем горячую любовь к их крохотному сыну. Джеку исполнилось одиннадцать лет, когда впервые встал вопрос о его будущем и вы-

боре профессии. Он вспомнил, как были они удручены, когда спокойным и нарочито небрежным тоном он внес свое первое предложение — поступить в цирк. И если в семье никогда больше не возвращались к этому разговору, то это была целиком заслуга его родителей. Однако самым большим подвигом их родительской любви была безоговорочная поддержка, которую они оказали сыну, когда он решил изучать механику и реактивные двигатели, чтобы стать летчиком-испытателем. Они помогли ему мужественно перенести насмешки и пережить обиду первых отказов, поступивших из школ. Все это потом окупилось его полетом на Венеру.

Создатели ракеты столкнулись с самого начала с большими трудностями. Послать ракету на Луну, до которой всего каких-нибудь четверть миллиона миль, было не трудно; теоретически просто направить ракету и на Венеру, ближайшую от Земли планету. Трудность состояла в том, какую выбрать орбиту, как сократить время полета, как управлять ракетой и как вернуть ее на Землю. Перед конструкторами встала дилемма. Можно создать ракету, которая достигнет Венеры буквально за несколько дней, но при этом потребуется столько горючего, что его не разместить и на десяти межпланетных кораблях. Можно, конечно, направить ракету по орбите Венеры, — она поплывет спокойно, словно баржа по тихой реке; это сэкономит горючее, но растянет полет на месяцы. За восемьдесят дней человек съедает такое количество пищи, которое вдвое превышает его собственный вес, поглощает кислорода в девять раз больше собственного веса, а воды — столько, что на ней вполне может

продержаться шлюпка. Пытался ли кто-нибудь извлекать воду, продукты питания и кислород из отходов человеческого организма? Конечно. Но, к сожалению, такая аппаратура весила бы значительно больше всех запасов продовольствия, воды и кислорода. Казалось, послать в ракете пилота-человека невозможно.

Группа конструкторов начала работать над созданием автоматического управления. Автопилот был создан и успешно прошел испытания. Однако весил он порядочно, несмотря на то что использовали печатный монтаж и микромодули.

На этом все попытки закончились, пока кому-то в голову не пришла мысль использовать самый совершенный из механизмов — пилота-карлика. Джек О'Ши весил втрое меньше нормального человека, и соответственно ему понадобится втрое меньше еды и кислорода. Когда его снабдили легчайшими приборами для очистки воздуха и воды, Джек точно подошел по всем статьям и покрыл себя неувядаемой славой.

А сейчас он сидел печальный и задумчивый, немного захмелевший от быстрого воздействия алкоголя на его крохотный организм.

— Они сунули меня в ракету, словно руку в перчатку. Надеюсь, вы представляете, как устроен корабль? Понимаете, они втиснули меня в сиденье пилота. Собственно, это даже не сиденье. Это скорее напоминает водолазный костюм. Воздух поступает только в него, вода льется вам прямо в рот. Так достигается экономия в весе...

И все восемьдесят дней он провел в этом костюме. Костюм кормил и поил его, очищал воздух от испарений, уничтожал отходы организма. Если бы понадобилось, он мог бы ввести ново-

каин в сломанную руку, наложить жгут на разорванную артерию, накачать кислород в поврежденное легкое. Джек чувствовал себя в нем, словно младенец в утробе матери, и это ощущение было не из приятных. Полет на Венеру длился тридцать три дня, обратно — сорок один. И все это ради того, чтобы побыть шесть дней на планете.

Джек вел корабль вслепую: облака газа, окутывавшие поверхность незнакомой планеты, заволакивали иллюминаторы, мешали работе радиолокатора. Лишь на расстоянии трехсот с лишним метров от поверхности Венеры Джек смог разглядеть еще что-то, кроме желтых вихрей. Он посадил корабль и выключил моторы.

— Разумеется, выйти из ракеты я не мог, — сказал он. — По многим причинам не мне первому суждено было ступить на почву Венеры. Должно быть, эта честь выпадет кому-нибудь тогда, когда будет решен вопрос о дыхании. Но, во всяком случае, я был на Венере и видел ее. — Он пожал плечами и со смущенным видом негромко выругался. — Сколько раз повторял эти слова на своих лекциях, а вот до сих пор не могу к ним привыкнуть. Я уже говорил, что на Земле наиболее точное представление о Венере дает пустыня Пейнтэд Дезерт. Может, это и действительно так. Я там не бывал. На Венере дуют ветры огромной силы и отрывают от скал целые глыбы. Мягкие породы выдуваются, возникают настоящие пыльные бури. Твердые остаются и, выветриваясь, принимают самые причудливые формы и окраску. Некоторые напоминают грандиозные, величественные мону-менты. Горы и впадины — самых фантастиче-

ских очертаний; иногда кажется, что ты в пещере, только освещенной. А свет там какой-то странный. Такого на Земле не увидишь. Оранжево-красный, яркий, очень яркий и какой-то зловещий. Таким бывает летнее небо во время заката перед грозой, когда вот-вот загремит гром. Только гроз на Венере не бывает, потому что нет ни капли воды.— Он помолчал.— Молнии сверкают часто, а вот дождей нет...

— Не знаю, Митч,— вдруг отрывисто сказал он.— Даст ли вам это что-нибудь?

Я ответил не сразу. Взглянув на часы и увидев, что до отлета в Нью-Йорк остались считанные минуты, я нагнулся и выключил магнитофон, спрятанный в портфеле.

— Вы мне очень помогли, Джек,— заверил его я.— Но мне этого мало. Сейчас я должен лететь обратно. Послушайте, не могли бы вы приехать в Нью-Йорк? Мы бы вместе поработали? Я записал все, что вы говорили, но мне нужны наглядные материалы. Наши художники могут, конечно, использовать снимки, которые вы сделали, но этого недостаточно. Вы можете помочь нам лучше всяких фотографий.— Я подумал, что наши художники все равно изобразят Венеру такой, какой она должна, по их мнению, быть, а не такой, какая она есть на самом деле, но не стал ему этого говорить.— Ну так как же?

Джек, прежде чем дать согласие, с ангельски невинным видом откинулся на спинку стула и заставил меня выслушать подробнейший план обширного лекционного турне, составленный его антрепренером на ближайшие несколько недель. Я сидел как на иголках. Выступление можно отменить, согласился он, а встречу с литераторами,

писавшими за него книгу, можно, пожалуй, провести вместо Вашингтона в Нью-Йорке. Едва мы успели договориться о встрече на следующий день, как объявили посадку на мой самолет.

— Я провожу вас,— предложил Джек. Соскользнув со стула, он бросил на столик деньги для официанта. Мы протиснулись между столиками к выходу. Джек самодовольно ухмылялся и пыжился, слыша восхищенные ахи и охи узнававшей его публики. На аэродроме было темно; на фоне городских огней вырисовывались контуры взлетающих в воздух самолетов. Навстречу нам низко плыл огромный грузовой вертолет; подвешенный к нему контейнер слабо поблескивал в темноте. Вертолет летел на высоте не более двадцати метров, и мне пришлось обеими руками придержать шляпу, чтобы ее не снесло воздушным потоком.

— Черт бы побрал этих извозчиков! — проворчал Джек, подозрительно поглядывая на вертолет.— И куда лезут? Их место на грузовом аэродроме! Только потому, что вертолеты могут маневрировать, эти лихачи и решили разгружаться где попало. Управы на них нет. Если бы я вздумал так обращаться с реактивными самолетами... Эй, бегите! Да бегите же!!.— вдруг завопил он, толкнув меня обеими руками в спину.

Я удивленно вытаращил на него глаза. Но тут он с такой силой толкнул меня своим маленьким телом, что я невольно отскочил в сторону.

— Какого черта!..— начал было я, но скрежет металла и стрекот винтов заглушил мои слова. В нескольких шагах от нас на цементную дорожку с грохотом упал контейнер. Из его лоп-

нувшего алюминиевого брюха посыпались картонки с овсяными лепешками фирмы «Старзелиус».

Одна из красных круглых картонок подкатилась мне под ноги. Я машинально поднял ее.

Освещенный огнями вертолет поднялся вверх и вскоре исчез из виду. Однако я даже не заметил этого.

— Господи, да помогите же им! — вдруг крикнул Джек, дернув меня за рукав. И только теперь я увидел, что в этой части аэродрома мы были не одни. Из-под изуродованной стенки контейнера виднелась чья-то рука, судорожно сжимавшая портфель, и в хаосе звуков я различил захлебывающиеся прерывистые стоны. Так вот чего требовал от меня Джек — помочь этим несчастным! Он подтолкнул меня к контейнеру, и мы вместе попытались поднять его покореженный край. Но я только оцарапал руки и разорвал пиджак. Вскоре появились работники аэропорта и грубо оттеснили нас прочь.

Не помню, что было потом; когда я пришел в себя, то увидел, что сижу у стены аэровокзала на чужом чемодане, а Джек что-то возбужденно говорит мне. Он проклинал пилотов грузовых вертолетов и на чем свет стоит ругал меня за то, что я не заметил, как разжались зажимы, державшие контейнер, и еще что-то в этом роде, — я все равно не в состоянии был ничего уразуметь. Помню, с каким негодованием он выбил у меня из рук красную картонку с лепешками «Старзелиус», которую я неизвестно зачем продолжал держать. Психиатры никогда не относили меня к числу слабонервных и впечатлительных натур, но я продолжал находиться в

состоянии шока даже тогда, когда Джеку наконец удалось посадить меня в самолет.

Только потом стюардесса сказала мне, что под упавшим контейнером погибло пять пассажиров и дело, кажется, получит огласку. Но это я узнал, уже подлетая к Нью-Йорку. А пока только одно запечатлелось в моей памяти — выражение горечи и гнева на фарфоровом личике Джека и слова, которые он то и дело повторял: — Слишком много людей, Митч. Слишком тесно. Я с вами, Митч, нам нужна Венера, нам нужен космос...

Квартирка Кэти в Венсонхэрсте, деловой части города, была небольшой, но уютной, обставленной красиво, удобно и разумно. Кому как не мне это знать. Я нажал кнопку звонка над табличкой «Доктор Нэвин» и улыбнулся, когда Кэти открыла дверь. Но вместо того, чтобы ответить улыбкой, она упрекнула меня: — Ты опоздал, Митч. Кроме того, мы договорились, что ты позвонишь.

Я вошел и сел.

— Я опоздал, потому что чуть было не погиб. А не позвонил, потому что опаздывал. Тебя удовлетворяет такое объяснение? — Как я и надеялся, она сразу же спросила, что случилось, и я рассказал ей о том, как чудом избежал сегодня смерти.

Кэти красивая женщина. Лицо у нее неизменно приветливое и располагающее, белокурые со светлыми и темными прядями волосы всегда безукоризненно причесаны, в глазах затаилась улыбка. Я не раз глядел в это лицо, но никогда не всматривался в него так пристально, как сейчас, когда рассказывал о катастрофе на аэродроме. Увы, меня ждало разочарование. Без сомнения, моя судьба волновала Кэти. Но с таким же успехом ее могли волновать судьбы сотен ее знакомых; я не уловил на ее лице выражения, которое бы говорило, что для Кэти я все-таки значу больше, чем остальные.

Тогда я выложил ей другую важную новость — о Венере и моем новом назначении. Здесь, кажется, мне больше повезло. Она была удивлена, взволнована, обрадована и в порыве добрых чувств даже поцеловала меня. Однако, когда я попытался ответить ей тем же, — ведь я столько месяцев мечтал об этом! — она отстранилась и отошла в другой конец комнаты, сделав вид, что хочет заказать по автомату напитки.

— Придется выпить, — улыбнулась она. — По меньшей мере шампанского. Дорогой Митч, новость, действительно, замечательная!

Я решил воспользоваться моментом.

— Ты не откажешься отпраздновать ее со мной? Отпраздновать по-настоящему?

В ее карих глазах появилась настороженность.

— Гм, — нерешительно промолвила она, однако потом сказала:

— Конечно, Митч. Мы отправимся в город. Угощать буду я, только не возражай. Но ставлю одно условие — ровно в двенадцать мы простимся. Я ночую в госпитале. Утром операция, мне нельзя слишком поздно ложиться. И слишком много пить.

Но говоря это, она улыбалась.

Я решил, что и на том спасибо.

— Чудесно! — ответил я, ничуть не кривя душой, ибо знал, что с Кэти скучать не придется. — Можно мне позвонить по твоему телефону?

Пока Кэти готовила напитки, я успел заказать билеты в кино, обед в ресторане и коктейли в ночном баре. Кэти с сомнением выслушала мою программу.

— Не слишком ли много, Митч? Надо уло-

житься в пять часов. Я не имею права делать операцию, если руки дрожат от усталости.

Я успокоил ее. Она вынослива. Однажды, после того как мы проссорились всю ночь напролет, утром ей пришлось делать трепанацию черепа. Операция прошла блестяще.

С обедом я потерпел неудачу. Не такой уж я гурман, чтобы есть только натуральные белки, но меня возмущает, когда подсовывают суррогаты, а берут ту же цену, что и за натуральные продукты. Шашлык с виду был ничего, но вкус его никого не смог бы обмануть. Извинившись перед Кэти, я раз и навсегда поставил крест на этом ресторане. Но она только рассмеялась. Фильм был неплохой. Киногипноз обычно вызывает у меня головную боль, но здесь я сразу же впал в транс, а после чувствовал себя вполне прилично.

Ночной бар был переполнен, и метрдотель, конечно, перепутал время нашего прихода. Пришлось минут пять подождать в вестибюле. Я попросил Кэти в связи с этим продлить «комендантский час», но она отрицательно покачала головой. Однако, когда метрдотель, рассыпаясь в извинениях, провел нас наконец к нашим местам у стойки бара, Кэти поцеловала меня. Я был на седьмом небе.

— Спасибо,— сказала она.— Чудесный вечер, Митч. Почаще получай повышение по службе. Мне это нравится.

Я раскурил для нее сигарету, затянулся сам и открыл было рот, чтобы объявить ей то, что так хотелось сказать, но тут же передумал.

— Ты что, Митч? — спросила она.

— Я только хотел отметить, что нам всегда хорошо вместе, Кэти.

— Так и знала, что ты это скажешь. Но по-прежнему отвечаю тебе: нет.

— Я тоже знал, что ты так ответишь,— уныло произнес я.— В таком случае пошли отсюда.

Она уплатила за коктейли, и мы вышли на улицу, заложив в нос пылеуловители.

— Педикеб? — спросил швейцар.

— Да, пожалуйста,— ответила Кэти.— Двухместный.

Швейцар свистком подозвал двухместный педальный кеб. Кэти дала старшему из рикш адрес госпиталя.

— Ты тоже можешь ехать, Митч,— сказала она, и я сел рядом.

Швейцар подтолкнул кеб, и рикши тронулись с места.

Не спрашивая разрешения, я поднял верх. На мгновение мне показалось, будто я вновь ухаживаю за Кэти: та же уютная темнота, запах пыльного брезента, скрип рессор. Но эта иллюзия тут же исчезла, когда Кэти предупредила:

— Будь благоразумен, Митч.

— Пожалуйста, Кэти,— произнес я как можно спокойнее.— Выслушай меня. Я буду очень краток.

Она смирилась.

— Мы поженились восемь месяцев назад.— Заметив, что она хочет возразить, я торопливо добавил: — Хорошо, пусть не окончательно. Но мы на время дали друг другу слово. Ты помнишь, почему мы это сделали?

После небольшой паузы она терпеливо ответила:

— Мы были влюблены.

— Верно,— сказал я.— Мы любили. Но у каждого была своя работа, и мы знали, что иногда она мешает нам понимать друг друга. Поэтому мы решили, что наш союз будет временным. Через год мы посмотрим, стоит ли делать его постоянным.— Я дотронулся до руки Кэти, и она не отняла ее.— Дорогая, тебе не кажется, что мы знали тогда, что делаем? Разве мы не можем подождать? В нашем распоряжении целых четыре месяца. Давай подождем. Если к концу этого срока ты не изменишь своего решения, ну что ж, по крайней мере я не буду винить тебя в том, что ты не дала мне последней возможности. Что до меня, то мне нечего себя проверять. Я подал заявление и не возьму его обратно.

Мы проезжали мимо фонаря, и я заметил, как ее губы искривились в горькой усмешке.

— Черт побери, Митч,— сказала она с болью.— Я знаю, что ты не изменишься. И в этом все несчастье. Неужели мне снова надо повторять, что эти просьбы напрасны, что у тебя несносный характер, что ты хитер, как Макиавелли, и так же вероломен и эгоистичен. Когда-то мне казалось, что ты хороший, идеалист, для которого принципы дороже денег. У меня были основания так думать. Ты искренне и убежденно говорил мне об этом, так хорошо отзывался о моей работе. Ты интересовался медициной, чуть ли не через день приходил в больницу, чтобы присутствовать на моих операциях. При мне ты говорил своим друзьям, что гордишься женой-хирургом. Но спустя три месяца я поняла, за-

чем ты это делал. Взять в жены домашнюю хозяйку может каждый. Но превратить первоклассного хирурга в домашнюю хозяйку удалось только одному Митчелу Кортнею.—Голос ее дрогнул.—Могла ли я мириться с этим, Митч? Нет, и никогда не смогу. Дело не в наших размолвках, упреках, ссорах. Я — врач. Люди доверяют мне свою жизнь. Могу ли я отвечать за нее, если я издергана бесконечными семейными ссорами? Неужели ты не понимаешь, Митч?

Я услышал звук, похожий на рыдание.

— Кэти, разве ты меня больше не любишь? — спросил я тихо.

Она долго молчала. Затем рассмеялась коротким нервным смехом.—Вот и госпиталь, Митч! — воскликнула она.—И уже полночь.

Я откинул верх, и мы вышли из коляски.

— Подождите,—сказал я старшему из рикш и проводил Кэти до дверей. Она не захотела поцеловать меня на прощанье и отказалась от новой встречи. Я постоял в вестибюле еще минут двадцать: хотел убедиться, что она действительно ночует здесь. Затем сел в коляску и велел довести меня до ближайшей станции метрополитена. Настроение у меня было отвратительное. Разумеется, оно не улучшилось, когда, получив с меня деньги, один из рикш с самым невинным видом спросил:

— Скажите, сэр, а что такое мак... макиавелли?

— Это по-испански: «Не суй нос не в свое дело»,—ответил я как можно спокойнее. В метро я с горечью подумал, каким богатым в наше время надо быть, чтобы купить себе право побыть с кем-нибудь наедине.

Настроение у меня не улучшилось и на следующий день, когда я утром явился на работу. Только благодаря такту Эстер я не вспылал в первые же несколько минут. К счастью, в этот день не было заседания правления. Передав мне на просмотр утреннюю почту и бумаги, скопившиеся за ночь, Эстер благоразумно удалилась. А когда появилась вновь, в руках у нее была чашка кофе — настоящего ароматного кофе из настоящих кофейных зерен, выращенных на плантациях.

— Смотрительница дамской туалетной комнаты тайком варит нам кофе, — пояснила Эстер. — Она не позволяет выносить его: боится, что об этом узнают в отделе Кофиеста. Но так как вы теперь большое начальство...

Я поблагодарил Эстер и, передав ей пленку с записью беседы с Джеком О'Ши, принялся за дела.

Прежде всего предстояло выбрать участок для испытаний, и тут, конечно, не обошлось без стычки с Мэттом Ренстедом. Он заведует Отделом рынков, и нам бы следовало работать вместе. Однако особого желания сотрудничать он не выказывал. Пока я вставлял в проектор карту Южной Калифорнии, Мэтт и двое его безликих помощников курили, стряхивая пепел прямо на ковер.

Я обвел указкой участок, предназначавшийся для испытаний и размещения контрольных пунктов.

— На территории от Сан-Диего до Тихуаны и в доброй половине населенных пунктов вокруг Лос-Анжелоса и Монтеррея будут контрольные пункты. Остальная часть Калифорнии

и Мексики к северу от Лос-Анжелоса станет районом испытаний нашей рекламы. По-моему, тебе не худо побывать там, Мэтт. В качестве штаб-квартиры предлагаю контору фирмы в Сан-Диего. Ее возглавляет Тернер, он парень смысленный.

Ренстед заворчал:

— Ни снежинки за год. Ни за какие деньги не продашь там и одного пальто, даже если обещаешь красивую девушку в придачу. Черт побери, почему ты не предоставишь заниматься рынками тому, кто в этом кое-что смыслит? Неужели ты не понимаешь, что климат сведет на нет все наши усилия?..

Младший из помощников Ренстеда, словно отштампованный из жести, попытался было поддакнуть своему патрону, но я тут же оборвал его. С Ренстедом я вынужден считаться, ибо он свое дело знает. Но Венера поручена мне, и я был намерен сам ею заниматься. Поэтому мой ответ прозвучал довольно резко:

— Местный и общий доход, возрастной состав и плотность населения, особенности его психического склада, здоровье, распределение дохода по возрастным группам, смертность и ее причины — все это дело десятое. Мэтт, Калифорния и Мексика самим богом созданы для испытаний нашей рекламы. Лучше места не сыщешь — на небольшой территории с населением около ста миллионов представлена в миниатюре вся Северная Америка. Менять свой план я не намерен — испытания будем проводить здесь. — Я сделал особое ударение на слове «свой».

— Ничего не получится. Климат решает все. Ясно каждому, — упорствовал Мэтт.

— Я не каждый. Я человек, отвечающий за это дело.

Ренстед погасил окурок и встал.

— Поговорим с Фаулером,— сказал он и вышел. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Выходя, я услышал, как старший из помощников Ренстеда по телефону предупреждает секретаря Шокена о нашем приходе. Ренстед неплохо вышколил своих ребят, и вместо того, чтобы обдумать, как получше изложить дело Фаулеру, я стал размышлять над тем, что и мне не мешало бы так же приструнить своих.

У Фаулера проверенный метод разрешать конфликты между сотрудниками. Он применил его и сейчас. Как только мы вошли, он радостно воскликнул:

— Вот хорошо, что вы здесь! Как раз вы оба мне и нужны. Мэтт, выручай старика! На этот раз дело с Американским институтом гинекологии. Они утверждают, будто наша реклама противозачаточных средств наносит им ущерб, если мы не прекратим этого дела, грозятся переметнуться к Таунтону. Правда, доход от них не ахти какой, но у меня есть сведения, что сам Таунтон подбивает их на это.— И он принялся объяснять нам запутанные взаимоотношения с АИГ. Я слушал без всякого интереса. В результате нашей кампании «Дети наверняка», оплачиваемой институтом, рождаемость выросла по меньшей мере на двадцать процентов. Казалось, после этого институт должен был бы стать нашим постоянным клиентом. Ренстед тоже так считал. Он прямо заявил:

— У них нет оснований затевать судебный процесс. Ведь рекламируем же мы одновременно

спиртные напитки и средства от алкоголизма. Какого черта они суют нос в чужие дела? Кроме того, какое это имеет отношение к Отделу рынков?

Фаулер довольно ухмыльнулся.

— В том-то и дело, — довольно проворковал он. — Мы спутаем им карты. Они рассчитывают получить ответ обычным порядком — через финансовые органы. А мы напустим на них тебя. Засыпь их таблицами, диаграммами, статистическими данными и докажи, что наш антиберемин в конечном счете не спасает от детей, только дает возможность повременить немного. Словом, докажи, что институт остается при прежнем интересе. Это будет хорошей пощечиной Таунтону. Адвокатов лишат практики за то, что они ведут дела конкурирующих фирм, и кое-кому это влетит в копеечку. Надо им сразу дать понять, что с нами этот номер не пройдет. Пресечь все их попытки в самом начале. Надеюсь, ты не подведешь старика, а, Мэтт?

— О, черт, конечно, — проворчал Ренстед. — Ну, а как же Венера?

— Венера? — Фаулер подмигнул мне. — Обойдешься на время без Мэтта?

— Обойдусь совсем, — сказал я. — За этим я и пришел. Мэтт испугался Южной Калифорнии.

Ренстед уронил сигарету на ковер и не поднял ее; нейлоновый ворс, курчавясь, заплавился.

— Какого черта!.. — раздраженно начал было Мэтт.

— Спокойно, — заметил Фаулер. — Твоя точка зрения, Мэтт?

Ренстед метнул в мою сторону злобный взгляд.

— Я только сказал, что Южная Калифорния не годится. В чем разница между Венерой и

Землей? Прежде всего в температуре. Для рекламы надо выбирать район с умеренно-континентальным климатом. Жителя Новой Англии еще можно соблазнить жарким климатом Венеры, но жителя Тихуаны — никогда. Ему и без того до смерти надоела дьявольская жара Мексики и Калифорнии.

— Гм,— промычал Фаулер.— Знаешь, Мэтт, это надо обсудить, а ты будешь по горло занят, дело с институтом не терпит. Подбери себе на время хорошего заместителя по делам Венеры. Мы завтра же обсудим все на заседании правления. А сейчас,— он взглянул на часы,— сенатор Дантон ждет меня уже целых семь минут. Решено? Тебя это устраивает?

Разумеется, Мэтта это несколько не устраивало. Зато я весь день был в отличнейшем настроении. Дела шли хорошо. Обработав мою беседу с Джеком О'Ши и другие материалы, Отдел идей дал предложения. Тут были планы создания на Венере новых отраслей промышленности — например, изготовление сувениров из органических веществ, которые мы в шутку именovali «атмосферой» Венеры,— и планы на более отдаленное будущее — добыча чистого железа, абсолютно чистого, без примесей, какое невозможно ни найти, ни получить на такой «кислородной» планете, как Земля. Лаборатории неплохо заплатят нам за это. Отдел идей, правда, не сам придумал, а раскопал в архивах занятную вещь — так называемую установку Хилша. Без дополнительных источников энергии, используя горячие смерчи на Венере, она сможет охлаждать воздух в домах первых поселенцев. Это простейшее изобретение пролежало без движения с

1943 года. До сих пор никто не мог найти ему применение, да и не мудрено, — на Земле не приходилось иметь дело с ветрами такой силы.

Трэси Колльер, сотрудник Отдела идей, которому было поручено осуществлять связь с Отделом Венеры, попытался изложить мне свою мысль об использовании азотного катализатора. Рассеянно слушая его, я время от времени кивал головой, но из всего сказанного уяснил только одно, — если по поверхности Венеры рассеять платину и вызвать непрерывные мощные электрические разряды, то можно получить искусственный «снегопад» из окиси азота и «дождь» из углеводорода; это очистит атмосферу Венеры от формальдегида и аммиака.

— А не дороговато ли обойдется? — осторожно спросил я.

— Все в нашей власти, — сказал он. — Ведь платина давно не находит применения. Истратите грамм — результатов прождете миллион лет. Истратите больше — скорее добьетесь своего.

Так я толком ничего и не понял, но, видимо, идея была великолепной. Похлопав Колльера по плечу, я велел ему действовать дальше.

Однако в Отделе промышленной антропологии я столкнулся с неожиданным препятствием.

Бен Унистон жаловался:

— Нельзя запихнуть людей, словно сардины, в жестяные коробки и заставить их там париться. Американцы привыкли к определенному образу жизни. Кому охота переться куда-то за пятьдесят миллионов миль, только чтобы проторчать весь остаток жизни в закупоренном бараке? Это противно человеческой натуре, Митч! Не лучше ли остаться на Земле? Здесь столько про-

стора: коридоры, эскалаторы, улицы, крыши домов, гуляй сколько влезет!

Я начал было возражать, но это ни к чему не привело. Бен стал объяснять мне, что такое американский образ жизни: он подвел меня к окну и показал бесконечную гладь крыш, где каждый американец может прогуливаться на свежем воздухе без всяких там громоздких кислородных масок, заправив в нос всего лишь простые пылеуловители. В конце концов я не выдержал.

— Но кто-то должен полететь на Венеру! Почему же люди расхватывают книги Джека О'Ши? Почему избиратель без возражений голосует за миллиардные ассигнования на строительство ракет? Видит бог, я не хочу тыкать тебя носом, но вот что тебе стоило бы сделать: изучи всех читателей Джека О'Ши, всех, кто по нескольку раз смотрит его передачи по телевидению, кто раньше других приходит на его лекции, а после толпится в коридорах и спорит. О'Ши у нас на жалованье. Выжми из него все, что можешь. Разузнай хорошенько о колониях на Луне — что за люди их населяют. Тогда мы будем знать, на кого рассчитывать нашу рекламу. Возражения есть? — Возражений не последовало.

Эстер превзошла себя, составляя расписание моего первого рабочего дня в новой роли, и я успел переговорить со всеми заведующими отделов.

Однако она не могла прочесть за меня всю корреспонденцию, и к концу дня у меня на столе выросла солидная кipa бумаг. Эстер вызвалась остаться после работы, но она едва ли могла мне помочь. Я разрешил ей принести мне бутерброд и еще одну чашку кофе и отпустил домой.

Когда я закончил последнее письмо, шел уже двенадцатый час. По пути домой я завернул в ночное кафе на пятнадцатом этаже — мрачную комнатуху без окон, где подавали кофе, отдававшее дрожжами, из которых оно и было приготовлено, и бутерброды с ветчиной, по вкусу напоминавшей сою. Однако я постарался не думать об этом. Как потом оказалось, настоящие неприятности ждали меня впереди. Не успел я открыть дверь своей квартиры, как вдруг послышалось щелканье, а затем выстрел. Пуля ударилась в дверь над моей головой. Вскрикнув, я пригнулся. За окном мелькнула тень человека с пистолетом в руке, раскачивающегося на веревочной лестнице, которую относило куда-то в сторону.

Я был настолько неосторожен, что подбежал к окну и высунулся из него. Раскрыв рот от удивления, я провожал глазами удалявшийся вертолет. С него свисала веревочная лестница, на которой болтался человек. В это время я, должно быть, представлял собой отличную мишень, если бы только ему снова вздумалось в меня прицелиться. Но, к счастью, это было невозможно.

Удивляясь собственной выдержке, я подошел к телефону и набрал номер Муниципальной корпорации по обеспечению безопасности граждан.

— Вы наш клиент, сэр? — спросил меня женский голос.

— Да, черт побери, да. Целых шесть лет. Пришлите человека! Пришлите отряд!

— Одну минуточку, мистер Кортн... Мистер Митчел Кортней, не так ли? Литературный работник высшей категории?

— Нет,— ядовито ответил я.— Теперь я мишень для стрельбы. Не будете ли вы так любезны сейчас же выслать вашего агента, пока тот, кто только что стрелял в меня, не вздумал проделать это еще раз!

— Простите, мистер Кортней, вы как будто сказали, что вы литературный работник высшей категории? — вежливо и невозмутимо уточнял голос.

Я заскрежетал зубами.

— Да, да, высшей категории!

— Благодарю вас, сэр. У меня в руках ваша карточка. Очень сожалею, но у вас задолженность по взносам. Вам, должно быть, известно, что для служащих высшей категории, учитывая острую конкурентную борьбу, у нас установлены особые расценки...— И она назвала мне цифру, от которой каждый волосок на моей голове встал дыбом.

Однако я сдержался — она была всего лишь простым исполнителем.

— Благодарю,— сказал я мрачно и повесил трубку. Через справочную-автомат я связался еще с двумя-тремя детективными агентствами, но везде получил отказ. Наконец какой-то частный детектив сонным голосом дал согласие приехать, заломив неслыханную цену.

Он явился через полчаса, и я уплатил ему его гонорар. Но он лишь извел меня глупыми вопросами и поисками несуществующих отпечатков пальцев. Наконец он ушел, заявив, что займется этим делом.

Я лег спать, так и не разрешив мучивший меня вопрос: кому понадобилось стрелять в меня, скромного служащего рекламной конторы?

На следующий день, мобилизовав всю свою храбрость, я направился к Фаулеру Шокену. Мне было необходимо получить ответ, и никто, кроме Фаулера, не мог его дать. Он мог, конечно, вышвырнуть меня за дверь, однако попытаться все же стоило.

Но, кажется, момент для этого я выбрал явно неудачный. Только я приблизился к двери кабинета, как она с треском отворилась, и из нее выскочила Тильди Матис. Лицо ее странно подергивалось. Она уставилась на меня, но, готов поклясться, она меня не узнала.

— Переделать заново! — иступленно взвизгнула она. — Работаю как каторжная на эту старую крысу и что же? Переделайте! Текст хорош, но ему, видите ли, нужен отличный! Переделайте! Вы только послушайте! «Пусть текст засверкает, заискрится! Мне нужна теплота человеческих чувств, восторг, трепет и печаль вашего нежного женского сердечка!» И все это извольте уложить в пятнадцать слов! Я покажу ему пятнадцать слов! — всхлипнула она и промчалась мимо. — Медоточивый ханжа и кривляка, мелочный придира, пустозвон несчастный, кровожадный спрут, старый...

С шумом захлопнувшаяся дверь помешала слышать последний из эпитетов, о чем я очень пожалел, ибо не сомневался, что на этот раз Тильди подобрала самый подходящий.

Я откашлялся и, постучавшись, вошел к Шо-

келу. В улылке, с которой он меня встретил, не было и намека на только что разыгравшуюся сцену. Розовое лицо Фаулера и его безмятежный взгляд, казалось, вообще исключали что-либо подобное. Однако я не забыл, что вчера в меня стреляли.

— Я всего на одну минутку, Фаулер,— начал я.— Скажите, вы в последнее время не вели грубую игру с фирмой «Таунтон»?

— Я всегда играю грубо. Грубо, но чисто,— ухмыльнулся он.

— Я имею в виду очень грубую и очень грязную игру. Например, вы, случайно, не собирались подстрелить кого-нибудь из ее сотрудников?

— Ну, знаешь ли, Митч!

— Я спрашиваю потому, что вчера в меня стреляли с вертолета,— упрямо продолжал я.— Не представляю, кто бы это мог сделать — разве только Таунтон.

— Таунтон исключается,— категорически сказал Шокен.

Я собрался с духом.

— Фаулер,— произнес я,— скажите честно, вы не получали предупреждения? Возможно, я перехожу дозволенные границы, но я должен знать правду. Речь идет не только обо мне. Речь идет о проекте «Венера».

Румяные, словно яблоки, щеки Фаулера побледнели. По его глазам я понял, что моя карьера и положение служащего высшей категории висят сейчас на волоске.

— Митч, я сделал тебя сотрудником высшей категории прежде всего потому, что считал — ты способен взять на себя такую ответственность. Мне нужно не только умение работать.

Работать ты умеешь, я знаю. Но мне казалось, что ты знаешь и кодекс нашей профессии.

Однако я не сдавался.

— Да, сэр.

Шокен сел и закурил сигарету «Старр». После умело рассчитанного секундного колебания он пододвинул ко мне пачку.

— Митч, ты еще -молокосос, стал служащим высшей категории совсем недавно. Но в твоих руках теперь немалая власть. Твои несколько слов — и через недели или месяцы судьба полумиллиона потребителей, мужчин и женщин, может полностью измениться. Это власть, Митч, безграничная власть. Ты знаешь старинную поговорку: власть возвышает. Безграничная власть возвышает безгранично.

— Да, сэр,— снова сказал я. Что-что, а все старинные пословицы и поговорки были мне хорошо известны. Теперь я не сомневался, что он ответит на мой вопрос.

— Ах, Митч,— вздохнул Шокен, мечтательно размахивая сигаретой,— у нас есть права, есть обязанности, но не обходится и без профессиональных неприятностей. Одно немислимо без другого. Без острой конкурентной борьбы и соперничества вся наша система утратила бы равновесие и полетела вверх тормашками.

— Фаулер,— опасно прервал я его.— Вы же знаете, я не жалуюсь на систему. Она действует, и это все, что от нее требуется. Знаю, что и конкуренция необходима. И вполне согласен, что мы должны свято блюсти кодекс торговли, даже если Таунтон и затевает что-то против нас. Знаю, что об этом надо помалкивать, иначе вместо того, чтобы работать, заведующие отделами

только и будут заботиться о безопасности собственной персоны. Но проект «Венера» у меня в голове, Фаулер. Так мне удобней. Если я стану все записывать, когда же мне работать?

— Разумеется,— согласился он.

— Но, допустим, вы получили предупреждение и, допустим, Таунтон решил первым убрать меня, что будет с проектом «Венера»?

— Ты прав,— согласился Фаулер.— Хорошо, я тебе отвечу. Я не получал предупреждения.

— Спасибо, Фаулер,— воскликнул я искренне.— Однако в меня стреляли. А затем этот случай на аэродроме — может быть, вовсе не случайность. Как вы считаете, Таунтон способен действовать без предупреждения?

— Я не давал ему повода, а ни с того, ни с сего он не решится. Он падок на дешевку, методы его нечестны, но правила игры он знает. Убийство в результате коммерческой конкуренции — это преступление. Убийство без предупреждения — грубейшее нарушение кодекса торговли. А может, ты приударил за чужой женой, Митч?

— Нет, я веду примерный образ жизни. Все это просто непонятно. Должно быть, какая-то ошибка. Мне повезло, что этот парень оказался никудышным стрелком.

— Очень рад за тебя, Митч. А теперь займемся делами. Ты виделся с Джеком О'Ши? — Моя история больше не интересовала его.

— Да. Он приезжает сегодня. Будем работать вместе.

— Прекрасно. Если умело взяться, кое-что от его славы перепадет и нам. Пошевели-ка мозгами. Митч. Не мне тебя учить.

Я понял, что аудиенция окончена.

О'Ши уже ждал меня в приемной. Судя по всему, ожидание не было для него тягостным. Все девицы из моего отдела плотным кольцом окружили Джека, восседавшего на красшке стола. Грубоватым и самодовольным тоном он что-то рассказывал им. В глазах девушек нетрудно было прочесть: даром что Джек мал ростом, но у него деньги и слава. Именно это мы усердно рекламируем и вбиваем в головы рядовому потребителю. Джек мог выбрать любую из этих девиц. Интересно, сколько их у него было после триумфального возвращения на Землю?

Порядки у меня в отделе строгие, но пришлось довольно громко кашлянуть, прежде чем девицы наконец разбежались по местам.

— Доброе утро, Митч,— приветствовал меня Джек.— Ну как, оправились от потрясения?

— Еще бы. Уже успел пережить новое. Кто-то пытался подстрелить меня.— И я рассказал ему, что произошло вчера вечером. Он задумчиво хмыкнул.

— Может, вам обзавестись телохранителем?

— Я уже думал об этом. Но, пожалуй, не стоит. Это какое-то недоразумение.

— Как и тот случай на аэродроме?

Я ответил не сразу.

— Не будем говорить об этом, Джек. Мне и так не по себе.

— Ладно, не будем,— широко улыбнулся он.— Займемся лучше делами. Итак, с чего мы начнем?

— Прежде всего нужны слова. Нужны такие слова о Венере, чтобы они задели людей, встряхнули их, заставили мечтать о переменах, о космосе и новых мирах. Надо, чтобы люди вдруг

почувствовали неудовлетворенность и им захотелось бы чего-то нового, захотелось представить себе, какими они могли быть. Нужны слова, которые заставили бы их гордиться тем, что они умеют мечтать, а отнюдь не стыдиться этого. Слова, которые должны пробудить у них чувство гордости за то, что существуют «Индиастрия», «Старзелиус» и «Фаулер Шокен», и негодование по поводу того, что есть на свете «Юниверсал продактс» и «Таунтон».

Джек устался на меня, разинув рот.

— Вы это серьезно? — наконец вымолвил он.

— Теперь вы с нами, Джек, — ответил я прямо. — И вам следует знать, что мы работаем именно так. Ведь и вас мы заполучили в потребители только таким образом.

— Не понимаю.

— Вы, кажется, носите костюм и обувь фирмы «Старзелиус». Значит, нашей рекламе все же удалось вас поймать. С одной стороны, вас пытались обработать «Юниверсал Продактс» и «Таунтон», с другой — «Старзелиус» и «Фаулер Шокен». Вы выбрали «Старзелиус». Мы исподволь проникли в ваше подсознание и убедили вас, что есть что-то особенно хорошее в товарах фирмы «Старзелиус» и что-то особенно скверное в товарах «Юниверсал продактс».

— Да я никогда не читаю рекламных объявлений! — запротестовал Джек.

Я улыбнулся.

— Лучшей похвалы нашей работе не придумаешь.

— Даю слово, — воскликнул Джек, — как только вернусь в гостиницу, выброшу все свои пожитки в мусоропровод.

— И чемоданы? — спросил я. — И чемоданы фирмы «Старзелиус»?

Он испуганно взглянул на меня, потом твердо сказал:

— И чемоданы. А по телефону закажу себе все новое у фирмы «Юниверсал». И вам не удастся мне помешать.

— А мы и не собираемся, Джек. Нам это только на руку. Слушайте, что произойдет потом. Вы закажете себе полный комплект одежды у фирмы «Юниверсал». И чемоданы тоже. Какое-то время вы будете носить вещи и пользоваться чемоданами марки «Юниверсал». Но вас не будет покидать смутное чувство неудовлетворенности. Оно пагубно отразится на вашей мужской полноценности, ибо наша реклама, хотя вы и утверждаете, что игнорируете ее, давно убедила вас, как небезопасно для настоящего мужчины пользоваться товарами любой другой фирмы. Ваше самолюбие будет ущемлено, где-то в глубине души вы будете знать, что пользуетесь не самым лучшим. И наконец, вы подсознательно решите, что больше так продолжаться не может, и вдруг начнете «терять» одну за другой вещи, проданные вам фирмой «Юниверсал». Случайно вы обнаружите, как трудно попасть ногой в штанину брюк, купленных у фирмы «Юниверсал», а ее чемоданы покажутся вам неуместительными и неудобными. И тогда у вас вдруг отшибет память, вы помчитесь в магазины и снова купите себе полный комплект одежды и чемоданов нашей фирмы «Старзелиус», черт возьми.

Джек О'Ши растерянно улыбнулся.

— И всего этого вы добились при помощи слов?

— Слов, графических изображений. Воздействуя на зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Но прежде всего при помощи слов. Вы читаете стихи?

— Боже сохрани, конечно, нет! Кто в наше время их читает?

— Я не имею в виду современные. Здесь вы безусловно правы. Но стихи Китса, Суинберна, Уайли — великих поэтов-лириков.

— Почитывал в свое время, — осторожно признался Джек. — Ну и что из этого?

— Я хочу предложить вам провести несколько часов в обществе одной из величайших лирических поэтесс современности. Тильди Матис сама не подозревает, что она поэтесса, и считает себя простым сочинителем рекламы. Не разубеждайте ее. Зачем делать человека несчастным?

Ты, непорочная невеста тишины,
Приемное дитя Молчания и медленно текущих
лет *.

Вот и она могла бы писать так, если бы не жила в век рекламы. Что поделаешь, расцвет рекламы — это закат лирической поэзии. Прямая зависимость. Людей, способных находить слова, звучащие как музыка, волнующие сердца, не так уж много. Когда работа в рекламном агентстве стала делом прибыльным, поэты ушли туда, а лирическую поэзию отдали на откуп бездарным писакам, которые вынуждены кривляться и кричать, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание.

* Китс, «Ода греческой Урне».

— Зачем вы мне все это говорите? — спросил Джек.

— Я уже сказал, — вы теперь свой человек в рекламе, Джек. Власть — это также и ответственность. Представители нашей профессии владеют душами людей. Мы добиваемся этого, умело используя таланты. Никому не дано права играть жизнями, если только игра не ведется во имя высокой цели.

— Понятно, — промолвил он тихо. — Пусть вас не беспокоят мои побуждения. Меня не интересуют ни деньги, ни слава. Я согласен работать с вами лишь для того, чтобы люди получили хоть немного свободного пространства, чтобы человек мог снова вернуть себе утраченное достоинство.

— Вот именно, — сказал я, придав лицу выражение Номер Один. Но на душе у меня было прескверно. Ведь «высокая цель», которой я служил, обозначалась одним словом: «продавать».

Я вызвал Тильди.

— Побеседуйте с ней, — предложил я Джеку. — Ответьте на ее вопросы. Сами расспросите. Пусть это будет хорошая дружеская беседа. Дайте Тильди почувствовать все, что вы пережили. И вот увидите, она создаст из ваших переживаний лирическую поэму, которая затронет сердца наших читателей. Доверьтесь ей во всем.

— С удовольствием, Митч. А она мне доверится?

В эту минуту он напомнил мне танагрскую статуэтку, изображавшую юного сатира, выслеживающего нимфу.

— Да, — торжественно заверил я его. Ибо доверчивость Тильди была известна всем.

В этот день впервые за четыре месяца Кэти сама позвонила мне.

— Что случилось? — спросил я взволнованно. — Тебе что-то от меня нужно?

Кэти засмеялась.

— Ничего не случилось, Митч. Просто мне захотелось сказать тебе «здравствуй» и снова поблагодарить за тот чудесный вечер.

— Можем повторить его, — решил я поймать ее на слове.

— А ты не хочешь пообедать у меня сегодня?

— Еще бы, конечно хочу. Какого цвета платье ты наденешь? Я куплю живых цветов.

— О, Митч, цветы — это ужасно дорого. Надеюсь, ты не собираешься снова делать мне предложение. А я и так знаю, что денег у тебя куры не клюют. Но у меня к тебе просьба, Митч.

— Все, что прикажешь.

— Приведи с собой Джека О'Ши. Можешь это устроить? По телевидению передавали, что он приехал сегодня утром. Ведь он будет работать у тебя, не так ли?

Это было ушатом холодной воды. Так вот почему она позвонила.

— Да, он здесь. Я свяжусь с ним и сообщу тебе. Ты будешь в госпитале? — Я не мог скрыть разочарования.

— Да. Спасибо, Митч. Мне так хочется с ним познакомиться.

Я разыскал Джека по телефону. Он был у Тильди.

— Вы заняты сегодня вечером? — спросил его я.

— Гм... Мог бы, если бы захотел, — ответил

он. Очевидно, его отношения с Тильди развивались успешно.

— У меня есть предложение. Обед в спокойной домашней обстановке со мной и моей женой. Она недурна собой, превосходная хозяйка, первоклассный хирург и интересная собеседница.

— Согласен.

Я позвонил Кэти и сказал, что ровно в семь доставлю ей эту светскую знаменитость.

В шесть, недовольно ворча, Джек вошел в мой кабинет.

— Я заслужил хороший обед, Митч. Ваша мисс Матис занятная штучка. Действует как наркотик. Интересно, она всегда витает в облаках или когда-нибудь спускается и на землю?

— Сомневаюсь,— сказал я.— Да и зачем? Даже в прежние времена, как известно, встреча с реальностью не сулила поэтам ничего хорошего. Вспомните Китса, Байрона, Суинберна. Могу, если хотите, продолжить.

— Нет, не стоит. Скажите, а что представляет собой ваш брак, Митч?

— Это все временно,— ответил я с неожиданной горечью.

Джек слегка поднял брови.

— Возможно, у меня старомодные взгляды, но, ей-богу, нынешние браки мне не по душе. Они могут вызвать только негодование.

— Согласен с вами,— вздохнул я.— По крайней мере в моем случае есть от чего негодовать. Если Тильди еще не успела просветить вас, сообщая, что моя очаровательная и талантливая супруга не хочет, чтобы наш брак стал постоянным. Мы не живем вместе, и если в ближайшие

четыре месяца мне не удастся переубедить ее, пожалуй, расстанемся навсегда.

— Тильди действительно не успела меня про-светить,— ответил Джек.— Вам порядком тошно, насколько я понимаю.

Я чуть было не поддался охватившему меня острому чувству жалости к самому себе и уже готов был рассказать Джеку, как мне тяжело, как я люблю Кэти, а она так несправедлива ко мне. Однако я вовремя сообразил, что буду рассказывать все это карлику, который, если женится, наверняка станет беспомощной игрушкой в руках жены, а то и предметом ее насмешек.

— Хватит об этом Джек,— сказал я.— К тому же нам пора. Времени только-только, чтобы пропустить по стаканчику и успеть на поезд метрополитена.

Никогда еще Кэти не была такой обворожительной, и я пожалел, что послушался ее и не истратил двухдневный заработок на букет живых цветов. Когда она поздоровалась с О'Ши, он тут же без стеснения заявил:

— Вы мне нравитесь. В ваших глазах нет эдакого огонька, который говорил бы: «Ну, разве он не прелесть?» или «Черт побери, он, должно быть, богат и несчастен» или «Девушка имеет право немножко поразвлечься». Короче говоря, я нравлюсь вам, а вы — мне.

Как вы уже догадываетесь, он был немного пьян.

— Вам кофе, мистер О'Ши? — спросила Кэти.— Я буквально разорилась, чтобы достать настоящие свиные сосиски и натуральное яблочное пюре, и вы обязательно должны их отведать.

— Кофе? Я пью только Кофиест, мадам. Пить кофе нелояльно по отношению к великой фирме «Фаулер Шокен», где я теперь работаю. Не так ли, Митч?

— На сей раз фирма вам простит, Джек,— сказал я.— Кроме того, Кэти не верит, что наркотики в Кофиесте безвредны.

К счастью, Кэти занялась обедом в дальнем углу комнаты, служившем ей кухней, и стояла к нам спиной; она или не слышала моих слов, или сделала вид, что не слышит. В свое время у нас с ней по этому поводу была ужасная перепалка. В ход пускались такие слова, как «отравитель младенцев», «сумасшедший торгаш» и другие, более короткие, но не менее выразительные.

Кофе несколько отрезвил Джека О'Ши. Обед был превосходный. После него атмосфера стала гораздо непринужденнее.

— Вы, должно быть, уже побывали на Луне? — спросила Кэти у Джека.

— Нет еще. Собираюсь на днях.

— Ну и зря,— вмешался я.— Только время убьете и деньги потратите. Луна — это замороженные капиталовложения. Мне кажется, мы занимаемся ею, только чтобы накопить опыт, который может пригодиться на Венере. Несколько тысяч человек работает в рудниках — вот и все.

— Прощу меня извинить,— Джек поднялся и вышел.

Я решил воспользоваться случаем.

— Кэти, дорогая, как мило, что ты пригласила меня. Это что-нибудь означает?

Она потеряла друг о друга большой и указательный пальцы правой руки, и я уже знал — что бы она сейчас ни сказала, все будет неправдой.

— Возможно, Митч,— деликатно солгала она.— Но ты не должен меня торопить.

Я решил уличить ее.

— Ты лжешь,— возмутился я.— Ты всегда делаешь вот так,— я повторил ее жест,— когда собираешься сказать мне неправду. Не знаю, как ты ведешь себя с другими.

Она рассмеялась коротким смешком.

— Откровенность за откровенность,— сказала она с горечью.— А когда ты говоришь неправду, то задерживаешь дыхание и смотришь мне прямо в глаза. Не знаю, как ты ведешь себя в таких случаях с клиентами и подчиненными.

О'Ши вернулся и сразу же почувствовал, что атмосфера накалилась.

— Ну, мне пора,— объявил он.— Вы идете, Митч?

Кэти кивнула, и мне ничего не оставалось, кроме как сказать «да».

После обычного обмена любезностями у порога Кэти поцеловала меня на прощанье. Это был долгий и нежный поцелуй, с которого я предпочел бы начать вечер. Я почувствовал, как у Кэти учащенно забилося сердце, однако это не помешало ей преспокойно выставить меня за дверь.

— Вы так и не наняли телохранителя? — укоризненно спросил Джек.

— Стоит ли? Все это было чистейшим недо-
разумением.

— Может, зайдём к вам, выпьем? — словно невзначай предложил он.

Я был тронут тем, как крохотный Джек О'Ши решил взять на себя сегодня роль моего телохранителя.

— Конечно,— сказал я, и мы спустились в метрополитен.

Он первым вошел в квартиру и зажег свет, но ничего не произошло. Потягивая слабый виски с содовой, он медленно обошел комнату и проверил оконные задвижки.

— Этому стулу лучше стоять вот здесь,— указал он; «здесь» означало подальше от окна и револьверных пуль. Я переставил стул.

— Берегите себя, Митч,— сказал он прощаясь.— Если с вами что-нибудь случится, ваша очаровательная женушка и ваши друзья будут очень огорчены.

Но в этот вечер я всего лишь сильно ушиб ногу, раскладывая кровать, что, кстати, случилось со мной почти каждый вечер. Даже Кэти с ее точными скупыми движениями хирурга не смогла уберечься от боевых шрамов — следов жизни в тесной городской квартире. На ночь вы раскладываете кровать, утром убираете ее, затем устанавливаете столик для завтрака, потом его надо убрать, иначе вам не протиснуться к двери. Немудрено, что некоторые ограниченные обыватели с тоской вспоминают о старых временах, когда было много простора, подумал я, и с наслаждением растянулся на постели.

Всю неделю дела шли хорошо. Ренстед был занят разрешением конфликта с Институтом гинекологии и не мешал мне. Я полностью взял бразды правления в свои руки.

Девочки и мальчики из департамента Тильди дали первые образцы рекламы. Эти темпераментные юнцы то целый день просиживают над одной строкой, то, словно одержимые, строчат страницу за страницей. Тильди руководила всей работой, редактировала и вообще задавала тон. Отобрав лучшее из лучшего, она передавала мне тексты для девятиминутных рекламных передач, для афиш и плакатов, статьи, короткие заметки, объявления, наметки тем для кампании слухов, остроты, шуточки и каламбуры (как приличные, так и неприличные), которым предстояло потом облететь всю страну.

Отдел наглядной рекламы старался вовсю. Специалисты по рекламе в воздухе и кинорекламе испытывали подлинное вдохновение художников, воссоздавая образ Венеры. Им предстояло завершить нашу грандиозную панораму на тему «Венера До и После»; они и впрямь чувствовали себя так, словно создавали историю планеты.

Отдел идей походил на фокусника, извлекающего кроликов из цилиндра. Когда я попробовал намекнуть Колльеру, что он чересчур увлекается, он стал мне объяснять:

— Да ведь все дело в избытке энергии, мистер Кортней! Венера перенасыщена ею. Планета

расположена близко к Солнцу, и оно щедро отдает ей свое тепло. У нас на Земле нет такого количества энергии. Для использования кинетической энергии атмосферы мы построили ветряные мельницы, а на Венере у нас будут турбины. Чтобы получить там электричество, достаточно поставить аккумулятор, присоединить его к громоотводу и самому поскорее убраться подальше. Там совершенно иные условия.

Отдел рынков и Отдел промышленной антропологии изучали район Сан-Диего и воздействие на население рекламы Тильди, макетов и фильмов Отдела наглядной рекламы, вносили поправки, что-то добавляли, что-то сокращали. Я держал постоянную связь по прямому проводу с Хэмом Гаррисом, замещавшим Ренстеда в Сан-Диего.

День обычно начинался с совещания: я произносил небольшую речь, задающую тон, затем выступали заведующие отделами, докладывали об успехах, вносили предложения, критиковали друг друга. К примеру, звонил из Сан-Диего Гаррис и просил Тильди заменить слова «безоблачная атмосфера» другими, с его точки зрения более подходящими, и требовал подобрать список синонимов. Или Тильди спрашивала у Колльера, не лучше ли сказать «топазовые пески», как бы намекая на то, что на Венере драгоценные камни валяются под ногами. Или Колльер, например, предлагал Отделу наглядной рекламы сделать небо на панораме «Венера До» багровым, а не просто красным, а я просил его не совать свой нос куда не следует, ибо все делалось в пределах допустимых поэтических вольностей.

После совещания все расходились по своим местам. У меня, как всегда, работы было по горло: завязывать деловые знакомства, координировать действия всех отделов, проводить в жизнь собственные распоряжения и вообще руководить работой снизу доверху. Перед концом рабочего дня мы проводили еще одно совещание. На нем обычно обсуждались перспективные проблемы, например включение продукции «Старзелиус» в экономику Венеры или определение доходов будущих колонистов и учет их оптимальной покупательной способности через двадцать лет.

А затем наступало лучшее время дня. Теперь мы с Кэти виделись постоянно. Правда, мы все еще жили под разными крышами, но я был полон радужных надежд: то она назначала мне свидание, то я ей. Одетые с иголочки, мы проводили вечера в барах и ресторанах, развлекаясь в свое удовольствие, и радовались, что мы молоды, красивы и умеем наслаждаться жизнью. О серьезных вещах мы не говорили. Кэти уклонялась от таких бесед, да и я к ним не стремился. Я считал, что время работает на меня. Однажды перед отъездом в очередное лекционное турне Джек О'Ши составил нам компанию, и этот вечер особенно запомнился мне: мы были молодой парой, достаточно богатой, чтобы иметь своим гостем самого знаменитого человека в мире. Да, жизнь казалась мне прекрасной.

Прошла неделя напряженной и плодотворной работы над проектом «Венера», и я сказал Кэти, что мне не мешает обследовать дальние объекты — строительную площадку в Аризоне и штаб по испытаниям рекламы в Сан-Диего.

— Чудесно! — воскликнула она. — Можно мне поехать с тобой?

Я просто обалдел от счастья, — значит, ждать осталось совсем недолго!

Посещение строительной площадки было простой формальностью. Я держал там двух уполномоченных для связи с вооруженными силами, авиацией, лабораториями Телефонной компании Бэлл и Американским стальным трестом. Они, как заправские гиды, показали нам с Кэти ракету.

— ...огромная стальная оболочка... кубатура среднего нью-йоркского небоскреба... замкнутый цикл обращения пищи, воды, воздуха... одна треть — двигатели, другая — грузы, третья — жизненное пространство... героические пионеры... герметичность... автоматическая кухня... регулирование температуры и света... беспрецедентное в истории достижение техники... самоотверженные усилия нации... национальная безопасность...

Странно, но самое сильное впечатление произвела на меня не ракета, а пустыня вокруг нее. На целую милю в окружности все было снесено: ни домов, ни теплиц на крышах, ни продовольственных складов, ни установок, улавливающих солнечные лучи. И все это во имя секретности или в целях защиты от радиации. Кругом растянулась слепящая глаза пустыня, изрезанная сетью ирригационных труб. Пожалуй, во всей Америке не найдешь другого столь унылого места. Даже глазам больно глядеть на это огромное пустое пространство. Ведь долгие годы я охватывал взглядом «просторы» радиусом всего в несколько метров.

— Как интересно! — воскликнула Кэти. — Можно пройти туда?

— Весьма сожалею, доктор Нэвин, — ответил сопровождавший нас уполномоченный. — Это мертвая зона. Часовым дан приказ стрелять в любого, кто туда проникнет.

— В таком случае отмените приказ, — распорядился я. — Доктор Нэвин и я хотим совершить прогулку.

— Конечно, конечно, мистер Кортней, — забеспокоился чиновник. — Постараюсь сделать все, что в моих силах, но на это потребуется время. Я должен получить разрешение службы контрразведки, морской разведки и Центрального разведывательного управления, а также Федерального бюро расследований, Комиссии по атомной энергии, Отдела безопасности, Отдела...

Я взглянул на Кэти; она беспомощно пожала плечами.

— Хватит, — остановил я чиновника. — Пожалуй, действительно не стоит.

Он с облегчением вздохнул.

— Простите, мистер Кортней, но нам пришлось бы впервые испрашивать такое разрешение, а если не знаешь всех ходов и выходов, сами понимаете, как нелегко его получить.

— Понимаю, — вполне искренне согласился я с ним. — Скажите, оправдали ли себя такие меры предосторожности?

— Думаю, что да, мистер Кортней. По крайней мере до сих пор у нас не было ни единого случая саботажа или шпионажа со стороны иностранных держав или «консов». — Он самодовольно постучал костяшкой правой руки по об-

ручальному кольцу из настоящего дуба, красовавшемуся на среднем пальце его левой руки. Я решил по приезде проверить его счета: чиновник с его жалованьем не имеет возможности покупать такие дорогие украшения.

— А разве наши работы могут заинтересовать «консов»? — любопытствовал я.

— Кто знает. Контрразведка, Центральное разведуправление и Комиссия по атомной энергии считают, что могут, но морская разведка, ФБР и Отдел безопасности утверждают обратное. Не хотите ли познакомиться с комиссаром Макдональдом, начальником местной разведки? Большой специалист по «консам».

— Хочешь познакомиться со специалистом по «консам», Кэти? — спросил я.

— Если у нас есть время, — ответила Кэти.

— Я распоряжусь, чтобы в случае чего задержали самолет, — предупредительно предложил чиновник, стараясь хоть этим компенсировать неудачу с отменой приказа. Он провел нас по лабиринту узких проходов между бараками и складами к административному зданию, а затем, миновав семь контрольных постов, — в кабинет комиссара Макдональда.

Макдональд был типичным офицером-служаккой, при встрече с которым невольно испытываешь гордость за Америку, — спокойный, уверенный, преисполненный сознания долга. По его погонам и нашивкам я определил, что он служит в сыском агентстве «Пинкертон» и отработывает по контракту свой третий пятилетний срок.

Это был кадровый разведчик. Его руку украшало сосновое кольцо с выгравированным недреманным оком, лишенное всяких безвкусных

украшений. Это был отличительный знак, свидетельство высшего класса.

— Вас интересуют «консы»? — тихо спросил он. — Я к вашим услугам. Борьбе с ними я посвятил всю свою жизнь.

— Личные мотивы, комиссар? — спросил я, надеясь услышать какую-нибудь романтическую историю.

— Отнюдь нет. Просто профессиональный интерес. Я люблю слежку, погоню, преследования, но в наше время этого почти нет. Для того чтобы поймать «конса», достаточно простейшей ловушки. Вы, должно быть, уже знаете о взрыве бомбы в Топеке? Конечно, нехорошо критиковать коллег, но, право, они могли бы догадаться, что все было подстроено «консами». Они используют любой предлог для демонстрации.

— Но почему вы так думаете, комиссар? — спросила Кэти.

Макдональд многозначительно улыбнулся.

— Интуиция. Это трудно объяснить. «Консы», конечно, против гидравлической разработки недр. Но дело не в этом. Им достаточно любого предлога для того, чтоб выразить недовольство.

— Почему же они против? — настаивала Кэти. — Ведь нам нужны и уголь, и руда?

— Ну вот еще, — шутливо недовольным тоном ответил Макдональд. — Вы еще чего доброго захотите, чтобы я начал объяснять вам психологию «консов». Некоторых я допрашивал сутками, но ни разу не получал вразумительного ответа. Поймай я этого «конса» из Топеки, уверен, он бы охотно болтал, но все это было бы отъявленной чепухой. Например, он сказал бы, что при гидравлическом способе разработки разрушается

верхний слой почвы. — Ну и что же? — Разве вы не понимаете? — Чего не понимаю? — Да ведь верхний слой почвы невозможно восстановить! — Ну и что же? — ответил бы я. — Восстановят, если нужно. А кроме того, куда лучше выращивать овощи на искусственных почвах. Тогда он обязательно сказал бы, что на искусственных почвах не вырастишь пастбищ для скота и все такое прочее. Разговоры с ними всегда заканчиваются так. Они утверждают, что мир летит в тартарары и люди должны наконец это понять, а я им отвечаю, что до сих пор все как-то обходилось, обойдется и дальше.

Кэти недоверчиво рассмеялась, а он продолжал:

— Все они болваны и ужасно упрямые. Но дисциплина у них железная, система ячеек. Если поймашь одного, то зацепишь еще одного-двух, не больше. Связи между ячейками нет, а связь с верхушкой поддерживается через специальных людей. Мне кажется, я хорошо знаю «консов» и поэтому не боюсь саботажа или демонстраций на своем участке. Здесь у них ничего не выйдет.

В самолете, откинувшись на спинки сидений, мы с Кэти смотрели, как на уровне наших глаз вдоль пассажирской кабины парадным строем проплывала реклама. Это была старая добрая реклама для детей, текст к которой я написал много лет назад, еще в пору моего ученичества. Легонько толкнув Кэти локтем, я сообщил ей об этом, пока реклама подмигивала нам под звуки детской песенки Виктора Герберта «В стране игрушек».

Вдруг мелодия оборвалась, экран погас и холодный голос диктора объявил:

«Самолет пролетает над сдвигом Сан-Андреас. Начинается зона землетрясений. Пассажиры ставятся в известность, что, согласно федеральным законам, пока самолет находится над зоной землетрясений, любые страховые полисы от несчастных случаев при землетрясениях не действительны».

Потом опять парадным строем поплыла реклама.

— Надо думать, — заметила вдруг Кэти, — где-нибудь здесь в самом конце совсем крошечными буквами набрано: «Страховые полисы от увечий, нанесенных яком, действительны везде, кроме Тибета».

— Страховой полис на такой случай? Неужели он у тебя есть? — в недоумении спросил я.

— Кто знает, где бедной девушке может повстречаться разъяренный як?

— Ты, кажется, изволишь шутить? — заметил я обиженно, стараясь сохранить достоинство. — Через несколько минут посадка. Я хотел бы нагрянуть к Гаррису без предупреждения. Парень он неплохой, но Ренстед мог заразить его пораженческими настроениями. В нашей профессии это самое опасное заболевание.

— Можно я поеду с тобой, Митч?

Мы смотрели в окна, пока наш самолет медленно кружил над аэродромом Сан-Диего, дожидаясь сигнала на посадку. Кэти была в этих краях впервые, а я однажды уже приезжал сюда. Но в этом районе тебя всегда ждет что-нибудь новое. Дома здесь то и дело рушатся и воздвиг-

гаются новые. Да разве это дома! Они скорее похожи на шатры из пластмассы. Когда случается землетрясение, они шатаются, но стоят на месте, а если землетрясение такой силы, что не выдерживают даже эти конструкции, потери не так уж велики — несколько потрескавшихся пластмассовых щитов да сборные детали, которые на худой конец всегда можно извлечь из-под обломков и снова пустить в дело.

Развертывать капитальное строительство в Южной Калифорнии не имело никакого смысла. С тех пор как испытания водородных бомб в районе Сан-Андреас привели к сильным сдвигам почвы, возникла реальная опасность, что в один прекрасный день весь район преспокойно сползет в Тихий океан. Случиться это могло в любую минуту. Но, глянув вниз, мы убедились, что Сан-Диего все еще стоит на месте и, как всякие приезжие, надеялись, что, пока мы здесь, ничего не произойдет. Говорят, что раньше землетрясения случались чуть ли не каждый день и вызывали панику среди населения, главным образом потому, что здания старой конструкции, разрушаясь, загромождали улицы грудami обломков. Но постепенно, как и следовало ожидать от местных уроженцев, они привыкли к землетрясениям и, пожалуй, теперь даже гордились ими. Ссылаясь на многочисленные статистические данные, они даже могли убедить вас, что в этих краях куда больше шансов погибнуть от удара молнии или упавшего метеорита, чем от землетрясения.

Мы наняли быстроходный педальный лимузин с тремя водителями, и он мигом доставил нас в местное отделение фирмы «Фаулер Шокен».

Я не очень доверял сотрудникам Отдела рынков. Чутье подсказывало мне, что у Хэма Гарриса на верняка есть свой человек на аэродроме, который не замедлит предупредить его о моем приезде. Гаррис, конечно, соответствующим образом подготовится, а в таких случаях, как известно, любая ревизия ничего не даст.

Но поведение секретарши Гарриса немало удивило меня. Ни мое имя, ни мое лицо не были ей знакомы. Когда я назвал себя, она лениво ответила:

— Пойду узнаю, сможет ли мистер Гаррис принять вас, мистер Коннели.

— Мистер Кортней, а не Коннели, милая барышня, а к тому же я — начальник вашего мистера Гарриса.

А потом перед нашими глазами предстала картина такого безделья и нерадивости, что у меня от ужаса волосы встали дыбом.

Сняв пиджак, Гаррис дулся в карты с двумя младшими клерками. Двое других юнцов с остекленевшим тупым взором сидели перед гипнотелевизором, находясь, несомненно, в состоянии полного транса. Еще один клерк, сидя у стола, рассеянно постукивал пальцем по клавишам счетной машины.

— Гаррис! — рявкнул я громовым голосом. Все, кроме тех, кто сидел перед телевизором, вздрогнули, повернулись в мою сторону и застыли с открытыми ртами. Я подошел и выключил телевизор: теперь и эти двое тоже осоловело уставились на меня.

— М-м-истер Кортней, — запинаясь, пробормотал Гаррис. — Мы вас не ждали...

— Вижу, что не ждали. Можете продол-

жать,— заявил я клеркам,— а мы, Гаррис, пройдем в ваш кабинет.

Кэти скромно последовала за нами.

— Гаррис,— сказал я.— За хорошую работу многое можно простить. А вы посылали нам чертовски ценные для нашего проекта сведения. Но меня беспокоит, серьезно беспокоит то, что я здесь увидел. Надеюсь, все еще поправимо...

В это время на столе Гарриса зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Хэм! — слышался взволнованный голос.— Он здесь, поторопись! Он взял лимузин.

— Благодарю,— заметил я и положил трубку на рычаг.— Ваш «жучок» с аэродрома.— Гаррис побледнел.— А теперь покажите образцы рекламы, записи интервью, анализ общественного мнения, карточки учета, короче — всю работу, включая и вашу собственную. Покажите то, что вам хотелось бы скрыть от меня. Выкладывайте-ка все на стол.

Он долго молчал, стоя передо мной, и наконец сказал:

— У меня ничего нет.

— Что же вы можете мне показать?

— Общие сводки,— пробормотал он,— сводные отчеты.

— Иначе говоря, фальшивки? Фиктивные сводки, которыми вы потчевали нас все время по телеграфу?

Он кивнул головой. Вид у него был несчастный.

— Как вы могли, Гаррис! — воскликнул я, — как — *могли* — вы так работать!!!

Он стал сбивчиво оправдываться. Здесь не было злого умысла: это его первая ответствен-

ная должность. Допустим, он не справился, но он старался, чтобы низшие чины его не подвели, вникал в мельчайшие детали, а все сделать самому невозможно; подчиненные это поняли, обленились, и теперь их не призовешь к порядку. Однако от жалостливого тона он вскоре перешел к воинственно-наступательному. Да так ли уж он виноват? Ведь проект существует только на бумаге, не все ли равно, как его выполнять. Может, он весь полетит в мусорную корзину. Ну и что из того, что он не очень старался? Не он первый, не он последний — так работают все, и ничего страшного в этом нет.

— Хватит,— сказал я.— Вы не правы и сами должны бы это понять. Реклама — это искусство, но искусство, требующее строгого изучения средств, вкусов потребителя. Вы буквально выбили у нас почву из-под ног. Придется спасать то, что можно, и начинать все сначала.

Но он не собирался сдаваться.

— Напрасная трата времени, мистер Кортней, поверьте. Я работаю с мистером Ренстедом не первый год и знаю его мнение, а он не меньшая шишка, чем вы. Он уверен, что все это бумаго-марание — чушь, которая влетит в копеечку и ничего не даст.

Я знал Мэтта Ренстеда лучше этого Гарриса, знал, что он, как и все мы, предан фирме.

— Что? — возмутился я.— Вы можете это доказать? У вас есть компрометирующие письма, подслушанные телефонные разговоры?

— Кажется, у меня что-то сохранилось,— пролепетал Гаррис и нырнул в стол. Он рылся в бумагах, вытаскивал куски магнитофонных лент,

тут же прослушивал их, и на лице его все больше застывало выражение испуга и растерянности.

— Ничего не могу найти, но я абсолютно уверен...— лепетал он в полном отчаянии.

Конечно, он был уверен. В этом и состояло величайшее искусство нашей профессии — вбить человеку в голову любую идею, да так, чтобы он и сам того не заметил. Вот так Ренстеду и удалось разложить этого слабовольного типа, посеять в его душе неверие, а затем послать его сюда, чтобы он провалил мой проект.

— Вы уволены, Гаррис,— сказал я.— Убирайтесь и никогда больше не попадайтесь мне на глаза. Не советую вам пытаться счастья в рекламном деле.

Я вышел в контору и объявил сотрудникам:

— Вы уволены. Все. Поживей собирайтесь и проваливайте. Расчет получите по почте.

Они остолбенели, а Кэти шепнула мне:

— Неужели так надо, Митч?

— Да, именно так, черт побери! Почему никто из них не сообщил о том, что здесь творится? Они все преспокойно бездельничали и прохлаждались. Я говорил тебе,— в нашем деле это самая страшная болезнь. Теперь ты сама убедилась.

Мимо нас с обиженным и недоумевающим видом прошмыгнул к выходу Хэм Гаррис. Он был уверен, что мистер Ренстед вступится за него. В одной руке он держал плащ, в другой — разбухший портфель. И даже не взглянул на меня.

Я вернулся в опустевший кабинет Гарриса и связался по телефону с Нью-Йорком.

— Эстер? Говорит мистер Кортней. Я сейчас уволил весь штат конторы в Сан-Диего. Сооб-

щите об этом в Отдел личного состава, пусть подготовят им расчет. А теперь соедините меня с мистером Ренстедом.

Я ждал целую минуту, нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Наконец в трубке снова слышался голос Эстер.

— Простите, что заставила вас ждать, мистер Кортней. Секретарь мистера Ренстеда сообщила, что его нет в городе. Он уладил конфликт с Институтом гинекологии и решил отдохнуть несколько дней в Литтл-Америке.

— Отдохнуть, черт побери! Срочно закажите мне билет на первую же ракету, отбывающую в Литтл-Америку. Я вылетаю в Нью-Йорк, а оттуда — на Южный полюс. Понятно?

— Да, мистер Кортней.

Я повесил трубку и только тогда заметил, каким пристальным и сочувствующим взглядом смотрит на меня Кэти.

— Знаешь, Митч,— наконец сказала она,— пожалуй, я была к тебе несправедлива, когда упрекала за несносный характер. Теперь я понимаю, откуда он, если вся работа у тебя такая.

— Ну, пожалуй, не вся,— ответил я.— Это один из самых злостных случаев саботажа, с которым мне приходилось сталкиваться. Но и других неприятностей хватает. Каждый норовит подложить тебе свинью. Надо спешить на аэродром, дорогая. Ты едешь со мной?

Она помедлила, прежде чем ответить.

— Ты не рассердишься, если я останусь и осмотрю город?

— Конечно, нет. Надеюсь, ты найдешь здесь много интересного. А когда вернешься в Нью-Йорк, я уже буду там.

Мы поцеловались на прощанье, и я выбежал из кабинета Гарриса.

Контора к тому времени уже опустела. Я велел сторожу, как только уйдет Кэти, запереть помещение и никого не пускать до особого распоряжения.

Выйдя на улицу, я поднял глаза и увидел Кэти: она махала мне рукой из окна этого неправдоподобного, зыбкого здания.

Когда в Нью-Йорке я сбежал по трапу, Эстер уже ждала меня.

— Молодчина, — похвалил я ее. — Когда отлетает ракета на полюс?

— Через двенадцать минут, с шестой полосы, мистер Кортней. Вот ваш билет. А это завтрак на всякий случай...

— Прекрасно. — Я действительно не успел поесть. Мы направились к шестой полосе; жуя на ходу бутерброд с эрзац-сыром, я спросил:

— Что нового в конторе?

— Ваши увольнения в Сан-Диего наделали много шума. Отдел Личного состава пожаловался мистеру Шокену, но он вас поддержал — так балла на четыре, не больше.

Новость была не из приятных. Двенадцать баллов — это ураган, буря. Из кабинета Шокена доносились бы громовые раскаты: «Да как смеете вы, мелкая сошка, критиковать действия члена правления, облеченного правами?! Чтоб я больше этого не слышал!..» и так далее. Четыре балла — это всего лишь крепчает ветерок, и мелким суденышкам лучше укрыться в гавани, ну, что-нибудь вроде: «Джентльмены, я уверен, что мистер Кортней имел все основания принять подобные меры. Занимаясь будничными делами, люди часто теряют чувство Большой перспективы...»

Я спросил у Эстер:

— Что, секретарша Ренстеда — просто одна

из его сотрудниц или...— я хотел было сказать «наушница», но вовремя удержался: — ...э-э... его доверенное лицо?

— Да, он ей очень доверяет,— уклончиво ответила Эстер.

— А как она отнеслась к скандалу в Сандиего?

— Мне передали — хохотала, как безумная.

Больше я не стал расспрашивать. Выяснить как бы невзначай, что думает о тебе большое начальство,— это одно, но выспрашивать, что говорят рядовые сотрудницы,— все равно, что поощрять подчиненных к доносам. Хотя не скажу, чтобы у нас в конторе было мало охотниц до этого.

— Я хочу тут же вылететь обратно,— сказал я Эстер.— Только выясню кое-что с Ренстедом.

— Ваша жена не едет с вами?

— Нет. Я собираюсь разорвать Ренстеда на куски, а она хирург и, чего доброго, еще вздумает сшить его.

Эстер вежливо хихикнула.

— Приятного путешествия, мистер Кортней,— сказала она. Мы подошли к шестой полосе.

Но путешествие оказалось не из приятных. Летели мы довольно низко на отвратительной маломестной туристской ракете. Призматические стекла иллюминаторов неизменно вызывают у меня приступы воздушной болезни. Когда поворачиваешь голову и смотришь в такое стекло, видишь все внизу, прямо по вертикали. Но, пожалуй, хуже всего оказалась реклама — творение фирмы «Таунтон и К^о». Глядишь в иллю-

минатор и только начинаешь внушать своему проклятому нутру, что все в порядке, а самому себе — что внизу под нами немало любопытного, как на стекла наплывает нахальная и бесстыжая таунтоновская реклама, и в уши назойливо лезет идиотский мотив.

Пролетая над долиной Амазонки, по интереснейшим местам, я с любопытством разглядывал «Третью электрическую» — величайшую в мире гидроэлектростанцию, как вдруг началось:

Чудо-бюст, чудо-бюст,
Чудо из чудес!

Сопровождавшие эту пошлятину изображения были выдержаны в самом низкопробном духе. Я в который уже раз возблагодарил господ бога за то, что не работаю у Таунтона.

Примерно то же повторилось над Огненной Землей. Ракета описала большой круг, чтобы туристы могли посмотреть китобойные промыслы. Под нами было огромное водное пространство, огороженное плавучими бонами — туда свободно проникал планктон, но попавшие в западню киты уже не могли выбраться оттуда. Я с восхищением смотрел, как самка кита кормит детеныша — это напоминало заправку самолета в воздухе. Но тут иллюминаторы опять помутнели — пассажиров начали потчевать очередной порцией таунтоновской рекламы:

Не мудрено, что он к тебе нейдет!
Скорей купи наш дивный «Антипот»!

Дальнейшее предназначалось непосредственно для органов обоняния. Это уже было свыше моих сил, и мне пришлось воспользоваться бу-

машинным кульком, которым авиакомпания предусматрительно снабжает пассажиров. А реклама чирикала дальше.

Затем музыка и пение прекратились и последовал грубоватый, прозаический медицинский совет:

«Не задерживайте естественное потовыделение. Это равносильно самоубийству. Врачи рекомендуют пользоваться дезодоратором, но ни в коем случае не астринджентом».

Потом еще раз густо шибануло в нос. Но мне было уже все равно — и в голове, и в желудке у меня было пусто.

Таунтоновские парни любят грубо приправлять свою рекламу медицинскими советами; можно подумать, будто они сами изобрели этот прием.

Мой сосед, невзрачный потребитель в костюме фирмы «Юниверсал», не без удовольствия смотрел, как меня выворачивало наизнанку.

— Что, многовато для тебя, приятель? — наконец спросил он снисходительно-покровительственным тоном человека, не подверженного воздушной болезни. Этот тон хорошо знаком и ненавистен всем, кто страдает ею.

— Угу,— промычал я, чтобы отвязаться.

— Да, от такой рекламы немудрено и захворать,— продолжал он, явно воодушевленный моим красноречивым ответом. Однако этого я уже не мог снести.

— А, собственно, что вы имеете в виду? — спросил я его ледяным голосом.

Он струхнул.

— Я только хотел сказать, что запах, пожалуй, был немного резковат,— поспешно пролепеч-

гал он.— В этой, последней рекламе. А так я ничего не имею против рекламы, я только об одной... Я лояльный гражданин Америки, приятель...

— То-то же,— сказал я и отвернулся.

Но он перепугался не на шутку.

— Я человек благонадежный, приятель. Вся семья проверена, учился в хорошей школе. Сам — по производственной части, у меня в Филадельфии мастерская по изготовлению штампов. Я соображаю — товар-то надо сбывать! Всякое там создание новых рынков сбыта, вертикальная интеграция экономики и прочее. Я вполне надежен... на меня можно положиться, приятель...

— Ладно,— буркнул я.— Тогда не распускай язык.

Он боязливо съежился в своем кресле. Я не испытывал ни малейшего удовольствия от того, что заткнул ему глотку, но дело тут в принципе. Пусть не болтает лишнего.

Над Литтл-Америкой нас продержали в воздухе, пока приземлялись два туристских самолета. Один из них прилетел из Индии, и при взгляде на него я просиял от удовольствия. Весь он от носа до хвоста принадлежал «Индиастрии», экипаж его был обучен «Индиастрией» и служил только ей. Пассажиры денно и нощно, ежечасно и ежеминутно обогащали «Индиастрию», а она в свою очередь обогащала рекламное агентство «Фаулер Шокен».

Наконец тягач подтащил нас к гигантскому тороиду с двойными стенами из пластической массы. Это и была Литтл-Америка. Здесь размещался всего один контрольный пункт для регистрации пассажиров. Литтл-Америка — это

долларовая ловушка для туристов со всего света. Военно-стратегического значения она не имеет. На полюсе есть несколько военных баз, но они невелики, находятся на значительном расстоянии друг от друга и упрятаны глубоко под лед. От небольшого ториевого реактора Литтл-Америка получает тепло и электроэнергию. Даже если бы какому-нибудь государству, отчаявшемуся получить собственные расщепляющиеся материалы, вздумалось захватить реактор, с военной точки зрения оно ничего бы не выиграло. Для получения тепловой энергии в помощь реактору использовались еще ветряные двигатели, которым в свою очередь каким-то непостижимым для меня образом помогали специальные «тепловые насосы».

В контрольно-таможенном пункте я справился о Ренстедде. Чиновник заглянул в регистрационный журнал:

— Он прибыл из Нью-Йорка, пробудет два дня. Его обслуживает туристская компания «Томас Кук и сыновья». Разместился в III-C-2205.

Чиновник достал план и показал мне, где находится кольцо III, третий этаж, пятый сектор, комната двадцать два.

— Найти нетрудно. Если хотите, могу поместить вас в соседней комнате,— предложил он.

— Благодарю, только не сейчас.

Пустив в ход локти, я протиснулся сквозь шумную многоязычную толпу туристов и, найдя после недолгих поисков кольцо III-C-2205, позвонил у двери двадцать второй комнаты. Никто не ответил.

Вдруг ко мне подскочил молодой человек приятной наружности.

— Камерон, директор туристского бюро,— представился он.— Чем могу служить?

— Мне срочно нужен мистер Ренстед. По очень важному делу.

— Что вы, сюда приезжают, чтобы забыть о делах! Если подождете минутку, я взгляну в свой реестр.

Я прошел за ним в его контору — она же спальня и ванная комната. Он полистал регистрационный журнал.

— Восхождение на ледник Старзелиус. О-ля-ля! Он пошел туда один, ровно в семь ноль-ноль, в электрокомбинезоне, с радиопеленгатором, взяв полный рацион питания. Должен вернуться часов через пять или около этого. Вы уже получили комнату, мистер э-э..?

— Нет еще. Но я намерен сейчас же отправиться на ледник. Дело не терпит отлагательства.

И это была сущая правда. Я чувствовал, что меня хватит удар от бешенства, если Ренстед сейчас же не попадется мне в руки.

Суетливый директор туристского бюро принялся меня убеждать, что я многое потеряю, если не воспользуюсь его услугами. Он берется все устроить. В противном случае, сказал он, мне самому придется покупать или брать напрокат у разных посредников необходимое снаряжение, а оно при проверке может оказаться неисправным. Поди ищи тогда тех, кто тебе его всучил. Так и отпуск кончится. Я согласился, и мистер Камерон просиял. Он отвел мне вполне комфортабельную комнату в этом же секторе. Она была бы даже просторной, если бы не имела формы клина.

Через пять минут мистер Камерон уже выдавал мне снаряжение.

— Батареею прикрепите вот сюда. Это единственное, что может вас подвести. Если прекратится подача электроэнергии, примите таблетку снотворного и не беспокойтесь ни о чем. Мы разыщем вас еще до того, как мороз повредит ткани. Вот ботинки. Подключать их надо сюда, а рукавицы — вот сюда. Комбинезон, капюшон, темные очки, радиопеленгатор. На контрольном пункте скажете: «Ледник Старзелиус» — и вам настроят пеленгатор на нужное направление. Два простых переключателя: «подъем», «спуск». При подъеме тональность сигналов повышается: «бип-би-ип, бип-би-ип!», при спуске понижается: «би-ип-бип, би-ип-бип!». Запомнить легко. Если нужно дать сигнал бедствия, дерните вот за эту красную рукоятку и переходите на передачу. Вертолет прибудет через пятнадцать минут. Расходы по поискам и спасению — за ваш счет, поэтому не советую дергать рукоятку только для того, чтобы поскорее вернуться на базу. Лучше отдохните, выпейте глоток Кофиеста и продолжайте путь. Маршрут отмечен на карте. Лыжи, гироскоп, полный рацион питания. ...Вот, мистер Кортней, вы и снаряжены. Я провожу вас до контрольного пункта.

Снаряжение оказалось не слишком обременительным, как это подумалось мне поначалу. Зимой в Чикаго, когда с озера дуют сильные ветры, мне приходилось таскать на себе и побольше. Такие громоздкие предметы, как батарея, радиопеленгатор и запас еды, были удобно размещены в комбинезоне. Лыжи складывались и превращались в палки с крючьями на концах для

восхождения на ледник, и все это удобно пряталось в чехол за спиной.

На контрольном пункте все тщательно проверили, начиная с моего сердца и кончая снаряжением, а строже всего — батареею. Наконец контролер настроил мой пеленгатор на ледник Старзелиус, в который раз предупредив о том, что нельзя перегружать прибор.

В комбинезоне мороз не чувствовался, но, когда я на мгновение приоткрыл лицевое стекло шлема, мне тут же пришлось захлопнуть его. Ух! Сорок градусов ниже нуля, сказали мне. Эта температура ровным счетом ничего не значила для меня, пока я за одну секунду не проверил ее на кончике собственного носа.

У стен гигантского пластмассового здания Литтл-Америки лыжи мне не понадобились. Шипы моих ботинок только слегка пробивали крепкий наст. Я сориентировал карту по гирокомпасу и зашагал в необъятную белую мглу. Время от времени я касался левого рукава, нажимал на рычажок пеленгатора и слушал ободряющее, веселое: бип-би-ип, бип-би-ип, бип-би-ип.

Я обогнал группу туристов и приветственно помахал им рукой. Они были не то из Китая, не то из Индии. Вот, должно быть, приключение для них! Однако, подобно неумелым пловцам, предпочитающим боязливо плескаться у берега, они не решались отходить далеко от Литтл-Америки и резвились на снегу прямо у ее стен.

Немного поодаль другая группа туристов играла в незнакомую мне игру. Установив по обеим сторонам квадратного поля, очерченного на снегу, шесты с корзинками без днищ, они пытались забросить туда большой силиконовый

меч. Еще дальше инструкторы в красных костюмах обучали туристов ходить на лыжах.

Когда через несколько минут я оглянулся, инструкторов в красных костюмах уже не было видно, а здание Литтл-Америки превратилось в бледно-серое пятно. «Бип-би-ип», — пел мой пеленгатор, и я уверенно продолжал путь. Скоро, Ренстед, ты услышишь меня. Скоро. Литтл-Америка уже совсем скрылась из виду — исчезло даже бледно-серое пятно. Но меня это не тревожило. Одиночество рождало жутковатое и вместе с тем приятное чувство. Я подумал, что, должно быть, Джек О'Ши испытывал такое же чувство, когда попал на Венеру. Не потому ли он с трудом находил слова, когда рассказывал о ней, и не потому ли всегда оставался недоволен своим рассказом?

Одна нога провалилась в сугроб, и я достал лыжи. Щелкнув, они раскрылись, и после нескольких неудачных попыток я наконец перешел на легкий скользящий шаг.

Я шел по азимуту, выбирая все новые ориентиры: причудливо торчащий ледяной торос, голубую тень во впадинке на белой равнине. Пеленгатор подтверждал правильность курса. Я не на шутку возгордился своим умением ориентироваться в белой пустыне.

Через два часа я почувствовал сильный голод, остановился, присел на корточки и, поставив палатку из силиконовой ткани, забрался в нее. Осторожно высовывая нос, через пять минут я убедился, что температура воздуха в палатке вполне терпима. Я с аппетитом съел саморазогревающееся жаркое, запил его горячим чаем и попытался было выкурить сигарету. Но после

того, как я затянулся второй раз, крохотная палатка наполнилась дымом, и я буквально ослеп от слез. С сожалением загасив сигарету о подошву башмака, я опустил лицевое стекло шлема, убрал палатку и с наслаждением распрямил затекшую спину.

Еще раз проверив маршрут по карте, я снова пустился в путь. Черт побери, сказал я себе, вся эта история с Ренстедом — просто из-за разницы в характерах. Очевидно, он не способен видеть широкие горизонты. Здесь нет злого умысла с его стороны. Он считает идею с колонизацией Венеры сумасбродной, — просто не может понять, что есть люди, которых она способна увлечь. Ему надо только объяснить...

Однако надежды, рожденные благодушным настроением, тут же разбились о доводы трезвого разума. Ведь вздумал же Ренстед отправиться на ледник. Если из всех мест на земле он выбрал ледник Старзелиус, значит, он не против широких горизонтов? Что ж, ждать осталось недолго. Встреча все объяснит. Бип-би-ип!

Глянув через визир компаса, я заметил прямо по курсу неподвижную точку. Тогда я перешел на скользящий бег, но тут же запыхался и волей-неволей снова умерил шаг. Точка превратилась в человека.

Теперь нас разделяло всего шагов двадцать. Человек нетерпеливо посмотрел на часы, и я снова неуклюже побежал.

— Мэтт! — крикнул я. — Мэтт Ренстед!

— Ты угадал, Митч, — ехидно ответил он. — Сегодня ты точен.

Я впился в него долгим пристальным взглядом, не зная, как лучше начать разговор. Его

сложенные лыжи стояли рядом, воткнутые в снег.

— Как же!.. Как же это ты!..— наконец начал я, запинаясь.

— Хотя времени у меня достаточно, но ты и так слишком долго морочил мне голову,— бесцеремонно прервал он меня.— Прощай, Митч.— И прежде чем я успел опомниться, он выхватил из снега лыжи и со всего размаха ударил ими меня по голове. Я упал оглушенный; боль, удивление и бессильный гнев душили меня. Я почувствовал, как его руки шарят у меня по груди, и затем потерял сознание.

Когда я пришел в себя, мне показалось, что с меня сползло одеяло и я зябну от раннего осеннего холодка. Но белое небо Арктики больно резануло глаза, а под собой я почувствовал непрочный колючий наст. Значит, это не сон, все это действительно случилось. Голова раскалывалась от боли, и было холодно, ужасно холодно. Я ощупал себя и обнаружил, что батарея исчезла. Тепло больше не поступало в комбинезон, рукавицы и ботинки. Лишен питания передатчик, бесполезно подавать сигнал бедствия.

С трудом поднявшись на ноги, я почувствовал, как холод клещами впился в тело. На снегу виднелись следы, уходившие куда-то в сторону. А вот и моя лыжня. Ноги оковенели, и я с трудом сделал шаг, потом второй, третий.

Я вспомнил о рации. Можно засунуть пакеты с едой под комбинезон, сорвать термоизоляционную обертку, и благодатное тепло, которое еще сохранила еда, хотя бы на мгновение согреет закованное тело. Едва волоча ноги, я медленно брел и спорил сам с собой: остановиться, отдох-

нута, пока тепло от пакетов с едой согревает меня, или идти дальше? Отдохни, убеждал я себя. Случилось что-то страшное, от боли трещит голова, но тебе станет легче, если ты присядешь на минутку, вскроешь один-два пакета с едой, чтобы хоть немного согреться, а потом снова пустишься в путь.

Но я не разрешил себе сесть, зная, чем это грозит. Каждый шаг стоил мне невероятных усилий. Отыскав в кармане банку с Кофиестом, я сунул ее под комбинезон. У меня не хватало сил сорвать обертку одеревеневшими, непослушными пальцами. Тогда я приказал себе:

— Сядь, соберись с силами. Но не смей ложиться, даже если очень хочется...— Наконец я сорвал обертку, и горячая жестяная банка обожгла руки.

В голове туманилось. Я открывал еще банки, затем у меня уже не было сил доставать их из карманов. Я сел, но тут же заставил себя встать. Потом снова сел, мучимый чувством вины и стыда за свою слабость, говоря себе, что через секунду я встану — ради Кэти, через две секунды — ради Кэти, через три секунды...

Но я не тронулся с места.

Уснул я на ледяном холме, а проснулся в многоголосом, пульсирующем пекле с пылающей печью и свирепого вида чертями. Именно в такое пекло мне всегда хотелось отправить писак из рекламного агентства «Таунтон». Как же я сам здесь очутился? Меня это порядком обескуражило. Но удивляться долго не пришлось. Один из чертей грубо тряхнул меня за плечо и сказал:

— Хватит дрыхнуть! Помоги-ка убрать койку.

В голове немного прояснилось, и я начал соображать, что передо мной не черт, а всего лишь представитель самого низшего класса потребителей, наверное, санитар из госпиталя.

— Где мы? — спросил я. — Опять в Литтл-Америке?

— Эй, чтоб тебя! Что ты мелешь? — заорал тот, кого я принял вначале за черта, а потом за санитаря. — А ну-ка, подсоби, слышишь!

— Еще чего не хватало! — уже обозлился я. — Это я-то — литературный работник высшей категории!?

Он с явным сожалением посмотрел на меня и, обронив: — Как есть свихнулся! — убежал куда-то в гулкую, пронизанную красными вспышками темноту.

Я поднялся, пошатываясь, и невольно ухватился за чей-то локоть.

— Простите, где я? Это госпиталь?

На этот раз мне попался потребитель с нравом похлеще, чем у первого.

— Отпусти к черту руку! — рявкнул он. — Нужен тебе госпиталь, — подождешь до высадки.

— Какой высадки?

— Вот такой. Послушай, чокнутый, ты что, запамятовал, как подписывал контракт?

— Какой еще контракт? Ничего я не подписывал. Да как ты смеешь так разговаривать со мной? Знаешь ли ты, кто я? Я литературный работник высшей...

Выражение его лица смягчилось.

— Ага, ясно, — понимающе кивнул он. — Сейчас я тебе помогу. Одну минутку, полоумный, я вмиг соображу кое-что.

Через минуту он действительно вернулся и протянул мне на ладони маленькую зеленоватую таблетку.

— Всего пять сотен, — угодливо зашептал он. — Может, последняя на пароходе. Хочешь, организуем припадочек. Не хочешь? Ну, тогда этой пилюльки тебе хватит перед высадкой.

— Перед какой высадкой? — завопил я уже в отчаянии. — Что все это значит? Я ничего не понимаю. Не надо мне твоей отравы! Только скажи мне, где я и что это за чертов контракт, а дальше я уж сам разберусь.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Здорово же тебя отделали. Должно быть, треснули по башке. Ну так вот, чокнутый, ты в шестом трюме грузового судна «Томас Мальтус». Ветер или шторм — неважно, курс 273 градуса, скорость 300 узлов, пункт назначения

Коста-Рика, везет таких вот олухов, как ты да я, на плантации «Хлорелла».

Поначалу я решил, что это грубая и неуместная шутка подвыпившего матроса.

— А сам-то ты?.. — начал было я и умолк.

— Вот, скатился к чертовой матери, — закончил он с ожесточением и впился взглядом в зеленую таблетку на ладони. Затем, бросив ее в рот, продолжал: — Но я еще вернусь домой. — Глаза у него заблестели. — Я покажу им, как надо работать на плантациях. Через неделю меня уже назначат мастером, через месяц — управляющим, через год — директором компании. Я куплю пассажирскую линию «Кюнард» и все ракетопланы отделаю чистым золотом. Только высший класс обслуживания пассажиров, все самое лучшее. Когда-то я сам водил суда по Атлантике. У себя на флагмане я отделаю твою каюту чистым золотом. Ничего не пожалею для друга, чокнутого. Не хочешь золотом, могу платиной. Не хочешь платиной, могу...

Я осторожно отодвинулся от него, но он даже не заметил этого, продолжая нести уже явный вздор. Какое счастье, что я не пристрастился к наркотикам. Отойдя подальше, с чувством полной безнадежности я опустился на пол и прислонился к перегородке трюма.

Кто-то сел рядом со мной:

— Хелло, — услышался вкрадчивый голос.

— Хелло, — ответил я. — Послушайте, мы действительно идем в Коста-Рику? Как мне повидать капитана? Произошла ужасная ошибка.

— О, стоит ли огорчаться! — воскликнул мой сосед. — Живи и жить давай другим. Мой девиз — ешь, пей и веселись.

— Убери свои грязные лапы! — завопил я.

Мой сосед разразился отборной бранью.

Я вскочил и поспешно отошел, натыкаясь на ноги и тела спящих на полу.

Мне вдруг пришло в голову, что, пожалуй, я никогда по-настоящему не знал массового потребителя, встречаясь с ним только тогда, когда пользовался его услугами, всегда принимал как неизбежное его слабости и пороки и лишь старался использовать их, не задумываясь, к чему это может привести. Мне вдруг страстно захотелось выбраться из шестого трюма, вернуться в Нью-Йорк, выяснить, какую злую шутку сыграл со мной Ренстед и почему он сделал это. Я хотел вернуться к Кэти, к дружбе с Джеком О'Ши, к своей большой работе у Фаулера Шокена. Ведь мне нужно было столько сделать!

Над запасным выходом светилась красная табличка. Я с содроганием представил себе, как в случае катастрофы сотни людей, набитых в трюмы, кинутся в эту дверь, давя друг друга.

— Посторонись, приятель, — произнес чей-то хриплый голос. Человек корчился от рвоты. Я открыл дверь запасного выхода и проскользнул в нее.

— Ты куда? — рявкнул здоровенный детина — часовой в форме сыщика частного сыскного агентства.

— Мне нужно повидать капитана. Я попал сюда по ошибке. Меня зовут Митчел Кортней. Я работник высшей категории в рекламной фирме «Фаулер Шокен».

— Номер! — грубо оборвал он меня.

— 16-156-187 — ответил я не без гордости. У человека можно отнять все — деньги, здоро-

вье, даже друзей, но нельзя отнять у него короткий номер его свидетельства благонадежности.

Сыщик довольно миролюбиво закатал мне рукав до локтя, и в ту же секунду сильнейшая оплеуха обожгла мне лицо, и я отлетел к перегородке.

— Марш в трюм, болван! — заорал он. — Здесь не место для прогулок! Мне надоела твоя болтовня!

В полной растерянности уставился я на свою руку, где было вытатуировано: 1304-9974-1416-156-187723... Мой собственный коротенький номер совершенно затерялся среди длинного ряда цифр. Краска была точно такого же цвета, лишь цифры чуть-чуть отличались, но заметить это мог, пожалуй, один только я.

— Ну, чего ты ждешь? — снова рявкнул сыщик. — Никогда не видел своего номера, что ли?

— Да, не видел, — ответил я как можно спокойнее, хотя ноги у меня подкашивались от страха. Я здорово перепугался. — Впервые вижу этот номер. Его кто-то вытатуировал вокруг моего настоящего. Говорю вам, я — Кортней, могу это доказать. Я заплачу вам...

И полез в карманы, но они оказались пусты. Только тут я заметил, что на мне чужой, в каких-то подозрительных пятнах, поношенный костюм фирмы «Юниверсал».

— Что ж, плати, — нагло ухмыльнулся сыщик.

— Уплачу потом, — растерянно пробормотал я. — А сейчас проводите меня к кому-нибудь из начальства...

В это время из-за поворота внезапно вынырнул аккуратный, подтянутый офицер с нашивками лейтенанта.

— Что здесь происходит? — напустился он на часового.— Почему горит лампочка над запасным выходом? Почему непорядок в трюме? Сообщу агентству, что не справляешься с работой.

Он даже не взглянул в мою сторону.

— Виноват, мистер Коблер,— вытянулся часовой, отдавая честь.— Этот малый, похоже, накачался. Мелет всякий вздор, говорит, что он какой-то там литературный сотрудник, попал сюда по ошибке...

— Посмотрите на этот номер! — завопил я, обращаясь к лейтенанту.

Лицо лейтенанта искривилось в брезгливой гримасе, когда я сунул ему под нос свой обнаженный локоть. Но часовой грубо схватил меня: — А ну, проваливай отсюда!..

— Подожди,— остановил его лейтенант.— Я сам разберусь. Номер, пожалуй, великоват, приятель. Для чего ты мне его показываешь?

— Он подделан. Справа и слева к нему приписаны цифры. Мой настоящий номер 16-156-187. Смотрите, как отличаются цифры!

Брезгливо задержав дыхание, лейтенант пристально посмотрел на татуировку.

— Гм. Вполне возможно. А ну-ка пойдем со мной.

Часовой торопливо открыл перед нами дверь. Вид у него был испуганный.

Через грохочущий хаос машинного отделения лейтенант провел меня в крохотную, как шляпная коробка, каюту вербовщика. Это был карлик с резкими чертами лица. Форма висела на нем как мешок.

— Покажи-ка ему свой номер,— велел мне

лейтенант; я с готовностью сделал это. Затем он сказал, обращаясь к карлику:

— Надо посмотреть его личное дело.

Карлик сунул в проектор какую-то пленку.

— 1304-9974-1416-156-187723,— прочел он.— Гроуби Уильям Джордж, 26 лет, холост, третий ребенок в семье из пяти детей, неудачное детство, отец бросил семью, психически здоров, выносливость — 1, здоровье — 2,9, работал по второй категории семь лет, по полуторной — три месяца, получил образование по степени девять, заключил контракт по форме Б.— Он взглянул на лейтенанта.— Биография обычная. Есть особые причины заинтересоваться им?

— Этот парень утверждает, что он — служащий высшей категории и попал сюда по ошибке. Говорит, кто-то подделал его номер. Да и речь у него покультурней, чем у людей этого круга.

— Э,— воскликнул карлик,— пусть это вас не смущает. Неудачное детство, третий ребенок в семье — такие всегда стараются выбиться в люди, много читают. Особенно, обратите внимание...

— Довольно! — оборвал я его, не выдержав.— Я — Митчел Кортней и так богат, что могу купить вас со всеми потрохами без всякого ущерба для моего кармана. Я возглавляю отдел Венеры в Объединенном рекламном агентстве «Фаулер Шокен» и требую немедленно соединить меня с Нью-Йорком и прекратить эту идиотскую комедию! Действуйте же, черт побери!..

Лейтенант испуганно потянулся к телефону, но вербовщик улыбнулся и отодвинул аппарат.

— Итак, вы — Митчел Кортней? — вкрадчивым голосом спросил он и, достав еще какую-то

пленку, вставил ее в проектор.— Читайте.— Он настроил аппарат.

Вместе с лейтенантом я взглянул в проектор.

Передо мной была первая страница газеты «Нью-Йорк таймс», и на самом видном месте— некролог Митчелу Кортнею, заведующему Отделом Венеры рекламного агентства «Фаулер Шокен». Меня нашли замерзшим на леднике Старзелиус неподалеку от Литтл-Америки. Оказывается, я вздумал ковыряться в батарееке, и она вышла из строя. Лейтенант давно уже с равнодушным видом отвернулся от проектора, а я все читал. Я узнал, что Отдел Венеры возглавляет теперь Мэтт Ренстед, что моя смерть была тяжелой утратой для мира рекламы, что моя жена, доктор Нэвин, отказалась дать интервью газетам, а Фаулер Шокен произнес прочувственную речь и высоко оценил мои заслуги. Я выяснил, что был личным другом Джека О'Ши, первого человека, побывавшего на Венере, который выразил глубокую печаль по поводу моей безвременной кончины.

— Я купил газету в Кейптауне. Можете спокойно отправить этого проходимца обратно в трюм, лейтенант,— произнес вербовщик.

Вызвали часового. Всю дорогу он не переставал награждать меня пинками и с такой силой втокнул в красноватый полумрак трюма, что я с размаху сшиб кого-то с ног. После сравнительно свежего воздуха в коридоре зловонье в трюме показалось мне невыносимым.

— Чего ты там натворил, приятель? — поднимаясь на ноги, добродушно спросил человек, послуживший чем-то вроде амортизатора.

— Хотел только им объяснить, кто я та-

кой...— Но, сообразив, что рассказывать об этом бесполезно, просто спросил: — Что с нами будет дальше?

— Высадят в порту, разместят по баракам, определяют на работу. По какой форме у тебя контракт?

— Сказали, по форме Б.

Он присвистнул.

— Ловко же тебя одурачили.

— Что ты хочешь сказать?

— Да где были твои глаза? Дело дрянь. Контракт по форме Б — пять лет работы. Им удастся подбить на это лишь беженцев да законченных идиотов, редко кого другого. В контракте есть пункт о поведении. Когда мне предложили форму Б, я сказал, что, пожалуй, выгодней податься к ребятам из сысского агентства Бринка. Тогда мне предложили форму Д. Должно быть, им здорово нужна рабочая сила. У меня контракт на один год, могу свободно покупать продукты не только в лавках компании, есть и другие поблажки.

Я стиснул голову руками, словно боялся, что она разорвется от отчаяния.

— Неужели все так плохо? А деревенский образ жизни, работа на свежем воздухе, солнце?..

— Да-а,— смущенно протянул мой собеседник.— Конечно, это лучше, чем работа на химических заводах, хотя, пожалуй, похуже, чем в шахтах. Впрочем, скоро сам увидишь.

Он ушел, а я, разбитый и опустошенный, начал обдумывать, что делать дальше, и не заметил, как задремал.

Сигнала высадки не было. Просто судно с силой ударилось о причал. Открылись люки трю-

мов, и в них ворвалось слепящее тропическое солнце. Яркий свет больно полоснул по глазам, привыкшим к темноте. Вместе с солнцем в трюмы проник не свежий деревенский воздух, а едкий запах дезинфицирующих составов. Я кое-как выбрался из толпы бранящихся и толкающихся потребителей и стал протискиваться к выходу.

— Подожди, олух! — грубо остановил меня человек с недобрым лицом; на груди у него была бляха надсмотрщика. Он накинул мне на шею шнурок с биркой, на которой был проставлен номер. Такую же бирку получил каждый из нас, и все мы выстроились в длинную очередь перед столом, стоявшим прямо на причале у стены высокого восьмидесятиэтажного здания компании «Хлорелла». Оно напоминало проволочные конторские корзинки для входящих и исходящих бумаг, поставленные одна на другую до самого неба. На каждом ярусе сверкали зеркала, и вокруг этой громадины на земле тоже было обжигающее глаза безбрежное море света. Я понял, что здесь еще больше зеркал — они улавливали солнечные лучи и направляли их на зеркала в разных ярусах. Оттуда солнечный свет отражался в чаны фотосинтеза.

С воздуха все это могло показаться красивым, хотя и довольно обычным зрелищем. На земле же это был сущий ад. Я должен придумать, как выбраться отсюда. Но в мозгу назойливо вертелось, мешая сосредоточиться: «С солнечных плантаций Коста-Рики, обрабатываемых умелыми руками гордых своим трудом свободных фермеров, к нам поступают свежие, вкусные, питательные продукты из белка хлореллы...»

Да, я сам когда-то написал эти строки.

— А ну, пошевеливайся! — заорал надсмотрщик. — Пошевеливайся, дьявол бы вас побрал, чертовы черпальщики!

Я прикрыл руками слезящиеся от света глаза и вслед за остальными приблизился к столу.

Сидевший за столом человек в темных защитных очках спросил:

— Имя, фамилия?

— Митчел Корт...

— Это тот самый, — услышал я голос вербовщика.

— Ага, понятно, — ответил человек в темных очках и, обращаясь ко мне, произнес:

— Гроуби, у нас и до тебя находились охотники нарушать контракт по форме Б. И все они потом горько жалели об этом. Кстати, тебе известен годовой бюджет Коста-Рики?

— Нет, — пробормотал я.

— Почти сто восемьдесят три миллиарда долларов. А, может, ты знаешь, сколько налога платит в год корпорация «Хлорелла»?

— Нет, черт побери...

Тут он совсем вышел из себя.

— Почти сто восемьдесят миллиардов долларов! Такой сообразительный парень, как ты, легко может понять из этого, что правительство Коста-Рики и ее суд делают только то, что прикажет «Хлорелла». И если понадобится проучить какого-нибудь нарушителя контракта, они охотно окажут нам эту услугу. Можешь не сомневаться. Итак, твоя фамилия?..

— Гроуби, — ответил я сдавленным голосом.

— Имя? Образование?

— Не помню. Если вы запишете мне это на клочке бумаги, я выучу наизусть.

Я услышал, как вербовщик засмеялся и сказал: — Этот одумается.

— Что ж, ладно, Гроуби,— милостиво произнес человек в темных очках.— Худого мы тебе не желаем. Вот твой пропуск и направление. Будешь работать черпальщиком. Проходи.

Я отошел. Надсмотрщик, выхватив у меня направление, рявкнул:

— Черпальщики, сюда.

«Сюда» означало спуститься под нижний ярус здания, где свет был еще более слепящим, затем пройти по узкому проходу между низкими зловонными чанами в центральную часть здания. Помещение, куда я попал, было довольно хорошо освещено, но после трижды отраженного зеркалами тропического солнца здесь, казалось, царил полумрак.

— Черпальщик? — спросил меня какой-то человек. Щурясь и моргая, я кивнул.

— Я — Мюллейн, направляю на участки. Ну вот, решай сам, Гроуби,— произнес он, заглянув в мой пропуск.— Черпальщик нам нужен на шестьдесят седьмом ярусе и на сорок первом. Спать ты будешь на сорок третьем. Выбирай, где тебе лучше работать. Предупреждаю, лифта для рабочих второго класса у нас нет.

— На сорок первом,— незамедлительно ответил я, стараясь что-либо прочесть на его лице.

— Разумное решение,— одобрил Мюллейн.— Очень разумное.— Затем он умолк. Потянулись томительные секунды.— Приятно иметь дело с разумным человеком,— снова повторил он и опять надолго замолчал.

— У меня нет при себе денег,— наконец сообразил я.

— Ладно,— могу дать взаймы,— сказал он.— Подпиши-ка вот эту бумажку, а в получку сочтемся. Сумма невелика — всего пять долларов.

Я прочел и подписался, для чего мне пришлось снова взглянуть на пропуск — фамилию я помнил, а имя забыл. Мюллерин быстро нацарапал на пропуске цифру 41 и свои инициалы и тут же убежал. Разумеется, никаких пяти долларов я и в глаза не видел, но не стал его догонять.

— Я — миссис Хорокс, консьержка,— вкрадчивым голосом представилась мне какая-то матрона.— Добро пожаловать в нашу семью, мистер Гроуби. Я уверена, что вы проведете с нами немало счастливых лет. А теперь поговорим о деле. Мистер Мюллерин уже, наверное, сказал вам, что нынешнее пополнение оборванцев — то бишь законтрактованных рабочих — размещается на сорок третьем ярусе, если не ошибаюсь. В мою задачу входит помочь вам подобрать подходящих соседей по койке.

Миссис Хорокс напоминала тарантула.

— Есть свободная койка в седьмой комнате. Такие милые, милые молодые люди. Хотите туда? Я понимаю, как это важно попасть в свое общество. А?

Я сразу понял, о каком обществе она говорит, и поспешил отказаться.

Она оживленно продолжала:

— Тогда двенадцатая комната. Боюсь, народ там немного грубоват, но бедняку выбирать не приходится, не так ли? Они будут очень рады принять в свою среду такого приятного молодого

человека, а? Однако там не мешало бы иметь при себе какое-нибудь оружие, ну хотя бы нож, например. На всякий случай, знаете. Итак, я помещу вас в двенадцатую, мистер Гроуби?

— Нет, нет,— воскликнул я.— Где у вас еще есть свободные койки? Кстати, не могли бы вы одолжить мне долларов пять до получки?

— Пожалуй, я устрою вас в десятую комнату,— сказала миссис Хоррокс, что-то записывая.— Ну, конечно, конечно, я дам вам денег. Вы сказали десять долларов? Распишитесь вот здесь, мистер Гроуби, и поставьте отпечаток большого пальца. Благодарю вас.— И миссис Хоррокс отправилась на поиски очередной жертвы.

Какой-то багроволицый тучный человек, схватив меня за руку, просипел пропитым голосом:

— Добро пожаловать, брат, в ряды местного отделения Пан-Американского Объединенного Союза Рабочих Слизе-Плесне-Белковой промышленности. Эта брошюрка расскажет тебе, как мы защищаем рабочих от шантажистов и вымогателей, которых везде хоть пруд пруди. Твой энтузиазм и уплата членских взносов будут учитываться автоматически, но за эту ценную брошюрку надо уплатить особо.

На этот раз я прямо спросил:

— Брат, скажи, что ждет меня, если я откажусь ее купить?

— Сбросят вниз головой в лестничный пролет, только и всего,— спокойно ответил он и, ссудив меня мифическими долларами на покупку брошюры, исчез.

Чтобы попасть в десятую комнату, мне не пришлось взбираться по лестнице на сорок третий

этаж. Рабочим моей категории пользоваться лифтом не полагалось, но вверх и вниз по этажам ходила грузовая клеть, прыгнув в которую, можно было подняться или спуститься на нужный ярус. Шахта, где ходила клеть, была очень узкой, и если твой зад хоть немного выпирал, ты рисковал его лишиться.

В десятой комнате было шестьдесят коек, размещенных по три в ряд одна над другой. Поскольку работали только при солнечном свете, сменного пользования койками не было, и моей постелью пользовался только я один. А это было великим благом.

Когда я вошел, какой-то старик с постным лицом меланхолично подметал пол в узком проходе между койками.

— Новенький? — спросил он, взглянув на мой пропуск. — Вот твоя койка. Меня зовут Пайн. Я — дневальный. С работой черпальщика знаком?

— Нет, — ответил я. — Послушайте, Пайн, где здесь можно позвонить по телефону?

— В комнате рядом.

В соседней комнате был телефон, довольно большой гипнотелевизор, проекционные фонари для чтения, катушки с микрозаписями, иллюстрированные журналы. Я стиснул зубы, увидев на стеллажах яркие обложки «Таунтонз Уикли». Телефон, разумеется, был платный.

Пришлось вернуться в десятую комнату.

— Мистер Пайн, — обратился я к дневальному, — не найдется ли у вас взаймы долларов двадцать мелкими монетами? Мне необходимо заказать разговор по международной линии.

— Найдется, если вернешь двадцать пять, — ответил он без тени смущения.

— Верну, сколько надо, верну.

Он медленно нацарапал расписку, я поставил свою подпись и отпечаток пальца. Затем Пайн извлек из своих бездонных карманов горсть монет и, не торопясь, отсчитал нужную сумму.

Мне очень хотелось позвонить Кэти, но я не рискнул. Может быть, она дома, а может, и в госпитале, и мой звонок оказался бы напрасным. Я набрал пятнадцать цифр телефона конторы Фаулера Шокена, предварительно всыпав в автомат целую пригоршню звенящих монет. Я ждал, что коммутатор произнесет знакомые слова: «Фирма «Фаулер Шокен» слушает. Добрый день. День всегда начинается хорошо для фирмы «Шокен» и ее клиентов. Чем можем служить?» Но вместо этого в трубке послышалось:

— *Su número de prioridad, por favor?* *

Для международных телефонных разговоров требовался пароль, а у меня его не было. Чтобы получить пароль хотя бы из четырех цифр, абонент должен обладать капиталом не менее чем в миллион долларов и аккуратно вносить плату за услуги. Международные телефонные линии теперь настолько перегружены, что нечего и думать о пароле для частных лиц. Все это меня мало волновало, когда я пользовался паролем фирмы «Шокен». Это было еще одним из тех удобств, без которых теперь придется обходиться.

Я медленно повесил трубку. Конечно, монеты обратно я не получил.

* Номер вашего пароля, пожалуйста (исп.).

Можно написать письма. Написать Кэти, Джеку О'Ши, Фаулеру, Колльеру, Эстер, Тильди. Надо испробовать все! «Дорогая жена (дорогой шеф)! Настоящим уведомляю, что ваш супруг (сотрудник), которого вы все считаете мертвым, жив и самым непостижимым образом оказался законтрактованным на плантации «Хлорелла» в Коста-Рике. Поэтому бросьте все свои дела и немедленно выручайте его. Подпись: любящий муж (сотрудник), Митчел Кортней».

Но здесь все письма, несомненно, подвергались цензуре.

В полном отчаянии я вернулся в десятую комнату. Обитатели ее уже начали собираться.

— Новичок! — завопил кто-то, увидев меня.

— Встать! Суд идет, — протрубил чей-то бас.

Я не осуждаю их за то, что потом произошло. Это, должно быть, стало своего рода традицией, которая хоть немного скрашивала убийственную монотонность их жизни, единственной возможностью показать свое превосходство над кем-то, еще более униженным и несчастным. Ведь каждый из них тоже прошел через это. Я уверен, что в седьмой комнате эта процедура была бы куда более гнусной и унижительной, а в двенадцатой я бы вряд ли уцелел. Но здесь это было лишь способом немного поразвлечься. Уплатив «штраф» — еще одна долговая расписка — и получив положенное количество затрепчин и пинков, я произнес какую-то богохульную клятву и стал полноправным жильцом десятой комнаты.

Я не пошел вместе со всеми обедать, а остался лежать на койке. Мне хотелось умереть, стать бездыханным трупом, каким теперь считал меня весь мир.

Работу черпальщика освоить нетрудно. Встав на рассвете, проглатываешь кусок белковой массы, только что отрезанный от Малой Наседки, запиваешь чашкой Кофиеста, надеваешь комбинезон, и грузовая клеть доставляет тебя на нужный ярус. С восхода до заката под слепящими лучами солнца ходишь вокруг низких бродильных чанов с хлореллой *. Если ходишь медленно, то через каждые полминуты на поверхности чана легко заметить созревший участок, пузырящийся, богатый углеводами. Собираешь черпаком готовую массу и сбрасываешь в желоб. А там ее подбирают, упаковывают в тару на экспорт или перерабатывают на глюкозу, которой кормят Малую Наседку, а та в свою очередь снабжает потребителя от Баффиновой Земли ** до Литтл-Америки питательной белковой массой. Каждый час можешь глотнуть воды из фляги и принять таблетку соли. Каждые два часа — пятиминутный отдых. И так до захода солнца, а после заката сдаешь комбинезон и идешь в столовую съесть очередной кусок белковой массы. Затем ты свободен и предоставлен самому себе. Можешь болтать с приятелями, читать, впасть в транс перед гипнотелевизором,

* Особый вид морских водорослей, обладающих способностью превращаться в сахар и белок, если их поместить в горячую воду с добавлением углекислоты и подвергнуть воздействию солнечных лучей.

** Остров в североамериканском архипелаге.

пойти, если хочешь, в лавку, затеять с кем-нибудь драку или до умопомрачения раздумывать над тем, что все могло быть иначе; на худой конец можешь завалиться спать. Чаще всего выбираешь именно это.

Я писал множество писем и старался как можно больше спать, наверное, потому и не заметил, как прошли первые две недели и настал день получки. Компании «Хлорелла» я остался должен восемьдесят с лишним долларов. Кроме долговых расписок, которые я так щедро раздавал, были еще взносы в фонд благосостояния служащих (насколько я потом разобрался, мы в некотором роде платили налоги за фирму «Хлорелла»), членские и вступительные взносы в профсоюз, прямые налоги (на этот раз за самого себя), больничные (попробуй добейся, чтобы тебя полечили, жаловались старожилы) и страховые взносы.

Лишь одно служило мне слабым утешением. Вот выберусь отсюда,— а я не переставал в это верить,— и буду знать потребителя, как никто другой в нашем мире рекламы. Правда, у Шокена мы иногда набирали в ученики толковых ребят из самых низов. Но теперь я понял, что из-за какой-то непонятной гордости они не хотели посвящать нас в образ жизни и мыслей рядового потребителя. Возможно, они сами стыдились своего прошлого.

Кажется, только теперь я начал понимать, какое мощное воздействие на подсознание человека оказывает реклама. Куда большее, чем мы, профессионалы, привыкли считать.

Поначалу я был неприятно удивлен, услышав, что здесь рекламу называют просто враками, но

затем немало обрадовался, увидев, что так или иначе, а она свое дело делает. Разумеется, больше всего меня интересовало, как откликаются на рекламу проекта «Венера». В течение недели везде, где только мог, я наблюдал, как растет интерес к Венере даже у тех, кто никогда и не помышлял лететь на нее и едва ли знал кого-либо, кто туда собирался. Я сам видел, как люди смеялись, слушая шуточные куплеты и побасенки, сочиненные сотрудниками Фаулера Шо-кена:

Лилипутик Крошка-Джек
На Венере взял разбег.
На Земле — не тут-то было,
Парню силы не хватило.

Очень ловко и где только можно протаскивалась мысль, что Венера избавит мужскую половину рода человеческого от унижительного чувства неполноценности. Я всегда считал, что отдел Бена Уинстона, готовящий рекламу на массового потребителя, был самым талантливым и оперативным.

Особенно хорошо им удавались загадки. Например: «Почему Венеру называют утренней звездой?» Вроде на первый взгляд здесь не заложено особого смысла. Но если вспомнить, что у древних римлян Венера считалась богиней любви... Главное в жизни — направить в нужное русло мощный поток человеческих страстей. (Я вовсе не собираюсь оправдывать тех изменников нашему общему делу, которые, чтобы поднять спрос на отдельные виды товаров, пытаются сыграть на якобы естественном для человека «желании смерти». Оставим это неблагоприятное занятие таунтонам. Оно бесчестно и

аморально, и я никогда не имел ничего общего с подобными делами. Кроме того, если люди начнут думать только о смерти, это неизбежно приведет к сокращению числа потребителей).

Не секрет, что, если в рекламе опираться на великие первобытные инстинкты, не только сбываешь товар, но целишься и подальше. Реклама помогает укрепить эти инстинкты в людях, дает им возможность полнее проявиться, привлекает к ним внимание. В конечном итоге это приведет к росту населения, а следовательно, росту числа потребителей, в которых мы, рекламные агентства, так нуждаемся.

Я с удовольствием убедился, что компания «Хлорелла» неустанно заботится о росте народонаселения. Каждый работающий в ней ежедневно получал необходимое количество гормонов. На пятидесятом ярусе здания «Хлореллы» был открыт великолепный пансионат на тысячу коек. Компания ставила лишь одно условие — дети, родившиеся на плантациях, с десятилетнего возраста автоматически становились собственностью «Хлореллы», если хоть один из родителей к этому времени продолжал работать на плантациях.

Но мне было не до пансионата и развлечений. Я наблюдал за окружающими меня людьми, изучал обстановку и ждал случая. Если же случая вскоре не представится, придется самому его искать. А пока следовало освоиться как можно лучше.

Я внимательно следил за рекламой проекта «Венера». Какое-то время дела шли превосходно. Шутки, загадки, каламбуры, небольшие рассказы, умело поданные на страницах журналов,

веселые песенки, передаваемые в эфир,— все это оказывало свое воздействие.

А затем что-то произошло. Начался явный спад. Через неделю я уже не сомневался в этом. Слово «Венера» исчезло из радиопередач, а космическая ракета, если и упоминалась, то только в соседстве с такими словами, как «радиоактивное заражение», «налоги», «жертвы». В передачах на массового потребителя зазвучали новые, внушающие тревогу нотки, например: «Слыхали, какой-то болван все-таки задохся в костюме для космических полетов?»

Внешне все как будто обстояло хорошо, и Шокену, ежедневно читавшему только выжимки из экстрактов кратких суммированных сводок, составленных на основании сокращенных резюме и рефератов докладов Отдела Венеры, вроде и не было оснований беспокоиться.

Но я знал проект «Венера» и понял, что за дело взялся Мэтт Ренстед.

В нашей комнате Херера считался аристократом. После десяти лет работы в компании «Хлорелла» он сумел подняться до мастера-резальщика, но топографически это означало, что он спустился глубоко под землю, в огромный холодный подвал, где росла и зрела Малая Наседка. Здесь он вместе со своими помощниками ловко обрабатывал ее ножами, похожими на мечи. Одним ударом Херера отсекал большие куски созревшей белковой массы, а затем его подручные фасовали их, замораживали, варили, сдабривая специями, упаковывали и рассылали во все концы земного шара.

Однако Херера был не только мастером-резальщиком. Он играл роль своего рода предохранительного клапана. Малая Наседка могла расти десятки лет. Начав с крохотной клетки, теперь она только и знала, что множилась и росла, готовая поглотить, всосать в себя все, что попадалось ей на пути. Она грозила постепенно заполнить свое цементное гнездо, сдавливая и разрывая клетки своей нежной ткани. Пока ее кормили, она росла. Херера следил за тем, чтобы Наседка была сдобной и мягкой, чтобы ни один кусок ее не перезрел и не стал жестким и, главное, чтобы одна часть Наседки не вздумала расти за счет другой.

И хотя за свою работу Херера получал неплохое вознаграждение, он не обзавелся семьей или квартиркой на одном из верхних ярусов. Время от времени он куда-то исчезал, и это служило постоянной темой для соленых шуток, но при нем об этих отлучках упоминали с неизменной осторожностью и почтительностью. Херера всегда держал при себе меч и изредка небрежно проводил точильным камнем по лезвию. С этим человеком я решил во что бы то ни стало познакомиться поближе. У Хереры, несомненно, водились деньги — не мог же он ничего не скопить за десять лет работы. А мне чертовски нужны были деньги.

Что представлял собой контракт по форме Б, выяснилось очень скоро: я не вылезал из долгов. Продажа в кредит была неотъемлемой частью самой системы, как и обстоятельства, вынуждавшие людей залезать в долги. Если брать в долг по десять долларов в неделю, к концу

контракта я буду должен «Хлорелле» тысячу сто долларов, и мне придется работать у нее до тех пор, пока не погашу долг. А работая, я, разумеется, снова залезу в долги.

Мне нужны были деньги Хереры, чтобы вырваться отсюда и вернуться в Нью-Йорк, к Кэти и к моей работе над проектом «Венера». Мне не нравилось, как Мэтт Ренстед распоряжался проектом. И один бог знает, как распоряжалась собой Кэти, считая себя вдовой. Я упорно старался не думать о Кэти и Джеке О'Ши. Малютка Джек был полон решимости расквитаться с женщинами за их прежнее пренебрежение к нему. До двадцати пяти лет он был предметом всеобщих насмешек, а в двадцать шесть стал мировой знаменитостью, первым человеком, посадившим на Венере космический корабль. Едва достигнув зрелости, он уже стал бессмертным.

Теперь ему многое надо было наверстать, особенно в любви. Поговаривали, что в этой части он поистине ставил рекорды, совершая свои лекционные турне по стране. Это-то меня и беспокоило. Мне не нравилось, что он симпатизирует Кэти, а Кэти — ему.

Прошел еще один день — чуть свет подъем, завтрак, рабочий комбинезон, защитные очки, грузовая клеть, черпаешь, сбрасываешь в желоба, час за часом, час за часом, под палящим солнцем, затем обед, а вечером отдых и, если повезет, разговор с Херерой.

— Здорово же ты отточил этот меч, Гэс. Люди делятся на тех, кто бережет свой инструмент и кто не бережет его.

Подозрительный взгляд из-под ацтекских бровей.

— Прямой смысл делать все как положено. Ты, видно, из новичков?

— Да. Первый раз в этих краях. Как считаешь, стоит здесь задерживаться?

Он сделал вид, что не понял.

— Придется, раз контракт.— Херера отошел к полке с журналами.

Следующий день.

— Здорово, Гэс. Устал?

— Здорово, Жоржи. Есть немного. Десять часов размахивать ножом поди не шутка. Руки отваливаются.

— Представляю. Работать черпальщиком куда проще, да и смекалка не нужна.

— Что ж, может, и тебя когда-нибудь повысят. Посижу, пожалуй, перед гипнотелевизором.

Еще день.

— Эй, Жоржи! Как дела?

— Не жалуюсь, Гэс. По крайней мере загорел.

— Да, это верно. Скоро станешь таким же чернокожим, как я. Ха-ха! Что, не хочешь?

— *Por que no, amigo?*

— Эй, *tu hablas español!* Cuando aprendiste la lengua? *

— Ну-ну, не так быстро, Гэс. Всего несколько слов. Жаль, что не знаю больше. Как-нибудь соберу деньжат и пойду в город к девочкам.

— Ну, они все болтают по-английски. Вот если заведешь постоянную милашку, тогда неплохо поболтать с ней по-испански. Это ей понравится. А попрошайничать они все умеют по-

* — Почему бы нет, дружище?

— Эй, ты говоришь по-испански! Когда ты изучил язык? (*исп.*)

английски: «Дай доллар, дай доллар», да еще знают стишок насчет того, что можно получить за доллар. Ха-ха!

Еще день — самый удивительный. Выдали получку, и мой долг компании вырос еще на восемь долларов. Я мучительно пытался припомнить, куда ушли деньги, но все и без того было ясно.

После смены, как и предусматривалось администрацией, я был выжат словно лимон и помирал от жажды. У фонтанчика с напитком «Попси» я набрал свою комбинацию цифр и моя получка уменьшилась еще на двадцать пять центов. Стаканчика «Попси» мне было мало, и я выпил еще один — долой уже пятьдесят центов. На обед каждый день давали одно и то же — я с трудом проглатывал кусок-другой Малой Наседки, но вскоре меня снова начинал мучить голод. Тогда к моим услугам была лавчонка, где легко можно было получить в кредит пачку галет. Сухие галеты застревали в горле и камнем ложились на дно желудка, если не запить их стаканчиком «Попси». А «Попси» бунтовал и рвался обратно, если я тут же не выкуривал сигарету «Старр». Она в свою очередь снова вызывала острое чувство голода. Как знать, не предусматривал ли все это Фаулер Шокен, создавая свой первый глобальный трест «Старзелнус»? От «Попси» к галетам, от галет к сигаретам, от сигарет к «Попси» и так до бесконечности...

За право пользоваться кредитом с меня взимали шесть процентов. Так продолжаться не может. Если я не выберусь отсюда сейчас, мне уже не выбраться никогда. Я чувствовал, как с каждой минутой, проведенной здесь, глохнет моя инициатива — лучшее, что есть во мне. Неболь-

шие дозы алкалоидов в пищу незаметно подтачивали волю. Но самым страшным было сознание полной безнадежности, тупика, мысль, что ничего изменить нельзя и в сущности все не так уж плохо, — всегда можно впасть в транс перед гипнотелевизором, выпить стаканчик «Попси» или на худой конец проглотить одну из тех зеленых таблеток, которые продавались здесь из-под полы и стоимость которых колебалась в зависимости от спроса. Те, кто продавал их, охотно соглашались подождать, когда у тебя появятся деньги.

Нет, медлить было нельзя.

— Como 'sta, Gustavo? *

Он сел и улыбнулся мне своей ацтекской улыбкой.

— Como 'sta, amigo Jorge? Se fuma? **

Херера протянул мне пачку сигарет. Он курил «Гринтипз», и я автоматически ответил:

— Спасибо, курю только «Старр». Они ароматней.

И тут же машинально полез в карман за сигаретами. Медленно, но верно я становился тем идеальным типом потребителя, которого мы с Фаулером так ценили: хочешь покурить — вспоминаешь о сигаретах «Старр», закуливаешь, тут же тебя тянет на «Попси» — выпиваешь стаканчик, немедленно вспоминаешь о галетах — покупаешь пачку, а съев галету, опять закуливаешь, а закулив... Назойливая реклама фирмы «Шокен» лезет в уши, мозолит глаза, впитывается каждой порой твоего тела. Тебе вдолбили в баш-

* — Как дела, Густаво? (исп.)

** — Как дела, друг Жоржи? Куришь? (исп.)

ку: «Я курю «Старр» — они ароматны. Я пью «Попси» — он освежает. Я ем галеты — они на вкус приятны. Я курю...»

— Не похоже, чтобы тебе было весело, Жоржи,— заметил Херера.

— Да так оно и есть, приятель.— Я говорил правду.— В странную историю я влип.

Интересно, что он ответит.

— Сам вижу — здесь что-то неладно. Такой смекалистый бывалый парень, как ты... Может, нужна помощь?

Вот здорово, клюнул!

— Не пожалеешь об этом, Гэс. Конечно, есть доля риска, но не пожалеешь. Дело в том...

— Тс-сс. Только не здесь,— понизив голос, остановил меня Херера.— Риска все равно не миновать, но когда встречаешь здесь такого толкового парня, сразу задумываешься, отчего да почему. Когда-нибудь я ошибусь, *seguro* *, и тогда жди беды, может, даже сразу выжгут мозги. Ну и черт с ними! Плевал я на них. Ведь свое дело я все-таки сделал. Вот, держи. Насчет осторожности, думаю, сам соображаешь.— Он сжал мою руку, и я почувствовал, как к моей ладони что-то прилипло.

Херера не спеша отошел к гипнотелевизору, выбил свой номер и, получив право на получасовой сеанс, опустился в кресло.

Я поспешил в туалетную комнату и, набрав свою комбинацию цифр, занял кабину на десять минут. Дзинь! — еще пять центов из получки. Я разгладил комочек, прилипший к моей ладони. Это была полоска тонкой бумаги:

* Будь уверен (исп.).

«Жизнь человека в ваших руках!»

При помощи листовки Номер Один Вы можете установить контакт со Всемирной Ассоциацией Консервационистов, широко известной под названием «консы». Листовку передал вам член ВАК, который решил, что Вы: а) умны; б) недовольны существующим положением в мире; в) сможете в дальнейшем быть полезны Ассоциации. Жизнь этого человека теперь в ваших руках. Прежде чем вы предпримете что-либо, просим прочесть эту листовку до конца.

Правда о ВАК

ВАК — тайная организация, преследуемая правительствами всего мира. Она считает, что хищническая эксплуатация природных богатств является причиной неоправданной нищеты и бедствий народов. Она считает, что, если так будет продолжаться, жизнь на Земле прекратится. Этого можно избежать, если все люди на Земле поймут, что надо добиваться планового роста народонаселения, восстановления лесных массивов и плодородия почвы, рассредоточения больших городов и, наконец, контроля над производством ненужных обществу товаров и запатентованных частными фирмами пищевых продуктов, которые не пользуются спросом. Программа воспитательной работы ВАК включает: пропаганду — примером служит эта листовка, — демонстрации протеста, а также акты саботажа на предприятиях, производящих ненужные населению товары.

Клевета на ВАК

Вам, вероятно, уже приходилось слышать, что «консов» называют убийцами, сумасшедшими или психически неуравновешенными людьми, которые по глупости или по злобе идут на бессмысленные разрушения и убийства. Не верьте этому. Члены ВАК — это гуманные и разумные люди, и многие из них занимают видное положение в обществе. Небылицы, распространяемые о них, охотно поддерживаются теми, кто наживается на хищнической эксплуатации природных богатств. А мы хотим этому помешать. Неразумные и неуравновешенные люди или преступные элементы, совершая акты насилия в состоянии невменяемости или с грабительскими целями, сваливают все на «консов». ВАК не имеет ничего общего с этими людьми и гневно осуждает их преступные действия.

Что вам теперь делать?

Решение зависит от вас самих. Вы можете: 1) выдать человека, передавшего вам эту листовку; 2) уничтожить листовку и забыть о ней; 3) пойти к тому, кто передал ее вам, и попросить дальнейшей информации. Просим вас подумать, прежде чем принять решение».

Я подумал, хорошенько подумал — и пришел к выводу, что листовка: 1) скучнейший образчик самой бездарной писанины, какую мне когда-либо приходилось читать; 2) грубо искажает факты; 3) может помочь мне вырваться отсюда и снова увидеть Кэти.

Так вот каковы они, эти страшные «консы»! Ну и тарабарщину они здесь написали! А сколь-

ко противоречий в этой листовке! И все же она производит впечатление. Составлена квалифицированно и — правда, я убежден, что это чистая случайность,— немного напоминает наши рекламные фармакологические брошюры для врачей. В них мы сдержанно и на профессиональном уровне рекламируем новые фармацевтические препараты людям трезвым и осведомленным, с которыми можно откровенно говорить о самой сути дела.

Это было обращение к разуму, а подобные обращения всегда опасны. Разуму доверять нельзя. Мы давно изгнали разум из нашей рекламы, и нам еще ни разу не пришлось об этом пожалеть.

Итак, у меня было два выхода. Можно пойти в контору и донести на Хереру. Возможно, на время я привлек бы внимание к своей персоне, меня бы выслушали и даже занялись бы расследованием дела. Но тут я вспомнил, что доносчикам нередко выжигают мозги, считая, что эти люди уже подверглись влиянию вредоносных идей,— даже если их первая реакция была верной, никто не может поручиться, что они сделают дальше. Такой конец меня мало устраивал. Более рискованным, но и более героическим было избрать другой путь: войти в организацию «консов», заслужить их доверие, а потом подорвать ее изнутри. Если это действительно всемирная организация, как они утверждают, то почему бы не попытаться с ее помощью попасть в Нью-Йорк? Там у меня будут все возможности выдать «консов» властям.

Я ни на минуту не сомневался в том, что мне удастся войти к ним в доверие. Руки чесались — так хотелось пройтись карандашом по тексту

листовки: отточить фразы, выбросить все скучное, лишнее и ненужное, сделать текст броским, ярким, звонким. Это было просто необходимо.

Дверь кабины автоматически распахнулась — десять минут истекли. Торопливо бросив бумажку в унитаз, я спустил воду и вернулся в гостиную. Херера все еще сидел в трансе перед гипнотелевизором. Пришлось подождать минут двадцать. Наконец Херера пришел в себя, тряхнул головой, заморгал и огляделся вокруг. Когда он увидел меня, лицо его стало каменным. Я улыбнулся и кивнул ему. Он приблизился ко мне.

— Ну как, сомрафего *, — тихо спросил он.

— Все в порядке, — ответил я. — Готов в любое время, Гэс.

— Ждать придется недолго, — промолвил он. — Знаешь, в таких случаях всегда лучше впасть в транс. Уж больно неприятно ждать и мучиться. Когда-нибудь очнусь и увижу себя в лапах шпикиов. От них пощады не жди. — Он провел точильным камнем по острию меча.

Теперь я истолковал этот жест совсем по-другому.

— Для них? — спросил я.

Он вздрогнул.

— Что ты! Нет, Жоржи. Для самого себя. Если вдруг струшу. Чтоб не стать предателем.

Это были смелые и благородные слова, и я проклял фанатиков, исковеркавших душу такого прекрасного потребителя, как Гэс. С моей точки зрения, это было равносильно убийству. Сколько пользы мог бы принести Гэс, работая и покупая

* Приятель (исп.).

товары, принося прибыль своим собратьям во всем мире! Он мог бы иметь семью, растить детей, которые в свою очередь стали бы потребителями. Больно видеть, что такого человека превратили в фанатика и скопца.

Я решил непременно помочь ему, как только удастся провалить всю организацию. Херера не виноват. За все обязаны ответить те, кто настроил его против существующего порядка вещей. Есть же способы излечивать таких околпаченных простофиль, как Гэс. Я наведу справки... Нет, пожалуй, не стоит. Люди любят делать поспешные выводы. Я уже представил себе, как иные скажут: «Конечно, у меня нет оснований сомневаться в Митче, но, по-моему, он зашел слишком далеко...» «Да, «консы» остаются «консами» — это всем известно». «Я не хочу сказать, что не доверяю Митчу, но...»

К черту Хереру! Пусть сам расхлебывает кашу, которую заварил. Человек, решивший поставить все с ног на голову, не должен сетовать, если и сам полетит вверх тормашками.

Дни казались неделями. Херера редко разговаривал со мной. Но вот однажды вечером он неожиданно спросил:

— Ты когда-нибудь видел Наседку?

Я ответил, что нет.

— Тогда пойдем со мной. Могу показать. Не пожалеешь.

Мы прошли по коридорам до шахты лифта и прыгнули в грузовую клеть. Я зажмурился. Если глядеть, как мелькают этажи, можно потерять голову от страха. Сороковой, тридцатый, двадцатый, десятый, нулевой, минус десятый...

— Прыгай, Жоржи! — крикнул Херера. — Ниже только машинное отделение...

Я прыгнул.

На минус десятом было темно, с бетонных стен сочилась вода. Потолок покоился на огромных опорах. Коридор, куда мы вышли, заполняла сложная сеть труб.

— Система питания, — пояснил Херера.

Я поинтересовался, из чего сделаны массивные перекрытия.

— Бетон и свинец. Чтобы не пропускать радиоактивные лучи. Бывает, Наседка болеет. Рак. — Он сплюнул. — Тогда она никуда не годится. Приходится сжигать, если вовремя не отхватишь... — Херера красноречиво взмахнул мечом.

Он распахнул передо мною дверь.

— А вот и ее гнездышко, — сказал он с гордо-

стью. Я взглянул, и дыхание замерло у меня в груди.

Передо мной был огромный зал с куполообразным потолком и бетонным полом. Малая Наседка заполняла его почти целиком. Серовато-коричневая, словно резина, масса в форме полушария, метров тринадцати в диаметре. В эту пульсирующую массу впивались десятки труб; она жила и дышала.

Херера стоял рядом и пояснял:

— Весь день хожу вокруг нее. Как только увижу, какой-нибудь кусок созрел, стал нежным и сочным,— тут же отсекаю его.— Его меч, сверкнув, снова разрезал воздух. На этот раз он отсек ломоть Наседки величиной с хорошую отбивную.— Ребята, идущие за мной, подхватывают отрезанные куски, разделявают их и бросают на конвейер.— Неподвижные ленты конвейеров уходили в темные отверстия в стенах.

— А ночью она растет?

— Нет. Ночью трубы перекрывают, пищи дают ровно столько, чтобы Наседка не померла с голоду. Каждую ночь она почти отдает богу душу, а утром воскресает, как святой Лазарь.— Он любовно похлопал мечом плашмя по упругой резинообразной массе.

— Ты ее любишь? — задал я глупый вопрос.

— Конечно, Жоржи. Иной раз она и шутки шутит со мной.

Он огляделся по сторонам, медленно обошел зал и заглянул во все конвейерные люки. Из одного он достал короткий брус и подпер им дверь зала. Брус одним концом уперся в дверную перекладину, а другим—в еле заметную ямку в бетонном полу. Получился довольно надежный запор.

— Одну из ее шуток я тебе сейчас покажу, — сказал Херера со знакомой мне ацтекской улыбкой и жестом фокусника вынул из кармана нечто вроде свистка без мундштука, снабженного небольшим баллончиком. — Не мое изобретение, — поспешил он заверить меня. — Эту штуку называют свистком Гальтона *, а кто такой Гальтон, я и сам толком не знаю. А теперь гляди в оба и слушай.

Он сжал баллончик и направил свисток на Малую Наседку. Я ничего не услышал, но вздрогнул от отвращения, когда резинообразная масса начала отступать, образуя полусферическое углубление.

— Не пугайся, страшного. Иди за мной. — Он протянул мне электрический фонарик. Я послушно включил его. Играя свистком, Херера направлял неслышимые ультразвуковые волны на Малую Наседку, и она пропускала нас все дальше и дальше, пока углубление не превратилось в сводчатый коридор, полом которому служило бетонное основание гнезда Наседки.

Ступив под своды коридора, Херера приказал: — Не отставай. — Сердце мое замирало от страха, но я последовал за Херерой. Мы продвинулись еще немного. Своды коридора поднялись, образуя купол, а за нашей спиной коридор становился все уже и уже...

Мы находились внутри Малой Наседки, в полусферическом пузыре, медленно двигавшемся сквозь стотонную серо-коричневую резинообразную массу.

* Свисток, работающий по принципу ультразвуковых волн.

— Посвети-ка на пол, соотрафего, — сказал Херера, и я направил луч фонаря вниз. Бетонный пол был исчерчен какими-то линиями, которые на первый взгляд казались хаотичными, но Херера прекрасно ориентировался по ним. Мы продвинулись еще на несколько дюймов, и в голове у меня вдруг мелькнула мысль — а что если свисток Гальтона откажет?..

Прошла, казалось, вечность с тех пор, как мы начали бесконечно медленно продвигаться в глубь Малой Наседки, но вот луч фонаря упал на металлический полукруг на полу. Херера остановился, и я увидел под ногами крышку люка. Херера трижды топнул по крышке ногой. Она тут же открылась.

— Прыгай, — приказал он мне, и я, не раздумывая, прыгнул вниз. Упав на что-то мягкое, я лежал, дрожа от страха. Через секунду рядом со мной упал Херера, и крышка люка над нами хлопнулась. Херера поднялся, потирая руку.

— Ну и работенка, — сказал он. — Нажимаешь, нажимаешь, а сам ни черта не слышишь. Когда-нибудь свисток разладится, а я даже и не замечу... — Он снова улыбнулся.

— Джордж Гроуби — Ронни Боуэн.

Херера представил меня низкорослому флегматичному потребителю в костюме служащего.

— А это Артуро Денцер. — Денцер был совсем юн и заметно нервничал.

Я находился в небольшом хорошо освещенном помещении, похожем на контору, с бетонным полом и вентиляционными установками. Здесь стояли столы и переговорное устройство. Трудно

было поверить, что выбраться отсюда можно лишь через бурую неправдоподобную массу Малой Наседки. Но еще труднее поверить, что только крохотный свисток Гальтона может сдвинуть с места это огромное чудище.

Разговор начал Боуэн.

— Рады видеть тебя здесь, Гроуби,— сказал он.— Херера утверждает, что ты не лишен смекалки. Я не сторонник бюрократических формальностей, но все же хотелось бы знать, кто ты и что ты.

Я выложил ему то, что знал о Джордже Гроуби, и он все записал. Когда я упомянул о низком уровне «своего» образования, он подозрительно поджал губы.

— Скажу прямо, ты не производишь впечатление парня малообразованного.

— Сами знаете, как это бывает,— пояснил я.— В детстве я много читал, был наблюдателен. Нелегко расти в семье, где пятеро детей. Ты и не самый старший, чтобы тебя слушались, и не самый младший, чтобы тебя баловали. Чувствовал себя заброшенным, а поэтому и старался наверстать, что мог.

Он удовлетворился моим объяснением.

— Что ж, молодец. А что ты умеешь делать?

— Я? Пожалуй, мог бы написать листовку получше той, которую вы распространяете.

— Вот как? А что еще?

— Ну, и вообще пропаганда. Можно пустить слухи, а люди даже не сообразят, что слухи распускают «кон...», то есть мы. Слухи, которые вызывают недовольство, заставят роптать.

— Недурная мысль. Например?

Голова у меня работала неплохо.

— Например, пустить в столовой слух, что научились вырабатывать новый вид белка. На вкус он точь-в-точь как ростбиф и стоит всего доллар за фунт. Сказать, что о нем объявят через три дня. А когда пройдут обещанные три дня и никто ничего не объявит, можно отпустить шуточку вроде такой: «Какая разница между ростбифом и Малой Наседкой?» Ответ: «Разница — 150 лет прогресса». Такие шуточки всегда схватывают на лету, и, смотришь, люди с удовольствием начнут вспоминать старые добрые времена.

Придумать все это было для меня сущим пустяком. Мне не впервые приходилось пускать в ход смекалку, чтобы расхваливать с моей точки зрения никуда негодные вещи.

Боуэн записывал все на бесшумной пишущей машинке.

— Неплохо,— сказал он.— Очень остроумно, Гроуби. Мы попробуем. Но почему именно три дня?

Не мог же я ему объяснить, что три дня — это тот оптимальный срок, когда слухи неизбежно выходят за рамки узкого круга и становятся достоянием всех. Вместо этого я смущенно пробормотал:

— Просто мне показалось, что три дня — самое подходящее время.

— Что ж, попробуем. А теперь, Гроуби, ты должен пройти курс обучения. У нас есть классические труды консервационистов, и тебе следует их прочесть. Есть специальные издания, за которыми надо следить. Например, «Статистические отчеты», «Журнал космических полетов», «Биометрика», «Сельскохозяйственный бюллетень» и многие другие. Если встретятся трудно-

сти, обращайся за помощью. Тебе следует выбрать область деятельности, которая тебя интересует, специализироваться в ней, чтобы вести исследовательскую работу. Чем консервационист осведомленней, тем он полезней.

— А какое отношение к этому имеет «Журнал космических полетов»? — спросил я с растущим волнением. Мне вдруг показалось, что здесь кроется разгадка саботажа Ренстеда, моего похищения, бесконечных задержек и проволочек с проектом «Венера». Не проделки ли это «консов»? Не решили ли они по своей глупости и неспособности логически мыслить, что космические полеты повредят их планам сохранения жизни на Земле, или еще что-нибудь в этом роде?

— Какое отношение? Да самое непосредственное. О полетах надо знать все.

Я продолжал прошупывать почву.

— Разумеется, для того чтобы помешать им?

— Наоборот! — возмущенно воскликнул Боуэн. — Подумай только, Гроуби, что значит для нас Венера. Целая нетронутая планета с богатствами, в которых так нуждается человечество, с плодородными почвами, запасами продовольствия, сырья. Пошевели-ка мозгами.

— А-а,— протянул я. Гордиев узел оставался неразвязанным.

Я пристроился в уголке с фотокопиями журнала «Биометрика» и время от времени обращался к Боуэну за разъяснениями, в которых совсем не нуждался: «Биометрика» была настольным журналом каждого работника рекламы. В нем сообщалось об изменениях в составе населения, его образовательном цензе, о росте смертности и ее причинах и о прочих вещах. Почти в

каждом номере содержалось что-нибудь полезное для нас, работников рекламы, и что-нибудь такое, что неизменно приводило в негодование «консов». Нас всегда радовал прирост населения. Чем больше потребителей, тем больше товаров можно продать. Радовались мы и тогда, когда снижался уровень грамотности. Чем невежественнее население, тем легче всучить ему ненужный товар. Но эти фанатики «консы» думали иначе, и теперь мне приходилось притворяться, что я во всем с ними согласен.

Покончив с «Биометрикой», я принялся за «Журнал космических полетов». Новости были плохие, очень плохие. Чувствовалось, что население молчаливо и упорно протестует против трудностей, вызванных строительством ракеты для полета на Венеру; преобладали пораженческие настроения, когда речь заходила о колонизации Венеры, и высказывалось мнение, что колонистам будет нечем заняться, даже если на Венере и удастся создать колонию.

Проклятый Ренстед!

Но самая неприятная новость ожидала меня на обложке последнего номера, где я прочел подпись под фотографией: «Джек О'Ши с улыбкой принимает поздравления и поцелуй от прелестной подружки, после того как президент вручил ему Медаль почета». Прелестной подружкой Джека оказалась ни больше, ни меньше, как моя жена Кэти.

Став членом ячейки «консов», я сразу же принялся за дело. Через три дня столовая глухо бурлила от скрытого недовольства. А через неделю массовый потребитель уже говорил:

— Какого дьявола я не родился сто лет назад?.. Черт побери, почему в этот барак напихали столько коек!.. Как бы мне хотелось работать на собственном клочке земли...

«Консы» ликовали. За неделю я сделал больше, чем они за год. Боуэн — он ведал кадрами — сказал: — Нам нужна твоя голова, Гроуби. Мы не допустим, чтобы ты надрывался на работе черпальщика. Если на днях начальник Отдела перемещений спросит, знаешь ли ты химию питания, отвечай, что знаешь. Я сам пройду с тобой ускоренный курс и расскажу все необходимое. Мы уберем тебя подальше от солнца.

Это случилось через неделю, когда все вокруг уже говорили:

— Неплохо бы погулять в лесочке. Представляете, сколько раньше на Земле было деревьев!

Или:

— Провалясь он пропадом, этот суп из солевой воды!

А ведь прежде им и в голову не приходило, что их кормят супом, сваренным на морской воде.

Вскоре, как и предполагал Боуэн, начальник Отдела перемещений спросил меня: — Гроуби, ты знаком с химией питания?

— Как странно, что вы меня об этом спросили. Я действительно немного изучал ее. Знаю серно-фосфорно-карбидно-кислородно-водородно-азотную формулу питания хлореллы, оптимальную температуру и все такое прочее.

Очевидно, это намного превосходило его собственные познания, поэтому он только крикнул и отошел от меня, немало удивленный.

Неделю спустя, когда из уст в уста передавался довольно скабрёзный анекдот о фирме «Старзелиус», меня перевели на восьмичасовую работу в центральный пилон, где я стал следить за измерительными приборами и регулировал поступление питательной жидкости в чаны с хлореллой. Это была работа попроще и полегче. Все свободное время я проводил в подземелье под Малой Наседкой, пробираясь туда теперь почти без страха при помощи собственного гальтоновского свистка. Я переделал для «консов» их фантастически бездарную листовку Номер Один. Вот что получилось:

«Способны ли Вы преуспеть в жизни?»

Только Вы сами можете ответить на следующие вопросы:

Являетесь ли Вы умным, дальновидным человеком — мужчиной или женщиной в возрасте от 14 до 50 лет?

Достаточно ли Вы инициативны и честолюбивы, чтобы выполнить по-настоящему важную работу, которая Вас ждет?

Можно ли Вам безоговорочно доверить величайшую и самую обнадеживающую из тайн нашего времени?

Если Вы тут же не вскакиваете и не кричите: «Да!» — лучше не трудитесь читать дальше.

Если же Вы сразу ответите «да», то Вы, Ваши родные и друзья заслуживают того, чтобы...» и прочее в том же духе.

Боуэн был потрясен.

— Не кажется ли тебе, что, обращаясь только к умным и образованным, мы несколько сужаем круг?.. — обеспокоенно спросил он.

Я не стал ему объяснять, что разница в пропаганде на высшие и низшие слои потребителя состоит лишь в том, что последним все надо сказать в устной форме, потому что они не умеют читать. Я заверил Боуэна, что его опасения напрасны, и он удовлетворенно закивал головой.

— У тебя природный талант работника рекламы, Гроуби,— торжественно изрек он.— В Америке консервационистов ты бы далеко пошел.

Я скромно промолчал. А он продолжал:

— Я просто не имею права держать тебя здесь и должен передать дальше. Нельзя, чтобы такой талант пропадал. Я уже подал рапорт...— он кивком указал на переговорное устройство,— и думаю, что тебя скоро затребуют. Пожалуй, это будет правильней. Конечно, жаль с тобой расставаться, но я нажал кнопки, машина уже заработала. Вот посмотри справочник клиентов «Хлореллы».

Сердце у меня подскочило от радости. Я знал, что «Хлорелла» поставляет сырье многим фирмам Нью-Йорка.

— Спасибо,— пробормотал я.— Где бы я ни был, что бы ни случилось, буду служить не за страх, а за совесть.

— Знаю, Гроуби,— одобрительно сказал он.— Э-э... но прежде чем ты уйдешь... у меня к тебе просьба, в некотором роде личная, Джордж. Я, видишь ли, сам немного пописываю. Кое-что вот прихватил с собой. Конечно, вашему брату это покажется черновыми набросками, но если бы ты проглядел их на досуге...

Наконец я вырвался от него со справочником и четырнадцатью «набросками» под мышкой. Как я и предполагал, это была грубая стряпня без

малейшего проблеска таланта. Боуэн доверительно сообщил мне, что у него есть их еще немало, и мы сможем славно поработать вместе.

Забыв обо всем, я с жадностью набросился на справочник.

Переключение вентилей и кранов не так изматывало к концу дня, как работа черпальщика, а Боуэн не слишком обременял меня заданиями ячейки «консов», чтобы я мог сидеть над его «набросками». В результате у меня впервые появились свободное время и возможность лучше изучить обстановку. Херера как-то взял меня с собой в город, и я наконец узнал, как он проводит свои таинственные свободные дни.

То, что я узнал, поразило меня, но, пожалуй, не настроило против Хереры. Просто я лишний раз убедился, что пропасть, отделяющую высокооплачиваемого работника рекламы от рядового потребителя, не преодолеть с помощью такого эфемерного понятия, как «дружба».

Выйдя из старой трубы подземки и очутившись под мелким костариканским дождичком, мы направились в один из захудалых ресторанчиков. Херера потребовал, чтобы каждому из нас дали по настоящей картофелине, и настоял на том, что за все платит он.

— Нет, Жоржи, считай, что у нас праздник. Ты не выдал меня, когда я передал тебе листовку? Не выдал? Вот мы и отметим это.

Во время ужина Херера был великолепен — настоящий фонтан красноречия, каскад шуток на двух языках, низвергавшийся на меня и на официантов. Глаза его блестели, говорил он тороп-

ливо и неестественно возбужденным голосом, смеялся к месту и не к месту — точь-в-точь юноша на первом любовном свидании. Да, юноша на первом свидании... Я вспомнил свой первый вечер с Кэти, бесконечно длинный вечер в Центральном парке, когда, взявшись за руки, мы шли по темным коридорам, танцзал и час, равный вечности, когда мы стояли у ее двери...

Херера хлопнул меня по плечу, и, очнувшись, я увидел, что он и официант покатываются со смеху, глядя на меня. Я тоже засмеялся, чтобы как-то выйти из глупого положения, в котором очутился. Они расхохотались еще пуще. Сомнений не было, они потешались надо мной.

— Ничего, Жоржи,— сказал Херера, внезапно посерьезнев.— А теперь пошли. Думаю, тебе понравится то, что ты сейчас увидишь.— Он уплатил по счету. Официант вопросительно поднял брови.

— В заднюю комнату?

— Да, в заднюю. Идем, Жоржи.

Мы протиснулись мимо стойки вслед за официантом. В конце зала он открыл дверь и свистящим шепотом что-то сказал Херере по-испански.

— Не беспокойся,— ответил Херера.— Мы не надолго.

«Задняя комната», к моему великому удивлению, оказалась библиотекой.

Я почувствовал на себе взгляд Хереры, но, мне кажется, ничем себя не выдал. В библиотеке пришлось просидеть около часу, пока Херера с жадностью читал какую-то изъеденную червями книгу под названием «Моби Дик». За это время я успел пролистать около дюжины старинных жур-

налов. Мне немного полегчало, когда среди этой почтенной классики, которую я с трудом переваривал, я наткнулся на нечто вроде раннего варианта наших нынешних обращений к потребителю, например: «А вы тоже делаете такие ошибки в английском?» Такой плакат недурно выглядел бы в моем собственном кабинете в агентстве Шокена. Но все же мне было не по себе от такого количества книг без единого рекламного объявления. Я не ханжа и не против уединенных развлечений, если от них бывает толк. Но всякому терпению есть предел.

Я пожаловался на головную боль, но, кажется, Херера не поверил мне. А когда вечером, спотыкаясь, он ввалился в спальню, я отвернулся к стене. После этого мы почти не разговаривали.

Неделю спустя, когда в столовой чуть было не вспыхнул бунт, вызванный слухами о том, что в тесто для оладий подсыпают древесные опилки, меня вызвали в главную контору.

Прождав час, я наконец был принят управляющим Отделом перемещений.

— Гроуби?

— Да, мистер Мило.

— Неплохие успехи ты сделал за это время. Очень неплохие. Я вижу, ты здорово продвинулся.

Это было делом рук Боуэна. Он давал сведения. Ему понадобилось пять лет, чтобы пробиться на эту должность.

— Благодарю вас, мистер Мило.

— Очень приятно. У нас, гм-м, открывается вакансия. Надо заменить одного из наших на Севере. Факты подтверждают, что он больше не справляется с работой.

Подтасованные факты, фиктивные сведения, состряпанные Боуэном. Я наконец оценил неограниченную власть, которой обладали «консы».

— Тебя могла бы заинтересовать работа по продаже товаров, Гроуби?

— Как странно, что вы спросили именно об этом, мистер Мило,— сказал я скромно.— Меня всегда привлекала эта работа. Мне кажется, я бы с этим делом справился.

Он скептически оглядел меня, мой ответ показался ему чересчур обыкновенным.— Но, может, придется делать работу и погрязнее,— предупредил он и начал бомбардировать меня вопросами, а я почтительно выдавливал из себя ответы, почерпнутые в справочнике компании «Хлорелла». Он изучал все это лет двадцать назад, а я всего неделю. Куда ему было тягаться со мной. Через час он уже был уверен, что Джордж Гроуби — единственная надежда компании «Хлорелла Протеин» и немедленно должен заполнить образовавшуюся в ее кадрах брешь.

В тот же вечер я рассказал обо всем ячейке.

— Значит, переведут в Нью-Йорк,— уверенно заявил Боуэн.

Я едва не выдал своей радости. Прежде всего я подумал о Кэти.

Боуэн оживленно продолжал:

— Теперь тебя следует посвятить в некоторые детали. Прежде всего условные сигналы.

Я выучил их. На близком расстоянии сигнал подавался условным пожатием руки. Для средних расстояний существовал сигнал «опасность!» — громкий оклик. Для связи на дальних расстояниях пользовались газетным кодом, весьма хитроумным. Боуэн заставил меня попракти-

коваться в подаче сигналов и выучить на память код. Мы просидели с ним до самого утра. Когда мы уходили, как обычно, через Малую Наседку, я вдруг вспомнил, что в этот день не видел Хереру. Я спросил, где он.

— Херера не выдержал,— просто ответил Боуэн.

Я промолчал. Это был условный язык «консов»: «такой-то не выдержал» означало, что «такой-то работал много лет на пользу ВАК, отдавая свои гроши, отказывая себе в тех скромных удовольствиях, которые мог бы на них купить. Он не женился и не спал с женщинами, ибо прежде всего думал о конспирации. Его начали одолевать сомнения, столь тайные и смутные, что он сам боялся себе в них признаться. Но сомнения и страхи росли. Они терзали и мучили его, и он наложил на себя руки».

— Херера не выдержал,— тупо повторил я.

— Не думай об этом,— резко сказал Боуэн.— Ты едешь в Нью-Йорк. Тебя ждут большие и важные дела.

Да, это было верно. Меня ждали важные дела.

Я отправился в Нью-Йорк почти в респектабельном виде: недорогой костюм служащего, четвертый класс туристской ракеты. Надо мной в верхнем ярусе абсолютно респектабельные костариканские туристы ахали, восторгаясь видами, мелькавшими в призматических иллюминаторах, или с тревогой пересчитывали свои гроши, гадая, надолго ли их хватит, если оплачивать удовольствия, которые сулит Северный колосс.

В нижнем ярусе ракеты находились мы, люди погрубее и попроще, но все же не законтрактованный рабочий скот. Здесь не было иллюминаторов, но горело электричество, стояли киоски-автоматы и урны. Представитель компании перед посадкой произнес речь.

— Вы, ребята, едете на Север, где уже не действуют костариканские законы. Вы там получите работу получше. Но не советую забывать, что это все-таки работа. Я хочу, чтобы каждый из вас зарубил себе на носу, что вы работаете на «Хлореллу» и только «Хлорелла» имеет право вами распоряжаться. Если кто из вас думает иначе и решил порвать контракт, он сможет на собственной шкуре проверить, как четко и быстро действуют законы против нарушителей. А если кто из вас воображает, что ему удастся удрать, пусть попробует. «Хлорелла» платит детективному агентству Бернса девять миллионов долларов в год не для того, чтобы Бернс хлопал ушами. Если

вам, ребята, хочется узнать, почем фунт лиха, валяйте. Ну как, ясно?

Все действительно было ясно.

— Ладно, ребята. Грузитесь на ракету, и желаю удачи. У всех вас уже есть направления на работу. Привет Бродвею.

Без каких-либо происшествий приземлились на ракетодроме в Монтауке. Мы, пассажиры нижнего яруса, сидели и ждали, пока наверху не выгрузятся со своими чемоданами туристы. Потом мы сидели и ждали, пока таможенные инспекторы с красно-белыми повязками на рукавах не кончат пререкаться с командой ракеты из-за лишних продовольственных пайков — четверо наших умерло в дороге, и бортпроводники решили сбыть на черном рынке их бифштексы из Малой Наседки. А затем мы просто сидели и ждали.

Наконец была дана команда разбиться на полсотни. Выстроились в ряд, каждому на запястье поставили штамп въездной визы, и мы строем прошли к поезду подземки. Мне повезло: я с группой парней попал в просторный товарный вагон.

На бирже нас рассортировали и распределили, согласно направлениям. Произошел небольшой переполох, когда выяснилось, что «Хлорелла» перепродала «Фарбен индустри» контракт на двадцать человек — никому не хотелось работать в урановых шахтах. Но за себя я был спокоен. Рядом со мной какой-то тип мрачно смотрел, как охрана отбирает двадцать бедняг, которым так не повезло, и уводит их всем скопом.

— Обращаются, как с рабами, — сказал он с горечью, дернув меня за рукав. — Это преступ-

ление. Ты как считаешь, Мак? Унижают достоинство рабочего человека.

Я свирепо взглянул на него. Ясно как день — он был чистейшим «консом». Но тут же вспомнил, что сам я пока что тоже «конс». Решил было обменяться с ним условным рукопожатием, но потом отказался от этой мысли. Стоит запомнить этого человека на случай, если мне понадобится помощь. Но если прежде времени раскрыть карты, он еще чего доброго сам обратится ко мне за помощью.

Мы направились в пригород Найак к баракам «Хлореллы».

В хорошем хозяйстве ничего не пропадает. Под Нью-Йорком, как и под каждым большим городом мира, имелась канализационная сеть со сложной системой отстойников и фильтров. Как любой житель Нью-Йорка, я знал, что органические отходы города с двадцатитрехмиллионным населением вместе с водой стекают по канализационным трубам, что соли нейтрализуются путем ионообмена, оставшаяся жидкость насосами подается на плантации водорослей на Лонг-Айленд-Саунд, а густая масса отходов нагнетается в цистерны и морем отправляется на плантации «Хлорелла». Я слышал об этом, но никогда не видел своими глазами.

Моя должность называлась экспедитор-соединитель девятого класса. Моей обязанностью было соединять гибкие шланги, по которым подавались отходы. После первого дня работы я истратил недельное жалованье на пылеуловители. Они не спасали от всех запахов, но хотя бы давали возможность остаться в живых.

На третий день, закончив смену, я отправился в душ. Я рассчитал все заранее: после шести часов работы у цистерн, при вполне понятном отсутствии автоматов, продающих воду, галеты и папиросы (да и кто смог бы есть, пить или курить в таком зловонье), желания людей, привыкших к режиму «Попси-галеты-сигареты», в ближайшие полчаса будут вполне определенными, и едва ли кто вспомнит о душевой. Благодаря тому, что я умел подавлять эти желания — они еще не успели пустить во мне таких глубоких корней, — я мог мыться почти в пустом душе. Когда же наконец туда вваливались все, я спокойно отправлялся к автоматам. Разумеется, здесь был простой расчет, но что могло бы лучше свидетельствовать о разнице между умственным уровнем простого потребителя и рекламного босса? Конечно, повторяю, привычки еще не пустили во мне таких глубоких корней, как в других.

В душевой, кроме меня, был еще один человек, но мы почти не мешали друг другу. Как только я вошел, он передал мне мыло. Намылив тело, я с удовольствием подставил его под ревущую струю воды и совсем забыл о соседе. Но, возвращая ему мыло, я вдруг почувствовал, как он средним пальцем коснулся моего запястья, а указательным сжал мой большой палец.

— О, — воскликнул я растерянно, отвечая на рукопожатие. — Вы «кон...»

— Тсс! — зашипел он и раздраженно указал на микрофон, свисавший с потолка. Повернувшись ко мне спиной, он стал снова тщательно намывать тело.

Когда он вернул мне мыло, к нему был при-

леплен кусочек бумаги. В кабине для одевания я разгладил его и прочел:

«Сегодня день отпусков в город. Отправляйтесь в Музей искусств «Метрополитен», в зал классиков. Ровно за пять минут до закрытия музея остановитесь перед женским торсом».

Одевшись, я встал в очередь к столу надзирателя. Не прошло и получаса, как у меня в кармане уже был пропуск с печатью, дававший мне право переночевать в городе. Я вернулся к себе, собрал пожитки, предупредил того, кто будет спать на моей койке, что сосед надо мной разговаривает во сне, сдал вещи на хранение и сел в поезд подземки, идущий в Бронксвилль. Потом сделал пересадку, проехал одну остановку в северную часть города, пересел на другой поезд, поехал на юг и вышел у Шокен-Тауэр. За мной, кажется, никто не следил, но я решил, что осторожность не помешает.

До моего свидания с «консами» оставалось почти четыре часа. Я стоял в вестибюле агентства «Шокен», пока меня не заметил полицейский агент, презрительно оглядевший мой дешевый костюм. Я надеялся, что в вестибюль выйдет Эстер или, может, сам Фаулер Шокен, но мне не повезло. Правда, я увидел кое-кого из знакомых, но никому из них нельзя было довериться. Пока не удастся выяснить, что кроется за предательством на леднике Старзелиус, мне никого не хотелось бы извещать о том, что я жив.

Наконец агент спросил с ухмылкой:

— Ты что, пришел предложить свой пай ребятам Шокена, парень? Не иначе как тебе денег девать некуда.

— Прошу прощения,— пробормотал я и про-

тиснулся к выходу. Вряд ли он последует за мной сквозь густую толпу. Так оно и вышло. Быстро свернув в комнату отдыха, где группа потребителей, дегустируя новые образцы Кофиеста, смотрела какой-то фильм, рекламирующий наши противозачаточные средства, я вышел в коридор и прыгнул в служебный лифт.

— Восьмидесятый этаж,— сказал я и тут же сообразил, что допустил оплошность. В рупоре прозвучал резкий голос лифтера:

— Эй вы, в пятой кабине, служебный лифт идет только до семидесятого этажа. Что вам надо?

— Я посыльный,— жалко пролепетал я.— Мне надо кое-что взять в конторе мистера Шо-кена. Я говорил, что меня туда не пропустят. Так и сказал им: «Послушайте, у него небось двадцать пять секретарей и каждый остановит меня». Я сказал им...

— Экспедиция на сорок пятом,— объявил лифтер уже менее сурово.— Встаньте перед дверью лифта, чтоб я мог вас видеть.

Мне не хотелось делать этого, но выхода не было — пришлось подойти к двери. Мне показалось, что из рупора вырвался какой-то звук, но я не был в этом полностью уверен. Мне не приходилось бывать в камерке лифтеров, находившейся глубоко под землей, где лифтеры нажимали кнопки, посылая кабины вверх и вниз по узким шахтам. Я дорого бы отдал, только бы одним глазом заглянуть сейчас туда.

С минуту я постоял перед дверью. Затем голос лифтера нерешительно произнес:

— Ладно, возвращайтесь на место. Сорок пятый этаж, первый поворот налево.

Пассажиры лифта смотрели на меня ослобившимися от Кофиеста глазами. Наконец я вышел, ступил на движущуюся ленту коридора и проехал мимо двери с надписью «Экспедиция» до конца коридора, где пешеходная дорожка уходила под пол. Мне не сразу удалось отыскать лестницу, ведущую на верхние этажи, но наконец я ее нашел. Теперь можно было отвести душу и хорошенько выругаться. Снова воспользоваться лифтом я не рискнул, а доводилось ли вам когда-нибудь пешком преодолевать тридцать пять этажей?

К концу подъема я почувствовал себя совсем худо. Не только потому, что отнимались ноги, но и потому, что время шло, а его у меня было в обрез. Скоро пробьет десять, и потребители, ночевавшие на ступеньках лестницы, начали уже понемногу заполнять ее. Я был предельно осторожен, но все же на семьдесят четвертом этаже едва избежал драки, потому что у человека, расположившегося на третьей ступеньке, ноги оказались длиннее, чем я предполагал.

К счастью, выше семьдесят восьмого этажа ночевать не разрешалось: здесь было царство управляющих.

Я с опаской шел по коридорам, стараясь обращать на себя как можно меньше внимания,—ведь меня могли узнать или спросить, что я здесь делаю, и вышвырнуть вон. Но навстречу попадались только мелкие клерки, а я им был почти незнаком. Мне все еще везло.

Но не совсем. Дверь кабинета Фаулера Шокена оказалась запертой.

Я юркнул в пустой кабинет его третьего секретаря и стал думать, что делать дальше. Фаулер после работы любил играть в гольф в местном клубе. Сейчас уже довольно поздно, но стоит попытаться. Чтобы попасть в клуб, надо было подняться всего четырьмя этажами выше.

Так я и сделал. Местный клуб считался весьма шикарным, да и оно понятно — членские взносы составляли кругленькую сумму. Помимо площадки для гольфа, теннисного корта и других спортивных сооружений, всю северную часть комнаты занимала «роща» с дюжиной прекрасных искусственных деревьев, а кругом разместились не менее двадцати беседок для отдыха, чтения, просмотра фильмов и прочих развлечений.

Две пары играли в гольф. Стараясь остаться незамеченным, я приблизился к ним.

Они были заняты своими циферблатами и кнопками, направляя игрушечные фигурки к крайней лунке. Я прочел счет на табло, и сердце мое упало. Новички. Фаулер Шокен не мог играть с таким счетом. Конечно, его здесь не было. Когда я подошел поближе, то увидел, что оба мужчины мне не знакомы.

Стоя в нерешительности, я раздумывал, что делать дальше. Шокена нигде не было видно. Предположим, он в одной из беседок. Но не мог же я открывать двери каждой и заглядывать туда. Это слишком рискованно. Меня сразу же вышвырнули бы оттуда, как только я наткнулся бы на любого, кроме Фаулера Шокена.

Я прислушался к разговору играющих. Одна из девушек только что сделала удачный удар и закончила игру. Она радостно улыбалась, принимая поздравления, и когда наклонилась впе-

ред, чтобы повернуть рычаг и поставить фигурки на место, я узнал ее — это была Эстер, мой личный секретарь.

Все стало намного проще. Я не мог еще сообразить, как Эстер очутилась в клубе, но все остальное было ясно. Я спрятался в беседку рядом с дамской комнатой. Ждать пришлось всего десять минут.

Конечно, при виде меня Эстер тут же упала в обморок. Я чертыхнулся и втащил ее в беседку. Там стоял диван, и я уложил на него девушку.

Наконец Эстер пришла в себя и уставилась на меня недоумевающим взглядом.

— Митч,— прошептала она, и в голосе ее слышались истерические нотки.

— Я жив,— успокоил я ее.— Это действительно я, Митч. Умер кто-то другой, и они просто подсунули его труп. Не знаю, кто такие эти «они», но перед тобой Митч Кортней, твой начальник. Могу доказать. Например, вспомни прошлогоднюю рождественскую вечеринку, когда ты так беспокоилась о...

— Не надо,— сказала она поспешно.— Боже мой, Митч, то есть мистер Кортней...

— Митч меня вполне устраивает,— сказал я и отпустил ее руку, которую растирал. Эстер приподнялась, чтобы лучше видеть меня.

— Послушай, я жив, это верно, но попал в чертовски серьезную переделку. Мне необходимо повидаться с Фаулером Шокеном. Можешь устроить это сейчас же, немедленно?

— О-о,— она судорожно глотнула воздух, на-

конец приходя в себя, и потянулась за сигаретой. Я тоже машинально вытащил пачку «Старр». — О-о, Митч! Мистер Шокен на Луне. Это страшная тайна, но вам я могу сказать. Что-то, связанное с Венерой. После того, как вы погибли, то есть... ну, вы сами знаете, что я хочу сказать, — после этого он поставил во главе проекта «Венера» мистера Ренстеда. Дела пошли хуже и хуже, и он решил взять все в свои руки. Я дала ему ваши заметки. Кажется, там что-то говорилось о Луне. Во всяком случае, два дня назад он улетел.

— О, черт, — выругался я. — Кого же он оставил вместо себя? Гарвея Бренера? Тогда свяжись...

Эстер покачала головой.

— Нет, Митч, фирму возглавляет мистер Ренстед. Мистер Шокен уехал так поспешно, что смог передать дела только мистеру Ренстеду. Я могу ему позвонить прямо сейчас.

— Нет. — Взглянув на часы, я застонал от отчаяния. Я едва успею добраться до музея «Метрополитен». — Послушай, Эстер, мне надо уходить отсюда. Ни слова никому о нашей встрече, слышишь? Я что-нибудь придумаю и позвоню тебе. Скажу, что я врач твоей матери, — как его там, — доктор Галлант? Условимся, где встретиться и что делать. Ведь я могу рассчитывать на тебя, Эстер, правда?

— Конечно, Митч. — Она задыхалась от волнения.

— Хорошо. А теперь ты должна спуститься со мной на лифте. Спускаться пешком нет времени, а если меня поймают на территории клуба, могут быть неприятности. — Я остановился

и посмотрел на нее.— Кстати, о клубе. Что ты здесь делаешь, Эстер?

Она вспыхнула.

— О, вы знаете, как это бывает,— сказала она печально.— Когда вас не стало, работы для меня не нашлось. У всех управляющих свои собственные секретарши, а я, Митч, не могла уже снова стать рядовым потребителем, когда столько долгов и все такое... И тогда... здесь открылась вакансия, понимаете?..

— Гм,— хмыкнул я, надеясь, что мое лицо осталось спокойным. Видит бог, я сдерживал себя. Будь ты проклят, Ренстед, сказал я себе, подумав о матери Эстер и о молодом человеке, за которого Эстер должна же когда-нибудь выйти замуж, и вспомнив вопиющую несправедливость, виновниками которой являются типы вроде Ренстеда,— они держат законы в своих руках, губят жизнь таких высокопоставленных работников, как я, или простых служащих, как Эстер, вынуждая нас становиться рядовыми потребителями.

— Успокойся, Эстер,— сказал я мягко.— Теперь я твой должник. И поверь, тебе не придется напоминать об этом. Я возьмешу все, что ты потеряла.

Я уже знал, как это сделать. Многим девушкам, работающим по контракту ZZ, удается успешно избежать возобновления контракта или понижения квалификации. О выкупе контракта Эстер до того, как истечет его срок, думать не приходится — это обойдется слишком дорого. После года работы по контракту многим девушкам удастся неплохо устраиваться в качестве личных секретарей. Я был человеком достаточно

влиятельным и надеялся, что к моей рекомендации отнесутся благосклонно и к Эстер будет проявлено внимание.

Я против всяких сентиментов в служебных делах, но, как вы, наверное, уже заметили, в личных часто становлюсь их рабом.

Эстер настояла на том, чтобы я взял у нее немного денег. Поэтому, наняв педаальный кеб, я смог заблаговременно добраться до музея. Я дал кебмену деньги вперед и, когда выходил, услышал, как он отпустил ехидное замечание по адресу «некоторых привилегированных». Если бы я в это время не думал о более важных делах, то проучил бы его как следует.

Я всегда любил музей «Метрополитен». К религии я равнодушен, возможно, потому, что это область, в которой подвизается Таунтон. Но в старинных шедеврах музея есть что-то возвышающее и облагораживающее, вселяющее в душу покой и благоговение. Как уже было сказано, я пришел немного раньше намеченного времени и, подойдя к бюсту Георга Вашингтона Хилла, отца рекламы, молча постоял около него. Я чувствовал себя так же спокойно, как в первые мгновенья на Южном полюсе среди снежной тишины.

Ровно без пяти двенадцать я уже стоял перед огромным женским торсом позднего периода. Вдруг за моей спиной кто-то стал тихонько насвистывать. Мотив был какой-то неопределенный, но в нем настойчиво повторялся один из условных сигналов, который я выучил в подполье под Малой Наседкой.

Одна из дежурных сотрудниц музея направилась к выходу. Обернувшись, она улыбнулась мне через плечо.

Постороннему наблюдателю это показалось бы обычным знакомством мужчины с женщиной. Я взял ее под руку и почувствовал, как ее пальцы отбивают на моем запястье условный код:

«Ничего-не-говорите-когда-я-оставляю-вас-идите-в-конец-комнаты-садитесь-и-ждите».

Я кивнул головой, она подвела меня к отделанной пластмассой двери, открыла ее и знаком велела войти.

В комнате было человек десять-пятнадцать потребителей. Они сидели на стульях с прямыми спинками и слушали человека с профессорской бородкой. Найдя свободный стул в глубине комнаты, я сел. Никто не обратил на меня внимания.

Лектор рассказывал о самых важных событиях того скучнейшего периода цивилизации, который предшествовал веку коммерции. Я рассеянно слушал его, стараясь отыскать в столь разных людях, собравшихся здесь, то общее, что должно было их объединять. Все они «консы», в этом нет сомнений, иначе зачем бы им здесь сидеть. Но мне так и не удалось найти в них то главное, что должно было, хотя бы внешне, отличать этих маскирующихся фанатиков от остальных людей. Каждый из них казался обыкновенным потребителем, с голодным выражением лица, которое обычно появляется у человека от соевых котлет и дрожжевого кофе. На улице я прошел бы мимо любого из них и даже не обернулся. Но я был в Нью-Йорке, а, по словам Боуэна, все «консы», с которыми мне доведется здесь

встретиться,— это руководящие деятели движения, его вожди и вдохновители.

Над этим фактом тоже не мешало призадуматься. Когда я наконец выпутаюсь из этой истории, встречу с Фаулером Шокенем и восстановлю свою репутацию, то постараюсь накрыть эту подпольную шайку, если только умно поведу игру. Я стал более внимательно приглядываться к сидящим в комнате, запоминая их лица. Мне бы не хотелось ошибиться при новой встрече.

Очевидно, был подан какой-то сигнал, но я не заметил его. Лектор прервал лекцию на полуслове, и из первого ряда выскочил низенький толстый человечек.

— Ладно,— сказал он будничным голосом,— все мы в сборе, и нет смысла терять время. Мы враги всяких потерь, для этого и собрались здесь.— Он пресек легкий смешок, пробежавший по аудитории.— Не шумите,— предупредил он,— и не называйте друг друга по имени. На этом собрании мы будем пользоваться номерами. Можете звать меня «номер один», вы будете «номер два»,— он ткнул пальцем в своего соседа,— и так далее, ряд за рядом. Ясно? О'кэй, а теперь слушайте внимательно. Мы собрали вас здесь потому, что вы все новички. Вы теперь члены большой организации. Здесь, в Нью-Йорке, находится ее руководящий центр, выше его уже ничего нет. Каждый из вас был отмечен за какие-то заслуги — вы сами о них знаете. Сегодня вы получите задания. Но прежде мне хотелось бы предупредить вас об одном. Вы не знаете меня, я не знаю вас. Каждый из вас прошел испытание в своей ячейке, но наши люди на местах иногда бывают не в меру доверчивы. Если они ошиблись

в вас... Ну, вы и сами понимаете, чем это может кончиться, не так ли?

Все дружно закивали головами. Я не отставал от других, но постарался запомнить этого маленького толстяка. Людей вызывали по номерам, одного за другим, они вставали и после короткой беседы с толстяком по двое и по трое выходили из комнаты, исчезая для выполнения заданий. Меня вызвали почти последним. Кроме меня, в комнате осталась только девушка с волосами апельсинового цвета и слегка косящими глазами.

— Ну, теперь вы двое,— обратился к нам толстяк.— Вы будете работать вместе, поэтому вам надо знать друг друга по имени. Гроуби, познакомьтесь с Корвин. Гроуби — своего рода литературный работник, а Селия — художница.

— О'кэй,— сказала девушка и раскурила от окурка новую сигарету «Старр». Идеальный тип потребителя, подумалось мне, если бы ее не испортили эти фанатики. Я заметил, что она жевала резинку даже во время бесконечных затяжек.

— Сработаемся,— одобрительно кивнул я.

— Конечно,— сказал толстяк.— Ничего не поделаешь, придется. Сами понимаете, Гроуби, для того чтобы дать всем возможность проявить себя, мы вынуждены сообщить вам много такого, что нам не хотелось бы завтра прочесть в газетах. Если вы не сработаетесь с нами, Гроуби,— добавил он ласковым голосом,— понимаете, в какое положение вы нас поставите? Тогда нам придется позаботиться о вас. Соображаете? — Он слегка постучал по пробке небольшого флакона с бесцветной жидкостью, стоявшего на столе.

— Соображаю, сэр,— поторопился я ответить. Действительно, не трудно было сообразить, что находилось в этом флаконе.

Выяснилось, что все не так уж сложно. Однако после трех часов напряженной работы в этой маленькой комнатке-мне пришлось напомнить им,— если я не вернусь в свой барак и не попаду на утреннюю переключку, то едва ли смогу оказаться им полезным. Тогда меня отпустили.

Однако на переключку я все равно не попал. Когда я вышел из музея навстречу великолепной утренней заре, я был полон самых радужных надежд. Внезапно из предрассветного тумана вынырнул какой-то человек и заглянул мне в лицо. Я узнал противную ухмыляющуюся рожу водителя кеба, доставившего меня в музей.— Хэлло, мистер Кортней,— ехидно приветствовал он меня, а затем мне на голову обрушился возвышавшийся за музеем обелиск или что-то в этом роде.

— Очнется через несколько минут, — донесся до меня чей-то голос.

— Ну, как, готов он для Хеди?

— Что ты? Конечно, нет.

— Я только так спросил.

— Подготовить для Хеди не так-то просто. Тебе пора бы это знать. Прежде их надо хорошенько напичкать амфетамином, плазмином, а иногда и ниацином меганита. Вот тогда они готовы: Хеди не любит, когда теряют сознание. Знаешь сам, как она злится.

Послышался нервный, недобрый смешок.

Я открыл глаза и произнес:

— Слава богу! — так как, увидев грязно-серый потолок, какие бывают в конференц-залах рекламных агентств, решил, что благополучно попал в контору Фаулера Шокена. Неужели я ошибся? Лицо, склонившееся надо мной, не было мне знакомо.

— Чему ты так радуешься, Кортней? — услышал я. — Ты что, не знаешь, куда попал?

После этого сомнений уже не оставалось.

— Таунтон? — выдавил я из себя.

— Угадал.

Я попробовал шевельнуть рукой или ногой, но не смог. Неужели на мне пластиковый кокон?

— Послушайте, ребята, — сказал я как можно спокойнее, — не знаю, что вы тут задумали, но советую вашу затею бросить. Наверное, меня похитили в деловых целях. А это значит, вам

придется или отпустить меня, или прикончить. Если вы убьете меня без предупреждения, вам самим смерти не миновать, поэтому убивать вы не станете. Значит, в конце концов вы меня отпустите. Тогда советую сделать это побыстрее.

— Убить тебя, Кортней? — спросил ехидный голос. — Да разве мертвых убивают? Всем давно известно, что ты умер на леднике Старзелиус. Неужели не помнишь?

Я снова рванулся, но безуспешно. — Вас приговарят к выжиганию мозгов! — завопил я. — Вы что, с ума сошли? Кто хочет, чтобы ему выжгли мозги?

Мой собеседник невозмутимо проронил:

— Тебя ждет сюрприз. — И обращаясь к кому-то в сторону, крикнул:

— Передай Хеди, что скоро он будет готов. — Затем со мной проделали какую-то манипуляцию, что-то щелкнуло, и я оказался в сидячем положении. Кожа туго натянулась на суставах. Теперь ясно — на меня надели пластиковый кокон. Спротивляться было бесполезно. Лучше побережь силы.

Зазвенел звонок, и резкий голос приказал:

— Разговаривай повежливей, Кортней. Сюда идет мистер Таунтон.

В комнату действительно ввалился Б. Дж. Таунтон. Таким мне частенько доводилось видеть его на многочисленных банкетах: красный, тучный, расфранченный и неизменно пьяный.

Широко расставив ноги, он уперся руками в бока и, слегка раскачиваясь, смотрел на меня.

— Кортней, — наконец изрек он. — Очень жаль. Из тебя мог бы выйти толк, если бы ты

не связался с этим мошенником и сукиным сыном Шокеном. Очень жаль.

Он был пьян, он позорил нашу профессию, на его совести лежало не одно преступление, но я все же заставил себя быть учтивым.

— Сэр,— начал я, стараясь говорить спокойно.— Произошло недоразумение. Фирму «Таунтон» никто не провоцировал на убийство представителя конкурирующей фирмы, не так ли?

— Нет,— ответил он, с трудом шевеля губами и пьяно покачиваясь.— С точки зрения закона провокаций не было. Этот ублюдок Шокен всего-навсего украл мою главную работу, переманил моих сенаторов, подкупил моих свидетелей в сенатской комиссии и стащил у меня из-под носа Венеру! — Его голос неожиданно поднялся до визга. Затем, уже спокойнее, он продолжал: — Нет, повода мне не давали. Шокен осторожен, он не станет убивать моих людей. Хитрый Шокен, чистюля Шокен, чертов идиот Шокен! — почти провоцировал он.

Таунтон уставился на меня остекленевшими глазами.— Ублюдок! — вдруг заорал он.— Из всех низких, подлых, бесчестных, мошеннических проделок твоя была самой мерзкой. Я,— он ударил себя в грудь и едва удержался на ногах,— я придумал самый верный способ убрать конкурента, но ты повел себя, как трусливая крыса. Ты сбежал, как заяц. Ах ты, собака!

— Сэр,— пролепетал я в отчаянии.— Ей-богу, не знаю, о чем вы говорите.— Годы пьянства, подумал я, не прошли бесследно. Такое можно плести только с перепоя.

Он неуверенно сел — один из его людей во-

время успел пододвинуть стул, на который Таунтон опустил свой грузный зад. Мечтательно взмахнув рукой, он изрек:

— Кортней, в душе я настоящий художник.

— Конечно, мистер...— автоматически поддакнул я и чуть было не сказал по привычке «Шокен», но вовремя прикусил язык.— Конечно, мистер Таунтон.

— В душе,— продолжал он,— я артист, мечтатель, творец сказочных иллюзий.— От его слов у меня действительно начались галлюцинации: мне почудилось на минуту, что передо мной сидит Фаулер Шокен, а не его противник, ненавидящий все, что дорого Шокену.— Мне нужна Венера, Кортней, и я получу ее. Шокен украл ее у меня, но все равно она будет моей. Проект Шокена о заселении Венеры лопнет как мыльный пузырь. Ни одна его ракета никогда не поднимется с Земли, даже если для этого мне придется подкупить всех его подчиненных и убить всех начальников его отделов. Потому что в душе я артист.

— Мистер Таунтон,— сказал я как можно спокойнее,— вам не удастся так просто поубивать всех начальников отделов. Вас приговорят к выжиганию мозгов, введут вам церебрин. Вряд ли удастся найти кого-нибудь, кто захочет так рисковать ради вас. Никому не захочется двадцать лет жариться в аду.

— А разве,— мечтательно заметил Таунтон,— разве мне не удалось найти пилота, который согласился сбросить на тебя с вертолета контейнер? Разве я не нашел безработного бродягу, который согласился пустить пулю в окно твоей квартиры? К сожалению, оба промазали.

А затем ты подложил нам свинью, трусливо сбежав на ледник.

Я молчал. Бегство на ледник не было моей затеей. Одному богу известно, кто заставил Ренстеда хватить меня лыжами по голове, подсунуть вербовщикам, а вместо меня оставить чей-то труп.

— Чуть было не выпустили тебя из рук,— мечтательно предавался воспоминаниям Таунтон.— И если бы не преданные мне люди— кебмен и еще кое-кто,— мне бы не заполучить тебя. У меня есть еще немало возможностей, Кортней. Они могут быть хуже или лучше, чем у других, но такая уж у меня судьба — рисовать сказочные картины и ткать фантастические сны. Величие художника в простоте, Кортней. Ты все твердишь: «Никто не захочет подвергнуться выжиганию мозгов». Но ты просто недалекий человек. А я заявляю: «Найди того, кто этого хочет, и используй его». Я говорю так, потому что я — великий человек.

— Кто захочет подвергнуться выжиганию мозгов? — тупо повторил я.— Кто захочет подвергнуться выжиганию мозгов?

— Объясни ему,— обратился Таунтон к одному из своих помощников.— Я хочу, чтобы он понял, что мы не шутим.

— Все дело в количестве населения, Кортней,— сухо пояснил один из его людей.— Ты когда-нибудь слышал об Альберте Фише?

— Нет.

— Этот необыкновенный человек жил на заре Века разума — в 1920-е годы или около этого. Альберт Фиш втыкал в свое тело иголки, сжигал на себе ватные тампоны, пропитанные бензи-

ном, нещадно сек себя и при этом испытывал удовольствие. Ручаюсь, ему понравилось бы и выжигание мозгов. Для него это были бы великолепные годы, в течение которых он упивался бы удушьем и тошнотой, испытывал бы восторженный трепет от того, что с него сдирают кожу. Это было бы осуществлением мечты Альберта Фиша.

В те времена существовал только один Альберт Фиш. Нервное напряжение и темп жизни нашего высокоорганизованного общества способствуют появлению альбертов фишей. Было бы неразумно ждать, чтобы на обширных пространствах при небольшом и разбросанном по всей планете населении того времени, составлявшем менее трех миллиардов человек, могло появиться несколько альбертов фишей. Сейчас население намного увеличилось, и вокруг бродит сколько угодно таких людей. Надо только найти их. Мы здесь, у Таунтона, с помощью первоклассных исследовательских приемов откопали сразу нескольких. На них можно наткнуться в больницах, иногда они бывают необычайно уродливы на вид. Эти люди жаждут стать убийцами, и они уже предвкушают удовольствие от одной мысли о наказании. А вот такие, как ты, утверждают, что невозможно нанять убийц, потому что все боятся наказания. Но сам мистер Таунтон только что объяснил тебе, что можно заполучить убийцу, если только найти человека, не боящегося наказания. И самое интересное, что тот, кто любит испытывать боль, любит сам причинять ее другим. Ну, к примеру, причинить боль тебе...

В этих словах звучала правда, от которой кровь стыла в жилах. Наше поколение, казалось, было приучено ко всему. Передачи по радио и телевидению изобилуют сообщениями о сверхъестественных подвигах и чудовищной жестокости. Из истории я знал, что раньше люди не были ни столь храбры, ни столь порочны. Это всегда озадачивало меня. Находятся же у нас такие люди, как Мэлон, который в течение шести лет преспокойно прорывал подземный ход, чтобы в одно прекрасное утро взорвать банк в Нью-Джерси. А все из-за того, что его чем-то обидел полицейский, регулировавший уличное движение. Но, с другой стороны, у нас были и такие, как Джеймс Ревир, герой с потерпевшего бедствие парохода «Уайт Клауд». Работая официантом туристского класса, этот застенчивый и хворый на вид человек один вынес из огня семьдесят шесть пассажиров. Снова и снова возвращаясь в бушующее пламя, обгоревший и ослепший, он выносил их на плечах, нащупывая дорогу своими искалеченными руками. Это верно. Когда людей слишком много, всегда можно найти такого, который с охотой сделает все что угодно. Таунтон действительно художник. Он постиг эту простую истину и использовал ее. А это означало, что я мог считать себя покойником.— Кэти,— подумал я,— моя Кэти!

Хриплый голос Таунтона прервал мои размышления.— Дошло до тебя? — спросил он.— Величественная картина. И главное в ней то, что я снова стану хозяином Венеры. А теперь начнем сначала, и ты выложишь мне все об агентстве Шокена. Все его маленькие тайны, его уязвимые места, ходы и выходы, кого из служащих можно

купить, каков капитал фирмы и как со связями в Вашингтоне,— ну, да ты и сам знаешь, что меня интересует.

— Все равно я мертв и мне уже нечего терять,— подумал я и ответил:

— Нет.

Тогда один из людей Таунтона отрывисто бросил:

— Вот теперь он готов для Хеди,— и вышел из комнаты.

— Ты изучал древнейшую историю, Кортней,— сказал Таунтон.— Тебе, может, знакомо имя Гилля де Рэ.— Да, я знал это имя, и при одном его упоминании мне почудилось, будто мою голову медленно сжимают стальными обручами.— Все предыдущие поколения насчитывают примерно пять миллиардов человек,— небрежно продолжал Таунтон.— И все эти поколения дали миру лишь одного Гилля де Рэ, который тебе кажется Синей Бородой. Но в наши дни у нас их немало и есть из кого выбрать. Для особых дел из всех возможных вариантов я выбрал Хеди. Почему — сам увидишь.

Дверь отворилась, и на пороге появилась бледная, хилая девица с прямыми светлыми волосами. Ее тонкие, бескровные губы растянулись в идиотской улыбке. В руке она держала шприц с шестидюймовой иглой.

Я посмотрел ей в глаза и пронзительно закричал. Я не переставал кричать до тех пор, пока ее не увели и дверь за нею не закрылась. Воля моя была сломлена.

— Таунтон,— пролепетал я наконец,— прошу вас...

Он удобно откинулся на спинку стула:

— Выкладывай.

Я пытался, но ничего не вышло. Слова застредали в горле, память словно отшибло. Я даже не мог вспомнить, называется ли моя фирма «Фаулер Шокен» или «Шокен Фаулер».

Наконец Таунтон встал:

— Ладно, придется отложить, Кортней, пока ты не соберешься с мыслями. Мне и самому не мешает подкрепиться.— Его невольно передернуло, но он тут же снова молодцевато подтянулся.

— Советую вздремнуть,— сказал он и вышел нетвердой походкой.

Двое подручных Таунтона из комнаты допросов отвезли меня на тележке по коридору в карцер с тяжелой дверью. В царстве управляющих наступила ночь. В кабинетах, мимо которых меня провозили, было пусто, огни погашены, и лишь одинокий дежурный в конце коридора зевал за своим столом.

— Не снимете ли с меня кокон? — робко взмолился я.— А то я потом ни на что не буду годен.

— Не приказано,— отрезал один из подручных, и они захлопнули и заперли тяжелую дверь карцера. Я стал кататься по полу узкой камеры, стараясь наткнуться на что-нибудь острое и разорвать пластиковый кокон, но все было напрасно. Я извивался в невообразимых конвульсиях, катался и падал и наконец понял, что мне в этом коконе не подняться на ноги. Еще чуть-чуть теплилась слабая надежда на то, что для моей цели пригодилась бы дверная ручка, но она была от меня все равно что за тысячу миль.

Митчел Кортней, работник рекламы, Митчел Кортней, главная фигура в Отделе Венеры, Мит-

чел Кортней — гроза «консов», этот самый Митчел Кортней беспомощно барахтался на полу карцера в плену у самого жульнического, бесчестного агентства, которое когда-либо позорило торговый мир, и единственной перспективой для него, кроме предательства, была, если повезет, быстрая смерть. Кэти по крайней мере ничего об этом не узнает. Будет думать, что я погиб, как дурак, на леднике, потому что стал ковыряться в батарееке, хотя ни черта в этом не смыслил...

Загребел ключ в замочной скважине — за мной пришли.

Но когда отворилась дверь, то, лежа на полу, я увидел не мужские брюки, а две тощие щиколотки, обтянутые нейлоном.

Это была Хеди, Хеди с ее шприцем.

Я попытался позвать на помощь, но когда она склонилась надо мной и я увидел ее горящие глаза, крик застрял у меня в горле. Вдруг я почувствовал, что у меня оторвали левую половину головы. Это ощущение длилось всего несколько секунд и растворилось потом в красном тумане беспомысленности.

— Проснись, — требовала Хеди. — Я люблю тебя, проснись. — Мой правый локоть пронизала молния, я вскрикнул и отдернул руку. О, чудо, она двигалась... двигалась!

Игла шприца вонзилась мне в челюсть, ища, очевидно, тройничный нерв. В отчаянии я старался выбраться из красного тумана, готового снова поглотить меня. Теперь я мог двигать рукой, потому что Хеди шприцем прорвала пластиковый кокон. Она снова нацелилась, — и боль пронизала левую руку. Одно конвульсивное движение, — и эта рука тоже была свободна.

Кажется, я вцепился Хеди в загривок. Не уверен, что все было именно так — да разве это важно? Через пять минут ни Хеди, ни ее «любви» уже не существовало. Я сорвал с себя пластик и, вскрикивая от боли, медленно и тяжело поднялся на ноги.

Дежурный был мне не страшен. Если он не прибежал на мои крики, значит, теперь и по-давно не прибежит. Я вышел из карцера и увидел, что он как будто спит, уронив голову на стол. Наклонившись над ним, я заметил на старой жилистой шее следы запекшейся крови. Хеди достаточно было сделать один укол, парализующий мозг. Да, анатомию она знала отлично.

У дежурного был револьвер, который я после минутного размышления решил не брать; но, найдя несколько долларов у него в карманах, я подумал, что они пригодятся мне больше, чем оружие, и поспешил к выходу. Часы на столе дежурного показывали пять минут седьмого. Значит, наступило утро.

Я уже знал, каково подниматься по лестнице небоскреба пешком. Теперь мне предстояло спуститься вниз. Если сердце у вас в порядке, то вы почти не замечаете разницы между спуском и подъемом. Однако в моем состоянии понадобилось целых полчаса, чтобы спуститься из административного помещения на нижние этажи, где ночевали простые смертные. По лестнице уже двигался первый поток угрюмых потребителей, спешивших на работу. Я стал свидетелем доброй дюжины потасовок и одной жестокой драки. Ночные обитатели лестничной клетки в здании агентства Таунтона были оборванным, грязным сбродом, который не пустили бы на лестницы к

Шокену. Но это было даже к лучшему, ибо никто не обратил внимания на мою грязную, изодранную одежду и рану на лице. Лишь какая-то девица свистнула мне вдогонку. Если бы я в подобном виде вздумал сунуться в такие древние трущобы, как здание Американской радиокорпорации или Эмпайр Стэйт Билдинг, меня бы немедленно вышвырнули вон.

Мне повезло,— это был час, когда ночные жильцы покидали здание фирмы «Таунтон». Смешавшись с толпой, бурлившей в вестибюле, я вместе со всеми выбрался на улицу и устремился к станции метрополитена, поезда которого подвозили потребителей к местам их жалкой работы. Мне показалось, что люди из охраны Таунтона пристально разглядывают толпу из окон второго этажа. Не оборачиваясь, я юркнул в душевую.

В кассе я разменял все свои доллары на мелочь.— Душ пополам, парень? — спросил кто-то. Мне дозарезу был нужен душ, но не пополам, однако я побоялся выдать себя замашками привилегированного служащего. Пришлось согласиться.

Мы уплатили за пятиминутный душ из соленой воды с мылом и полуминутный душ из пресной. Я обнаружил, что все время тру правую руку, а когда холодная вода попадала на левую половину лица, это причиняло невыносимую боль. Немного придя в себя после душа, я спустился в метро и в течение двух часов колесил под городом. Наконец я вышел на Таймс-сквере, в центре торговой части города. Это была главным образом грузовая станция, где чертыхающиеся потребители швыряли ящики с протеином на

движущийся конвейер, отправлявший их во все концы города. Я попытался дозвониться Кэти. Мне опять никто не ответил.

Тогда я позвонил Эстер в агентство Шокена и приказал:

— Собери все до последнего цента, одолжи, возьми все свои сбережения, купи мне полный комплект одежды фирмы «Старзелиус» и как можно скорее приезжай на то место, где твоя мать два года назад сломала ногу. Точно на это место, помнишь?

— Да, помню, Митч,— ответила она.— Но мой контракт?..

— Не заставляй меня просить тебя, Эстер,— взмолился я.— Верь мне. Я не подведу тебя. Ради бога, поторопись. А если увидишь, что меня схватили полицейские, сделай вид, что ты меня не знаешь. А теперь действуй.

Повесив трубку, я тяжело опустился на пол телефонной будки и оставался в ней до тех пор, пока кто-то не начал возмущенно колотить в дверь. Тогда я вышел, медленно прошелся по платформе, выпил стакан Кофиеста и съел сандвич с сыром. У газетного киоска я взял напрокат утреннюю газету.

Обо мне было напечатано маленькое скучное сообщение, занимавшее скромный абзац на третьей странице: «Разыскивается по обвинению в саботаже и убийстве». Далее говорилось, что некий Джордж Гроуби не вернулся на работу после отлучки в город. Он использовал это время для того, чтобы совершить кражу со взломом в административном отделе фирмы «Таунтон». Убив секретаршу, которая случайно наткнулась на него, Гроуби скрылся.

Через полчаса Эстер встретила меня в метро неподалеку от того места, где однажды сорвавшийся с конвейера ящик сломал ее матери ногу. У нее был очень встревоженный вид; теперь она так же, как и Джордж Гроуби, была виновна в нарушении контракта.

Я взял у нее картонку с одеждой и спросил:

— Осталось ли у тебя хотя бы полторы тысячи долларов?

— Около этого, — ответила она. — Моя мать была в ужасе...

— Закажи нам билеты на первый же корабль, отлетающий на Луну. Если можно, сегодня же. Встречай меня здесь.

— Мы? На Луну? — задыхаясь, промолвила она.

— Да, на Луну. Мне надо исчезнуть с Земли, пока меня не прикончили, и на этот раз уже по-настоящему.

Моя маленькая Эстер расправила плечи и начала творить чудеса.

Через десять часов мы уже сидели в кабине воздушного корабля «Дэвид Рикардо». Эстер преспокойно выдала себя за служащую фирмы «Шокен», отправляющуюся на Луну со специальным заданием, а меня за Гроуби, статистика отдела продажи шестой категории. Никому не пришло бы в голову искать экспедитора Гроуби, служащего девятой категории, на космодроме «Астория». Экспедитор, работающий в канализационной системе, попавший в черный список за саботаж и убийство, естественно, не может позволить себе поездку на космическом корабле.

Эстер заказала отдельную кабину и полный ежедневный рацион. На этом корабле большинство пассажиров обычно оплачивают кабину и полный рацион. Такие путешествия совершаются не ради удовлетворения праздного любопытства и не рассчитаны на тех низкооплачиваемых потребителей, которые составляют абсолютное большинство населения Земли. Путешествие на Луну — это чисто деловая поездка, связанная прежде всего с добычей полезных ископаемых и немного — с желанием посмотреть тамошние достопримечательности. Нашими спутниками, которых мы видели только при посадке, были инженеры с озабоченными лицами, горсточка рабочих, в срочном порядке отправляемых на Луну, а также несколько до идиотизма богатых муж-

чин и женщин, которым хотелось похвастаться тем, что они побывали на Луне.

Когда мы оторвались от Земли, Эстер охватило истерически приподнятое настроение, но затем она сникла и поплакала у меня на плече, напуганная тем, что наделала. Воспитанная в духе глубокого уважения к принципам морали и к кодексу торговли, она не могла так просто смириться с тем, что пошла на преступление и нарушила контракт.

— Мистер Кортней... Митч...— терзалась она,— если бы я могла быть уверена, что поступила правильно! Знаю, что вы всегда были добры ко мне, никогда не сделаете мне ничего дурного, но я так напугана, так несчастна!..

Я вытер ей глаза и принял решение:

— Пожалуй, лучше рассказать тебе все, Эстер. Ты сама будешь судьей. Таунтон сделал ужасное открытие. Он установил, что есть люди, которые не боятся казни серебряным и готовы идти на убийство торговых конкурентов. Таунтон считает, что мистер Шокен бесчестно украл у него проект Венеры, и теперь он ни перед чем не остановится, чтобы вернуть его обратно. Уже по крайней мере дважды он пытался убить меня. Раньше я думал, что Ренстед — один из его агентов, нанятых, чтобы помешать Шокену наложить лапы на Венеру. Теперь не знаю, что и думать. На Южном полюсе, куда я поехал, Ренстед дал мне по башке и продал вербовщикам под чужим именем, а на леднике оставил чей-то труп. Кроме того, во всем этом,— осторожно сказал я,— еще замешаны «консы».

Эстер слабо вскрикнула.

— Только не знаю, каким образом они здесь

замешаны, но я сам стал членом ячейки «кён-сов»...

— Мис-тер Кортней!

— Не по своей воле,— поспешил объяснить я.— Меня завербовали на плантации «Хлорелла» в Коста-Рике, а попасть оттуда на Север можно было только через организацию «консов». На плантациях я и вступил в ячейку, проявил способности и был переброшен в Нью-Йорк. Остальное ты знаешь.

Она долго молчала и наконец спросила:

— Вы уверены, что теперь все в порядке?

Сам отчаянно надеясь на это, я храбро ответил:

— Конечно, Эстер.

Она радостно улыбнулась.

— Пойду за нашими пайками,— заметила она, отстегивая ремни сиденья.— А вы лучше оставайтесь здесь.

Через сорок часов полета я сказал Эстер:

— Этот проклятый жулик стюард совсем обнаглел. Посмотри! — И протянул ей мой термос с водой и пакет с рационом. Пломбы на них были повреждены, а воды явно не хватало.

— Считается, что эти пайки опломбированы,— гневно продолжал я.— Это же чистое жульничество! А как у тебя?

— То же самое,— ответила она равнодушно.— Тут ничего не поделаешь. Давайте поедим попозже, мистер Кортней.— Она делала явные усилия, чтобы казаться веселой.— Партию в теннис?

— Ладно,— проворчал я, устанавливая настольный теннис, взятый в комнате отдыха.

Эстер играла лучше меня, но сегодня я без труда одержал победу. Она была рассеянна и неловка, не вовремя нажимала рычаг и не туда посылала мячи. Однако полчаса игры, по-видимому, принесли пользу нам обоим. Эстер повеселела, и мы с аппетитом позавтракали.

Теперь мы стали постоянно играть в теннис перед едой. Больше в этом тесном обиталище заниматься было нечем. Через каждые восемь часов Эстер отправлялась за нашим рационом, я ворчал на недостачу и сорванные пломбы, мы играли в теннис, а потом закусывали. Остальное время приходилось изучать рекламу фирмы «Шокен», мелькавшую на стенах ракеты.

Все не так уж плохо,— думал я.— Шокен на Луне, и никто не помешает мне с ним встретиться. Там не так тесно и больше свободного времени. Мне хотелось расспросить у Эстер, что она слышала о Джеке О'Ши, но я промолчал. Боялся, что мне не по душе будут истории, которые она могла мне рассказать о герое-лилипуте и его триумфальном шествии из города в город, от женщины к женщине.

Однообразная реклама была наконец прервана объявлением: «Пассажиров просят явиться на кухню за последней порцией жидкого пайка. Сейчас восемь часов, и до прилунения никакие продукты больше выдаваться не будут».

Эстер улыбнулась мне и ушла, захватив поднос.

Лунное притяжение уже давало себя знать — все мои внутренности выворачивало наизнанку. Эстер вернулась, как обычно, через десять минут с двумя термосами Кофиеста и мягко пожурела меня:

— Ах, Митч, вы даже не установили теннисный корт?

— Что-то не хочется, давай прежде поедим.— Я протянул руку за своим Кофиестом. Но Эстер не дала его мне.

— Только одну партию,— голос ее звучал просительно.

— Черт возьми, слышала, что тебе сказано! — разозлился я.— Помни свое место! — Пожалуй, это у меня никогда не вырвалось бы, если бы не Кофиест. При виде красной упаковки фирмы «Старзелиус» меня снова начало тошнить. Должно быть, я просто давно не пил Кофиеста, ибо, как известно, от него не тошнит.

Лицо Эстер вдруг исказилось от боли.

— Простите, мистер Кортней.— Она прижала руки к животу. Испуганный, я подхватил ее на руки. Она была смертельно бледна, и тело ее обмякло; она тихо стонала.

— Эстер! — закричал я.— Что с тобой? Что...

— Не пейте его,— прохрипела она, судорожно хватаясь за живот.— Кофиест. Он отравлен... Ваш паек... Я попробовала его.

Ее ногти рвали одежду, впились в тело, царапали его.

— Пришлите доктора! — закричал я в рупор кабины.— Здесь умирает женщина!

Мне ответил голос старшего стюарда:

— Сейчас, сэр. Корабельный доктор сейчас будет у вас.

Я с ужасом увидел, как лицо Эстер начало разглаживаться. Она прошептала:

— Подлая Кэти. Предать тебя... Митч, подлая Кэти. Смешно. Ты слишком хорош для нее. Она не потерпит этого. Моя жизнь... твоя...—

Новая судорога исказила ее черты.— Жена и секретарша. Смешно. Так было всегда. А ты меня даже ни разу не поцеловал...

Я и сейчас не успел сделать этого. Эстер была уже мертва, когда в узкую дверцу кабины протиснулся корабельный врач. При взгляде на Эстер его лицо помрачнело. Вдвоем мы отнесли ее в изолятор и положили в камеру восстановления сердечной деятельности. Сердце Эстер снова забилося, она начала дышать и открыла глаза.

— Где вы? — спросил доктор, громко и отчетливо выговаривая слова. Эстер сделала чуть заметное движение головой, и радость надежды охватила меня.

— Она отвечает? — шепотом спросил я у врача.

— Едва ли, — ответил он с профессиональным спокойствием. И был прав. Эстер сделала еще несколько движений головой, и веки ее все время подрагивали. Врач продолжал спрашивать:

— Кто вы? — Эстер чуть-чуть нахмурилась, губы ее задрожали — и все кончилось. Передо мной лежало мертвое, лишь на секунду ожившее тело.

Доктор в достаточно деликатной форме пытался объяснить мне:

— Нет смысла дальше пробовать. Я выключу прибор. Вы не должны тешить себя надеждой. По-видимому, необратимая клиническая смерть уже наступила. Часто для людей, связанных чувствами, бывает трудно поверить...

Я смотрел, как все еще трепетали веки Эстер — один, два, три взмаха... — Выключите это, — хрипло сказал я. Под «этим» я скорее

имел в виду не машину, а то, что раньше было Эстер. Врач выключил ток и убрал иглу.

— Ее тошнило? — спросил он. Я кивнул. — Это ее первый космический полет? — Я снова кивнул. — Были боли в брюшной полости? — Кивок. — До этого было какое-нибудь недомогание? — Я отрицательно покачал головой. — Бывали головокружения? — Я кивнул, хотя точно не знал. Он к чему-то клонил, продолжая задавать вопросы, и было совершенно ясно, какие ему нужны ответы. Аллергия, плохая свертываемость крови, головные боли, быстрая утомляемость — в конце концов доктор произнес свое веское слово:

— Мне кажется, это болезнь Фляйшмана, она еще мало изучена. — И он пустился в научные рассуждения о симптомах этой редкой болезни.

Но, взглянув на меня, сразу переменял тон. — Здесь есть немного спирта, — сказал он. — Если хотите...

Я потянулся к колбе со спиртом, но вдруг, вспомнив об Эстер, предложил:

— Выпейте и вы со мной.

Он кивнул и без раздумий отпил из колбы. Я смотрел, как двигается его кадык.

— Не пейте много, — предупредил он. — Скоро посадка.

Еще какое-то время я занимал его разговором, пристально следя за ним, а затем, проглотив полпинты неразведенного спирта, еле добрался до своей кабины.

Головная боль с похмелья, горе и страх, идиотски длинная процедура проверки личности при

высадке на Луне. Я, должно быть, вел себя довольно странно, ибо несколько раз слышал, как кто-то из команды говорил представителям лунной администрации:

— Полегче с этим парнем. Во время полета у него умерла девушка.

В тесной каморке приемного пункта, отвечая на бесчисленные вопросы, я твердил лишь одно — что ничего не знаю о том деле, с которым сюда послан, я — Гроуби, служащий шестой категории, и самое лучшее, — как можно скорее отправить меня к Фаулеру Шокену. Ему должны были сообщить о нас. Однако меня лишь высмеяли, велели сесть и ждать, когда придет ответ на запрос, посланный в отделение фирмы «Шокен» в Луна-Сити.

Я сидел, посматривая по сторонам, и пытался что-то придумать. Это было не так-то просто. Сотрудники контрольного пункта на космодроме привыкли к заведенному порядку вещей. Я же представлял собой случай необычный. Они, наверное, выжидают момент, чтоб схватить...

Световой аппарат на столе неподалеку от меня щелкнул и заработал. Скосив глаза, я прочел:

«Шокен. Отвечаю на запрос. С этим кораблем никого не жду. Никакого Гроуби в фирме «Фаулер Шокен» нет. Сообщите о нем куда следует. Действуйте по обстоятельствам. По-видимому, не наш человек. Конец».

Это действительно был конец. Парни поглядывали на меня, переговариваясь вполголоса. Еще минута, и они подадут знак детективам.

Я встал со скамьи и смешался с толпой пассажиров. Оставался только один выход, но он страшил меня. И все же я, как бы невзначай,

сделал жест, означавший у «консов» сигнал серьезной опасности.

Расталкивая толпу, ко мне протиснулся детектив и положил руку на мое плечо.— Надеюсь, ты не собираешься здесь набедокурить? — спросил он.

— Нет,— произнес я с усилием.— Ведите, куда нужно.

Он фамильярно махнул рукой тем, кто сидел у стола. Они ухмыльнулись и помахали ему в ответ. Детектив провел меня сквозь испуганную толпу, подталкивая сзади дубинкой.

Словно в оцепенении, я позволил ему вывести себя из помещения контрольного пункта на узкую, как туннель, улицу со множеством магазинов.

«Лунные сувениры — самые дешевые в городе»

«На Луне вы купите самые лучшие товары»

«Газета вашего родного города»

«Лунные костюмы. Прокат. 50 лет без износа»

«Компания проката лунных костюмов. 73 года без износа. Цены доступные»

«Лунные костюмы для девушек. Сногшибательные модели. Цены по соглашению. Докажите, что вы были на Луне»

«Уоррен Астрон, доктор философии. Чтение гороскопов только по предварительной записи»

Все это светилось, подмигивало с витрин и вывесок, а толпы приехавших сновали взад и вперед, разеваая рты от удивления.

— Ну-ка, остановись,— проворчал мой страж

Мы остановились напротив вывески Уоррена Астрона, и детектив вдруг шепнул:

— Вырви у меня дубинку, дай мне как следует по голове и кидай дубинку в уличный фонарь. Беги к Астрону и подай ему условный знак. Желаю успеха и... постарайся не проломить мне череп.

— Вы... вы... — забормотал я, заикаясь.

— Да, — криво усмехнулся он, — очень жалею, что увидел твой сигнал. Это может стоить мне двух нашивок и повышения. Пошевеливайся.

Я так и сделал: выхватил у него дубинку и ударил его по голове, стараясь, чтобы удар получился не слишком слабым, но и не очень сильным. Потом дубинка мелькнула в воздухе и разбила фонарь. Испуганные вопли пешеходов гулким эхом отозвались в туннеле улицы. Я скользнул в белоснежную дверь заведения доктора Астрона и растерянно уставился на высокого тощего мужчину с бородкой.

— Что все это значит? — возмущенно воскликнул он. — Прием только по предварительной записи. — Я подал ему условный знак. — Убежище? — коротко спросил он, отбросив изысканные профессиональные манеры.

— Да. И побыстрее.

Он провел меня через приемную в небольшую обсерваторию с высоким прозрачным куполом — здесь были телескоп, карты небесных светил с надписями на языке хинди, стенные часы и несколько столов. Сильным рывком Астрон сдвинул один из столов, легко повернувшийся на шарнирах. Под ним был люк с поручнями. — Спускайтесь, — приказал он мне.

Я спустился в темноту.

Помещение, куда я попал, было около двух метров глубины, площадью около трех квадратных метров. У одной стены стояли кирка, лопата и два ведра, наполненных образцами лунных пород.

Перевернув одно из ведер, я уселся на него и стал считать свой пульс. Досчитав до пятисот семидесяти шести, я бросил это занятие. Пол был усыпан камнями; я попытался расчистить себе местечко. После нескольких безуспешных попыток улечься я вдруг услышал над головой голоса. Один был профессионально вежливый голос Астрона, другой — женский, капризный и недовольный, принадлежал, должно быть, какой-нибудь толстой и немолодой даме. Беседа, очевидно, велась за столом, под которым скрывалось мое убежище.

...Это, право, очень дорого, мой милый доктор.

— Как угодно, мадам. С вашего разрешения, я тогда возвращусь к моим эфемерам...

— Но, доктор Астрон, я не хотела...

— Мадам простит меня, но, если я не ошибаюсь, она не согласна с моим обычным гонораром?.. Я ошибся? Ну тогда все в порядке. А теперь скажите мне день и час вашего рождения.

Клиентка что-то невнятно пробормотала, и я подумал, как нелегко, должно быть, Астрону с женщинами, которые всегда скрывают свой возраст.

— Итак... Венера в расположении Марса... Гороскоп Меркурия...

— Это что такое? — В резком голосе дамы прозвучала подозрительность. — Я тоже немного разбираюсь в Великом искусстве предсказания, но никогда не слыхала, чтобы...

— Мадам должна понять, что лунная обсерватория делает возможными такие вещи, о которых, разумеется, еще никто не слышал. Наблюдения, проводимые на Луне, позволяют поднять Великое искусство до таких высот, о которых немыслимо было даже мечтать раньше, когда наблюдения велись через толщу загрязненной земной атмосферы.

— О... о... конечно, я слышала об этом. Пожалуйста, доктор Астрон, продолжайте. Смогу ли я взглянуть в гороскоп на мои планеты?

— Разумеется, мадам, только попозже. Итак... Меркурий... планета раздора и интриг, но если она в расположении Юпитера, приносящего счастье...

«Чтение» продолжалось, вероятно, с полчаса, потом были еще два сеанса, и наконец наступила тишина. Я задремал, как вдруг меня окликнули. Астрон опять отодвинул стол, и в прямоугольном отверстии люка показалась его голова.

— Поднимайтесь. В ближайшие двенадцать часов вам не грозит никакая опасность.

Я выбрался наверх и заметил, что купол обсерватории потемнел.

— Вы — Гроуби? — спросил он.

— Да, — ответил я. Ни один мускул не дрогнул на моем лице.

— Сведения о вас мы получили с борта «Рикардо», от курьера. Бог знает, какова цель вашего приезда. Но это не моего ума дело. — Я заметил, что он держит руку в кармане. — Вы появились на плантациях «Хлорелла», вы — прирожденный работник рекламы, вас переводят в Нью-Йорк и случайно или преднамеренно, не

знаю, похищают у музея «Метрополитен»; вы убиваете девушку и исчезаете... А теперь вы на Луне. Кто знает, для чего вы здесь. Ну, в этом разберутся другие. Сюда скоро придет один из членов центра нашей организации, чтобы проверить вас. Вы хотели бы что-нибудь сказать? Ну, например, сознаться, что вы агент-provokator или подвержены маниакально-депрессивному психозу?

Я промолчал.

— Хорошо,— сказал он. Где-то хлопнула дверь.— Это, наверное, она.

В обсерваторию вошла Кэти.

— Митч! — воскликнула она, не веря своим глазам. — Боже мой, Митч! — Кэти засмеялась каким-то истерическим смехом. — Этого ты не ожидал, правда? Так ты не остался на льду?

Астролог вытащил из кармана револьвер.

— Не прикажете ли?..

— Нет, Уоррен. Все в порядке. Я его знаю. Пожалуйста, оставьте нас одних.

Он вышел. Кэти, вся дрожа, упала в кресло. Я же не мог сдвинуться с места. Моя жена — важная шишка у «консов». А я-то воображал, что знаю ее. Как же я ошибался! Она постоянно лгала мне, а я этого даже не подозревал.

— Ты, кажется, ничего не собираешься мне объяснить? — произнес я наконец. Кэти, по-видимому, уже овладела собой.

— Ты удивлен? Звезда рекламы якшался с «консисткой»? Боишься, что это всплывет на поверхность и отразится на твоей карьере? — Когда я посмотрел на нее, ее деланная насмешливая улыбка тут же исчезла.

— Проклятье! — не выдержала она. — Когда я взялась за ум, мне от тебя нужно было только одно — чтобы ты исчез и никогда больше не появлялся мне на глаза. Какую же ошибку я совершила, помешав Таунтону убить тебя!

— Значит, это по твоей указке Ренстед подсунул меня вербовщикам?

— Бездарная работа! Но ради бога, скажи, что ты здесь делаешь? Что означают твои дикие

выходки? Почему ты не можешь оставить меня в покое? — Она уже кричала.

Кэти — «конс». Ренстед — «конс». Они сами решают, что лучше для бедняги Митча, и, не задумываясь, действуют. Таунтон тоже лезет решать мою судьбу. Двигают меня, как пешку, по шахматной доске.

— Шахматная королева,— отчеканил я и, подойдя к Кэти, вдруг залепил ей пощечину. Настороженность в ее взгляде исчезла, теперь в нем было просто удивление.

— Ну-ка, зови сюда этого, который вышел.

— Митч! Что ты собираешься делать? — Теперь она больше походила на прежнюю Кэти.

— Я сказал тебе, зови его.

— Ты не смеешь мне приказывать...

— Эй, ты! — заорал я.— Чертов колдун!

Он вбежал в комнату и наткнулся на мой кулак. Удар сбил его с ног. Когда я начал обыскивать его, Кэти, как дикая кошка, бросилась на меня сзади. Я извлек из кармана астролога револьвер и оттолкнул Кэти — она упала и с удивлением смотрела на меня, потирая ушибленное бедро.

— А ты, однако... большой мерзавец,— удивленно произнесла она.

— Тут станешь кем угодно,— согласился я.— Шокен знает, что ты на Луне?

— Нет,— она потеряла большой палец об указательный.

— Опять лжешь.

— Мой маленький правдолюб,— издевательски протянула она.— Мой маленький рекламный чародей и пожиратель огня...

— Советую разговаривать повежливей, не то получишь вот этой штукой по физиономии.

— Боже мой, ты действительно на это способен.— Она прикрыла лицо рукой, с опаской поглядывая на револьвер.

— Рад, что ты это поняла. Еще раз спрашиваю — Фаулер Шокен знает, что ты на Луне?

— Как сказать,— она продолжала коситься на револьвер.— Он действительно посоветовал мне совершить эту поездку, чтобы забыть о тяжелой утрате.

— Позвони ему и пригласи сюда.

Она не ответила и даже не пошевелинулась.

— Слушай,— разозлился я.— Это говорит Гроуби. Тот самый Гроуби, в которого стреляли, на которого бросались с ножом, которого обворовывали и похищали. У него в мире был единственный друг, и того отравили на его глазах несколько часов назад. С ним пыталась позависать садистка, которая неплохо знала анатомию. Он убил ее и не жалеет об этом. Он попал в лапы к «Хлорелле», да так, что ему не выбраться оттуда. Его обвиняют в убийстве и саботаже. Женщина, которую он считал своей любимой,— лгунья, фанатичка и дрянь. Гроуби терять нечего. Могу выйти на улицу, отдать себя в руки полиции и рассказать все, что знаю. Они не поверят мне, но все же займутся расследованием. Рано или поздно, но подтверждение они получат. Пусть в это время я уже буду казнен. Это не имеет значения. Мне терять нечего.

— А что ты от этого выиграешь? — спокойно спросила она.

— Хватит упрямиться. Звони Шокену.

— Только после того, как сделаю еще одну

попытку, Митч. Одно твое слово особенно больно задело меня. Ты назвал меня «фанатичкой». Да, я уговорила Ренстеда подсунуть тебя вербовщикам. Во-первых, потому что хотела спрятать тебя подальше от наемных убийц Таунтона. А во-вторых, хотела, чтобы ты узнал жизнь простого человека. Я думала... Не знаю, что я думала... Считала, что ты увидишь, сколько вокруг несправедливости. Это трудно заметить, живя среди избранных. Легче увидеть снизу, на дне жизни. Я думала, что потом, когда ты вернешься, мы с тобой найдем общий язык и будем работать вместе ради единственной настоящей цели. Но этого не получилось. О, все это твой проклятый ум, такой блестящий и такой извращенный! Сейчас тебе хочется только одного — снова попасть в число избранных, есть, пить и спать лучше других. Как жаль, что ты не фанатик, а все тот же прежний Митч. Ну вот, я сделала еще одну попытку.

А теперь можешь поступить так, как считаешь нужным. Не беспокойся, что этим причинишь мне горе. Хуже не будет, чем тогда, когда мы ночи напролет кричали друг на друга. Или когда я уходила по заданиям «консов» и не могла тебе об этом сказать, хотя и видела, как ты ревнуешь. Или когда отправила тебя на плантации «Хлорелла», надеясь превратить работника рекламы в нормального человека. Или когда, любя тебя, не могла полностью принадлежать тебе, потому что между нами лежала тайна. Мне было очень больно. И удар револьвером — ничто по сравнению с этой болью.

Наступила пауза, которая, казалось, длилась вечность.

— Позвони Шокену,— неуверенно сказал я.— Попроси его прийти сюда. Затем уходи и прихвати с собой этого звездочета. Еще не знаю, что я скажу Шокену. Но даю тебе и твоим друзьям два дня на то, чтобы вы переменили штаб-квартиру, условные знаки и всю вашу остальную идиотскую ерунду. Позвони Шокену и убирайся отсюда. Больше не хочу тебя видеть. Никогда.

Мне не удалось уловить выражение ее лица, когда она взяла трубку и набрала номер.

— Пожалуйста, третьего секретаря мистера Шокена. Говорит доктор Нэвин, вдова мистера Кортнея. Мое имя есть в списке, если не ошибаюсь. Благодарю вас. Второго секретаря мистера Шокена, пожалуйста. Говорит доктор Нэвин, вдова мистера Кортнея. Могу я поговорить с личным секретарем мистера Шокена? Мое имя есть в списке... благодарю... Хелло, мисс Грайс. Это доктор Нэвин. Могу я поговорить с мистером Шокеном? Конечно... благодарю вас.— Она повернулась ко мне:

— Придется чуть-чуть подождать.— Несколько секунд мы молчали. Наконец она произнесла:

— Хелло, мистер Шокен!.. Хорошо, благодарю вас. Не могли бы мы встретиться и поговорить по важному делу. Служебному и... личному... Чем скорее, тем лучше, я думаю. Первая улица Магазинов, д-р Астрон... Нет, нет... Просто удобное место для встречи. Благодарю вас, мистер Шокен.

Я выхватил у нее из рук трубку и услышал голос Фаулера Шокена: «Хорошо, дорогая. Тайны интригуют. До скорой встречи».— Кэти была достаточно умна и могла бы инсценировать

разговор по телефону, но это действительно был голос Шокена. В моей памяти всплыли утренние часы на заседаниях правления, блестящие доклады, напряженная, но приносящая удовлетворение работа и возглас: «Хорошо потрудились!», служивший ориентиром на трудном пути. От тоски по привычному легонько защемило сердце. Словно я вернулся домой.

Кэти кое-как привела в чувство звездочета, и, не сказав больше ни слова, они покинули обсерваторию. Дверь захлопнулась.

Ну и черт с ними...

Через несколько минут я услышал жизнерадостный голос Шокена:

— Кэти! Эй, есть тут кто-нибудь?

— Войдите! — крикнул я.

Вошли сначала двое телохранителей Фаулера Шокена, а затем и он сам. Его лицо тут же покрылось красными пятнами. — Где же?.. — начал он. А затем: — Вы похожи на... Ты, Митч! — Он схватил меня в объятия и весело провальсировал со мной по комнате; телохранители остоленели от изумления.

— Ну и шутку ты сыграл со стариком! В чем дело, мальчик? Где Кэти? — Он замолчал, отдуваясь, хотя на Луне и очень легко танцевать.

— Я выполнял секретное задание, — ответил я. — Боюсь, что попал в беду. Нельзя ли усилить охрану? Нам, видимо, предстоит стычка с ребятами Бернса.

Парни Шокена, работающие от агентства «Бринк», самодовольно заулыбались. Чувство профессиональной гордости было у них на высоте.

— Конечно, Митч. А ну-ка, организуй! —

кивнул Шокен лейтенанту, и тот с готовностью бросился к телефону.— Теперь рассказывай, в чем дело.

— Предположим, это была деловая поездка, которая не удалась,— начал я.— Предположим, я не оправдал надежд и не смог заинтересовать потребителя Венерой. Временно потерпел неудачу. Но, пожалуйста, Фаулер, не надо вникать в детали. Я попал в беду, голоден, устал, напуган и чертовски нуждаюсь в горячей ванне.

— Ладно, Митч. Ты знаешь мое правило. Найди хорошего коня, корми и пой его вволю и выжми из него все, что можешь. Ты никогда не подводил меня, и, видит бог, я рад, что ты здесь. В Отделе Венеры для тебя найдется работа. Там все пошло вкривь и вкось. Акции упали до 3.77, в то время как они должны были подняться до четырех и больше. А общий оборот? И говорить не хочется! Ты знаешь, я прибыл сюда за пополнением. Небольшой набег на лунные разработки компании Луна-Сити и прочее. Нужны администраторы, разбирающиеся в космических делах.

Хорошо было снова очутиться дома.

— Кто теперь возглавляет Отдел Венеры? — поинтересовался я.

— Пришлось взяться самому,— ответил Шокен.— Пробовал поочередно поручать это дело то одному, то другому члену правления, но без толку. Вот я и занялся этим сам, хоть у меня других дел по горло. А ты еще спрашиваешь, рад ли я тебя видеть.

— А Ренстед?

— Замещает меня, бедняга. Что у тебя за неприятности с полицией? А где Кэти?

— Пожалуйста, об этом потом... На Земле меня обвиняют в саботаже и убийстве женщины. Здесь — я подозрительная личность. К тому же оказал сопротивление при аресте, стукнул полицейского его же дубинкой и нанес ущерб имуществу Луна-Сити.

Шокен нахмурился.— Мне не нравится слово «саботаж». Надеюсь, в контракте найдется какая-нибудь неточность?

— Даже несколько,— заверил его я.

Он повеселел.— Тогда уплатим неустойку и будем оспаривать обвинение в саботаже, даже если вопрос передадут в Торговую палату. Какая фирма?

— «Хлорелла», отделение в Коста-Рике.

— Гм... фирма второго сорта, но солидная. Прекрасные там люди. Все до одного. С ними приятно иметь дело.

«Только когда не работаешь на них»,— подумал я, но промолчал.

— Уверен, что они будут вести себя разумно. Если же заартачатся, то большинство акций все равно у меня в кармане. Должен же я защищать своих подчиненных? — Фаулер легонько ткнул меня пальцем под ребро. Он был рад, что наконец мог снять с себя заботы о проекте «Венера».

Ввалился десяток молодых из агентства «Бринк». Теперь их было достаточно. Фаулер Шокен сиял.

— Лейтенант, люди из агентства Бернса могут попытаться силой увести отсюда мистера Кортнея. Ведь мы не допустим этого, верно?

— Так точно, сэр,— с бравым видом подтвердил лейтенант.

— Тогда пошли.

Вспугнув случайных прохожих, мы прошли по Первой улице Магазинов, которая вывела нас на Первую Жилую улицу, потом на Вторую и Третью, а затем мы вышли на Первую Торговую.

— Эй, ты! — окликнул меня случайно встретившийся нам патрульный из агентства Бернса. Мы шли беспорядочной группой, и, очевидно, он не сразу сообразил, что парни Бринка охраняют меня. Мои фотографии, видно, уже были розданы всем полицейским на Луне.

— Иди, иди играй в свои игрушки, — накинулся на него наш лейтенант.

Патрульный побледнел, однако, прежде чем свалился под градом ударов, успел дать сигнал тревоги.

По улице-туннелю, нелепо вскидывая ноги, бежали его товарищи. В дверных проемах показались лица любопытных. Наш лейтенант дал команду. Его подчиненные приготовились пустить в ход дубинки, рукоятки револьверов, пояса от униформ и собственные ноги.

Щелк! Щелк! И вот уже установлены на треногах пулеметы, готовые прошить всю улицу насквозь. Наши противники остановились в нескольких шагах от нас, нерешительно вертя в руках дубинки.

— В чем дело, джентльмены? — поинтересовался лейтенант.

— Этого человека зовут Джордж Гроуби?

— Разве вы Джордж Гроуби? — обратился ко мне лейтенант.

— Нет, меня зовут Митчел Кортней.

— Вы слышали, что он сказал! — крикнул им лейтенант. По его сигналу были наведены пуле-

меты. Гулко прозвучали два выстрела, последние любопытные исчезли, захлопнув двери.

— О, тогда все в порядке,— неуверенно протянул начальник патруля.— Можете идти.— Он повернулся к своим.— Ну? Чего вы ждете, болваны? Вы что, оглохли? — Они ретировались, а мы пошли дальше по Первой Торговой улице; наши ребята держали пулеметы наготове. Филиал фирмы «Фаулер Шокен» в Луна-Сити находился в доме № 75. Мы вошли посвистывая. Пулеметы были установлены в вестибюле.

Все происходило словно в фантастическом представлении. Такого мне еще не доводилось видеть. Потом, когда Шокен провел меня в административную часть лунного филиала своей фирмы, он мне объяснил:

— Здесь как на заре колонизации Америки, Митч.— Хорошо бы отразить это в рекламе. Своего рода равноправие. На Луне пост, занимаемый человеком, ничего не значит. Взвод хорошо обученных вооруженных людей — вот кто устанавливает здесь законы. Общество возвращается к первобытному состоянию, и человек здесь — простой смертный, независимо от того, какой там у него номер свидетельства благонадежности.

Мы прошли мимо какой-то двери.— Комната О'Ши,— показал Шокен.— Его, конечно, нет. Малыш срывает бутоны, пока еще есть возможность. Но скоро это кончится. Единственный человек, побывавший на Венере! Скоро мы отнимем у него эту славу, не так ли, Митч?

Мы вошли в крохотную кабинку, и Шокен собственноручно опустил для меня откидную постель.

— Разберись вот,— сказал он и вытащил из

нагрудного кармана пачку бумаг.— Это только сырые наброски, над которыми надо поработать. Я пришлю тебе поесть и Кофиеста. Поработаешь пару часиков, а там можешь и вздремнуть, а?

— Согласен, мистер Шокен.

Довольно улыбаясь, он ушел, задернув за собой портьеру. Я обалдело уставился на эти «наброски».

«Буклет в шесть красок. Не упоминать прежние неудачи. Рассказать о Лероде (1959), Холдене (1961), Макгилле (2002) и других героич. жертв. первооткрывателях... Ни слова о Мейерсе и Уайте (2010), чей корабль взорв. при вых. на орбиту. Попробовать изъять материалы о М. и У. из арх., подшив. и кн. по истории. Подсчитать примерно, во что это может обойтись. Разыск. в архв. фотогр. Лерода, Холдена и Макгилла. Подобрать, чтобы были блондин, брюнет, рыжий. Крупн. планом на фоне косм. кораблей, снимок готов. к полету ракеты. Умоляющ. взгл. женщины, но герои думают о космосе. Подробн. личн. жизни не известн.»

В кабине были предусмотрительно оставлены карандаш и бумага. Я сел и начал писать: «Мы были обыкновенными парнями. Любили Землю и все земные блага, утренний глоток Кофиеста, первую затяжку сигаретой «Старр», жестковатую материю нового костюма фирмы «Старзелиус», ласковую улыбку девушки в ярком весеннем наряде, но этого нам было мало. Нас тянуло в дальние страны, к неизведанным мирам. Коротышка — это Лерод, год 1959-й. А это я — Холден, 1961-й, рыжий с широкими плечами — это Макгилл, год 2002-й. Да, нас нет уже в жи-

вых. Но мы видели далекие миры и, прежде чем умереть, узнали то, что хотели узнать. Не надо нас жалеть. Мы пошли на это ради вас. Длинноволосые астрономы могли только строить догадки о Венере.— Ядовитые газы в атмосфере,— пугали они. Ветры такие горячие, что волосы тлеют на голове, и такой силы, что могут поднять человека в воздух. Но это были догадки, а не уверенность. А что делаете вы, если в чем-то не уверены? Стараетесь увидеть все собственными глазами...»

Вошел дежурный с бутербродами и Кофеистом. Одной рукой я засовывал в рот бутерброды, а другой писал:

«По тем временам у нас были хорошие воздушные корабли. Нас снарядили и обеспечили горючим для полета на Венеру. Не было только одного — горючего на обратный путь. Но не надо нас жалеть. Наша цель была — разведать. Могли же длинноволосые ошибаться,— а вдруг мы, выбравшись из корабля, вдохнули бы чистый воздух, искупались в ледяной воде, а затем, раздобыв горючее, пустились в обратный путь и вернулись бы с добрыми вестями. Но вышло так, как предсказывали длинноволосые. Лерод не стал ждать голодной смерти в своей ракете,— закончив запись в судовом журнале, он открыл люк и вдохнул метан. Моя ракета была легче, ветер подхватил ее и разнес на куски. У Макгилла оставались запасы продовольствия, и ракета его была потяжелее. Неделю он сидел и писал, а потом... Он прихватил с собой цианистый калий. Но не жалеете о нас. Мы были Там, мы видели Ее и переслали вам сведения обо всем, что нужно. Теперь вы, люди, знаете, что и как де-

лать. Знаете, что длинноволосые не ошибались. Венера — коварная дама, и чтобы завоевать ее, нужны знания и сноровка. Только тогда она отнесется к вам благосклонно. Если вы найдете нас и наши ракеты, не жалейте о нас. Мы сделали это для вас. Мы знали, что вы не подведете».

Я снова был в родной стихии.

— Ф аулер, — взмолился я, — только не сегодня. Давайте отложим до завтра.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ладно, Митч, хотя я не из тех, что отступают. — Проявилось еще одно из качеств, благодаря которому он стал боссом: Шокен начисто поборол сжигавшее его любопытство и не расспрашивал, где я был и что со мной произошло. — Хорошая работа, — сказал он, бросив на свой стол листки, исписанные мною предыдущей ночью. — Не просмотреть ли тебе это вместе с О'Ши? Он, как никто, сумеет придать им нужный колорит и достоверность. Да, чуть не забыл, укладывай вещи — полетишь обратно на «Вильфредо Парето». Хотя тебе ведь нечего укладывать. Вот деньги, выдастся свободная минутка, купи все необходимое. Прихвати с собой парней из охраны. Помнишь насчет «равноправия»? — И он лукаво подмигнул.

Я нашел О'Ши в соседней кабине — он свернулся, как кошка, клубочком, на большой, не по росту, койке. Джек повернулся и уставился на меня тусклым взглядом. Вид у него был ужасный.

— Митч? — произнес он осипшим голосом. — О, господи, опять эти кошмары.

— Джек, — я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более убедительно. — Проснись, Джек.

Он вскочил и сел на койке. — Что за чертовщина! Неужели это ты, Митч? Да-да, припоминаю,

кто-то говорил мне о тебе, когда я утром вернулся домой.— Он старался держать прямо свою маленькую головку.— Ох, умираю,— вдруг произнес он страдальческим голосом.— Достань мне чего-нибудь выпить, а? Выслушай мое предсмертное слово — никогда не становись героем. Ты для этого слишком хороший парень...

Джек, казалось, снова впал в оцепенение.

Я пошел в кухню и взял чашку Кофиеста, ломоть хлеба и стакан минеральной воды, но на обратном пути вернулся и зашел в бар за рюмкой виски.

О'Ши посмотрел на поднос и икнул.— Это что еще за дрянь? — спросил он слабым голосом, имея в виду Кофиест, хлеб и минеральную воду. Одним глотком Джек осушил рюмку виски; его передернуло.

— Давненько не виделись, Джек,— снова начал я.

— Ох-ох,— стонал он.— Ты принес как раз то, что нужно. Почему в ваших рекламах чертовски брешут о похмелье? — Он попытался встать, но тут же снова рухнул на койку.

— Спину ломит,— пожаловался он.— В монастырь уйти, что ли? Приходится так жить, положение обязывает. Это медленно, но верно убивает меня. О... проклятая туристка из Новой Скотии. Ведь сейчас весна? Ты думаешь, этим все объясняется? А может, у нее эскимосская кровь.

— Сейчас поздняя осень,— сказал я.

— Вот как! Тогда, может, у нее нет календаря... Дай-ка мне Кофиест.

И никаких «спасибо» или «пожалуйста». Он привык к тому, чтобы по его первому требова-

нию весь мир был у его ног. Да, Джек здорово изменился.

— Джек, ты мог бы поработать со мной сегодня? — спросил я уже без всякого энтузиазма.

— Мог бы, — равнодушно произнес он. — В конце концов Шокен мне платит. Но черт возьми, что же с тобой все-таки приключилось?

— Проводил кое-какие изыскания, — уклончиво ответил я.

— А Кэти ты видел? Чудесная у тебя женашка, Митч. — Его улыбка пришлась мне не по вкусу. Она могла означать воспоминания.

— Рад, что она тебе нравится, — процедил я сквозь зубы. — Заходи, будем рады.

Он сплюнул в чашку с Кофиестом, аккуратно поставил ее на стол и спросил:

— Ты о какой работе говоришь?

Я показал ему мои наброски. Большими глотками он выпил стакан минеральной воды и, постепенно приходя в себя, начал читать.

— Все тут переврал, — наконец недовольно сказал он. — Не знаю я никакого Лерода, Холдена или Макгилла, и черта с два были они самоотверженными исследователями. К Венере не *«притягивает»*, к ней *«приталкивает»*. — Он сидел с мрачным видом, поджав под себя ноги.

— Мы предполагаем, что их притянуло, — терпеливо пояснил я. — Если хочешь, мы попытаемся убедить в этом читателя. Здесь надо бы оживить рассказ твоими личными впечатлениями. Как ты на это смотришь?

— Меня с этого воротит, — произнес Джек равнодушно. — Митч, закажи-ка мне душ, а? Десять минут из пресной воды, погорячей. Черт с ней, с ценой. Ты тоже можешь стать знаменито-

стью. Нужно только, чтоб тебе повезло, как мне.— Он свесил с койки короткие ножки и стал сосредоточенно разглядывать собственные ступни.— Что ж,— вздохнул он,— живи пока живется.

— Так как же насчет статьи? — спросил я.

— Поищи мои отчеты,— небрежно ответил он.— А как там насчет души?

— Поищи себе лакея,— в тон ему ответил я и вышел, вконец взбешенный.

В своей кабине я часа два потел, вставляя в статью «впечатления очевидца», а потом, прихватив охрану, отправился делать покупки. Стычек с патрульными на этот раз не произошло. В витрине обсерватории Астрона я увидел объявление: «Доктор Астрон сожалеет о том, что неотложные дела потребовали его срочного возвращения на Землю».

Я поинтересовался, улетела ли ракета «Рикардо» на Землю.

— Два часа назад,— ответил один из моих провожатых.— Завтра отлетает «Парето».

Итак, теперь я уже мог говорить.

Я рассказал Фаулеру Шокену все.

И он не поверил ни единому слову.

Однако он держался достаточно тактично, стараясь не обидеть меня.

— Никто не упрекает тебя, Митч,— мягко сказал он.— Тебе много пришлось вынести. Все мы иногда восстаем против действительности. Но у тебя есть друзья, мой мальчик. Они помогут тебе. Бывают минуты, когда каждый из нас нуждается в помощи. Мой психиатр...

Боюсь, что я закричал на него.

— Ну, ладно, ладно, — произнес он все так же мягко и понимающе. — Время у нас есть. Правда, профанам нечего соваться в эту тонкую область, но, мне кажется, я кое-что в этом смысле и постараюсь объяснить тебе...

— Объясните лучше вот это! — заорал я, сунув ему под нос подделанный номер моего свидетельства благонадежности.

— Хорошо, объясню, — он оставался спокойным. — Это еще одно доказательство твоего короткого... ну, если хочешь, бегства от действительности. У тебя был психический шок. Ты бежал от самого себя, возомнил себя другим человеком и выбрал жизнь, диаметрально противоположную той, которую вел талантливый и прилежный работник рекламы. Ты выбрал легкую и беззаботную жизнь черпальщика, загорающего под солнцем тропиков...

Выслушав все это, я уже не сомневался в том, кто из нас на самом деле далек от действительности.

— Твою чудовищную клевету на Таунтона поймет всякий, кто мало-мальски разбирается в природе наших подсознательных мотивов. Я рад, что ты высказался. Значит, опять входишь в норму. Какова наша главная задача, главная задача Митчела Кортнея, работника рекламы? Бить противника, подрывать конкурирующие фирмы изнутри, уничтожать их. Твои выдумки о Таунтоне говорят понимающему человеку о том, что ты рвешься стать прежним Митчелом Кортнеем, работником рекламы. Выраженные в символах, окутанные таинственностью подсознательного, эти небылицы о Таунтоне тем не менее по-

няты. А встречу с девицей по имени Хеди ты позаимствовал из детективной литературы.

— Черт побери! — не выдержал я. — Да взгляните на мою челюсть! Видите эту дырку? Рана все еще болит.

Он только улыбнулся:

— Хорошо, что ты не причинил себе большего вреда, Митч.

— А Кэти? — хрипло спросил я. — А те сведения о «консах», которые я вам передал? Условные знаки, пароли, приветствия, явки?

— Митч, — произнес он искренне. — Я тебе уже говорил, что не намерен забираться в дебри психоанализа, но все это твоя фантазия. Из ревности — это тоже результат раздвоения твоей личности на Гроуби — Кортнея — ты отождествил свою жену с этими чудовищами — «консами». «Гроуби» тщательно подтасовывает факты, чтобы его сведения о «консах» нельзя было ни проверить, ни опровергнуть. «Гроуби» устраивает так, чтобы твое настоящее «я» молчало об этих «фактах» до тех пор, пока «консы» не сменяют пароль, явку и прочее. «Гроуби» действует из чувства самосохранения. «Кортней» должен вернуться, и «Гроуби» это знает. Он чувствует, что его «вытесняют», и тогда решает дождаться удобного момента. «Гроуби» подстраивает все так, чтобы еще вернуться...

— Я не сумасшедший!

— Мой психиатр...

— Вы должны верить мне!

— Борьба подсознательного...

— Говорю вам, Таунтон нанимает убийц!

— Знаешь, Митч, когда я окончательно убедился в том, что ты нездоров?

— Ну? — с горечью спросил я.

— Когда ты сочинил, будто на ячейке «консов» сидела Малая Наседка. Этот символ... — он даже слегка смутился, и щеки его порозовели. — Мне стало совершенно ясно...

Больше я не стал спорить и только в одном решил не уступать: — Мистер Шокен, говорят, что лучше не перечить сумасшедшим?

— Ты не сумасшедший, мой мальчик. Тебе просто нужна помощь, как и многим...

— Выразусь яснее. Вы исполните одну мою прихоть?

— Разумеется, — снисходительно улыбнулся он.

— Обеспечьте охрану себе и мне. Таунтон нанимает убийц. Я ли так думаю, или «Гроуби», или сам дьявол, — неважно, но повторяю, Таунтон нанимает убийц. Если вы согласитесь обеспечить охрану, я обещаю, что не буду, как вы говорите, валять дурака и даже пойду к вашему психиатру.

— Ладно, — улыбнулся он, явно потешаясь надо мной.

Бедняга Фаулер. Можно ли винить его? Ведь каждое мое слово было ударом по воображаемому миру, в котором он жил. То, что я говорил, звучало как анафема богу Торговли. Фаулер не мог этого допустить и не представлял, что мое настоящее «я» верит тому, что я говорю. Не мог же, на самом деле, Митчел Кортней, рекламный работник высшей категории, утверждать, что:

у тех, кто потребляет, и у тех, кто производит, интересы диаметрально противоположны,

большая часть населения мира глубоко несчастна,

рабочему человеку не так-то просто найти подходящую работу,

предприниматели ведут нечестную игру, всячески нарушая законы,

«консы» — вполне нормальные, разумные люди и имеют хорошую организацию.

Все это прозвучало для Фаулера как гром с ясного неба. Но Шокен умел быстро восстанавливать свое душевное равновесие. В конце концов всему можно найти объяснение, а бог Торговли непогрешим. Поэтому совсем не Митчел Кортней, работник рекламы, говорит все это, а его злой, еще не отступивший двойник, чертов «Джордж Гроуби» или еще кто-то, только не Митч Кортней.

И, как человек, действительно страдающий раздвоением личности, что наверняка привело бы в восторг Фаулера и его психиатра, я сказал себе: «Слушай, Митч, а ты и вправду говоришь, как истый «конс». И тут же мое второе «я» ответило: «Но я и есть «конс». Вот так номер!»

«Ладно,— продолжался этот внутренний диалог,— что я об этом знаю? Возможно, это действительно так...»

«Да,— заключило мое второе «я» после некоторого раздумья.— Вполне возможно...»

В нашей профессии существует такой прием — если хочешь что-нибудь выделить, создай контрастирующий фон. Сейчас, к примеру, таким фоном стали для меня взгляды Фаулера Шокена и его отношение к действительности.

«Ладно, Шокен, можешь смеяться, сколько хочешь,— думал я.— Только дай мне охрану. Мне совсем не хочется снова встретиться с таким «плодом моей фантазии», как милейшая Хеди».

Когда мы с Фаулером, Джеком О'Ши, секретарями и нашей вооруженной охраной прибыли в здание фирмы «Шокен», Ренстеда не оказалось на месте.

Его секретарша сообщила, что он где-то на нижних этажах, и мы решили подождать. Прошел час, и я высказал предположение, что он вообще не придет. А еще через час нам сообщили, что в правом крыле здания на нижнем этаже найдено чье-то тело. Оно было настолько изуродовано, что опознать его не удалось.

Секретарша, истерически всхлипывая, открыла сейф и стол Ренстеда. Здесь мы и обнаружили его дневник с записями, сделанными в последние месяцы жизни.

Вперемежку со служебными заметками, набросками планов предстоящих кампаний, адресами любовниц и изысканных ресторанов были следующие записи:

«Вчера он опять приходил. Говорил, что публику надо стараться огорошить. Он пугает меня... говорит, что фирме «Старзелиус» нужны смелые и сообразительные люди... Боюсь его до смерти. Он и при жизни наводил на всех страх...

Вчера Г.В.Х. приходил снова... Я впервые увидел его при дневном свете. Я вскочил и закричал, но никто, кроме меня, его не заметил. Ну что ему нужно от меня?.. Сегодня его зубы показались мне еще острее и длинней. Мне нужна помощь... Он сказал, что я никуда не гоюсь, что я позорю нашу профессию...»

Вскоре мы убедились, что Ренстеда тревожила гень Георга Вашингтона Хилла, основоположника нашей профессии, создателя музыкальной рекламы, теоретика шоковой рекламы и бог знает, чего еще.

— Бедняга,— вздохнул побледневший Шокен.— Несчастный парень. Если бы я только знал. Почему он вовремя не обратился ко мне?

Последняя запись гласила: «...сказал мне, что я никуда не гожусь. Это мне и самому известно. Позорю нашу профессию. Все это знают... Читаю это на их лицах. Он сказал им. Будь он проклят... Он и его зубы... проклят!»

— Ах, бедняга, бедняга...— Шокен чуть не плакал. Он повернулся ко мне:

— Видишь, как нелегко служить нашему делу?

Как уж тут не видеть. Сфабрикованный заранее дневник, безобразное месиво вместо трупа. С таким же успехом там, внизу, мог бы лежать семидесятикилограммовый кусок Малой Наседки. Но напрасно говорить это Шокену. В душе посмеиваясь над ним, я печально кивнул головой.

Я вновь вернулся к руководящей работе в Отделе Венеры и ежедневно посещал личного психиатра Фаулера, но ни на шаг не отпускал от себя вооруженных телохранителей.

Проводя со мной душеспасительные беседы, старик Шокен то и дело говорил:

— Пора бы тебе отказаться от глупой выдумки. Пожалуй, эта охрана — теперь единственное, что стоит между тобой и действительностью, Митч. Доктор Лоулер сказал мне...

А доктор Лоулер лишь повторял Фаулеру Шо-

келу то, что говорил ему я. В этом и заключался медленный процесс моего «выздоровления». Я нанял студента-медика, которому поручил задним числом разработать все симптомы моего психического заболевания, исходя из предположения, что психоз начался в бытность мою потребителем. И он не замедлил подобрать мне то, что нужно. Часть из симптомов я забраковал как унижающие мое достоинство. Тем не менее их осталось достаточно, чтобы каждый раз доктор Лоулер ронял от удивления карандаш. Мы откапывали их один за другим; трудно себе представить более нудное занятие.

Не уступал я в одном — по-прежнему утверждал, что моя жизнь и жизнь Фаулера Шокена находится в опасности.

Как я и предполагал, мы с Шокеном сходились все ближе и ближе. Он считал, что нашел во мне своего верного последователя. Мне же было стыдно разочаровывать его — ведь он так хорошо относился ко мне. Но поскольку речь шла о жизни и смерти, все остальное уже не имело для меня значения.

Наконец наступил день, когда Фаулер Шокен мягко сказал мне:

— Митч, хватит с нас героических мер. Я не прошу тебя лично обходиться без барьера, которым ты отгородился от действительности, что же касается меня, свою охрану я намерен снять.

— Они убьют вас, Фаулер! — крикнул я в отчаянии. Он только покачал головой: — Увидишь, все будет хорошо. Мне нечего бояться.

Спорить было бесполезно. Не слушая меня больше, Фаулер вызвал командира своей охраны.

— Вы мне больше не нужны. Возвращайтесь с вашими людьми к начальству за новым назначением. Благодарю за хорошую службу.

Лейтенант отдал честь, однако ни он, ни его люди не были обрадованы. Вместо легкой службы у Шокена им, чего доброго, придется выполнять обязанности часовых в коридорах сената или ночного патруля или же сопровождать почту и курьеров в ночное время.

Они ушли. Я понял, что часы Шокена сочтены.

В эту же ночь по дороге домой он был задушен. Убийца застрелил его шофера и сам сел за руль шокеновского «кадиллака». Преступника удалось схватить, но он оказал сопротивление при аресте, и полиция забила его насмерть дубинками. Оpoznать труп было невозможно, ибо его номер на запястье оказался срезанным.

Можно себе представить, что творилось на следующий день в конторе. Траурное заседание членов правления приняло резолюцию, в которой говорилось, что это грязное убийство — позор для нашей великой профессии, что мы никогда этого не забудем и не простим и все такое прочее, как и полагается в таких случаях. От многих фирм, в том числе и от Таунтона, были получены телеграммы с выражением соболезнования. Присутствующие с удивлением посмотрели на меня, когда, скомкав телеграмму Таунтона, я грубо выругался.

Теперь мысли членов правления были заняты одним — пакетом акций фирмы «Шокен». Фаулер скупал акции через подставных лиц, а на свое имя приобрел их весьма незначительное количество. Как служащий высшей категории, я тоже владел некоторым количеством акций, но

самым солидным держателем акций был, бесспорно, Гарвей Бренер, старейший партнер Фаулера. По количеству акций, которыми он официально владел, Бренер формально имел, пожалуй, преимущество даже перед самим шефом. Но он знал, что стоит только заикнуться об этом, как Фаулер выставит против него всех своих подставных акционеров, и тогда ему не сдобровать. К тому же он всегда был предан Шокену.

Он не сомневался, что рано или поздно станет преемником Шокена, а некоторые неосмотрительные сотрудники из Отдела научных изысканий уже заискивали перед ним, сущие идиоты. Но Бренер был совершенно бесталанной личностью, лишенной проблесков инициативы,— просто честная рабочая скотинка. Под его руководством фирма «Шокен» захирела бы через год.

Вздумай я сам играть, непременно поставил бы на Силлери из Отдела массовых средств. Многие придерживались того же мнения, кроме, пожалуй, самоуверенного и недалекого Бренера и еще нескольких глупцов. Вокруг Силлери уже вертелась свита подхалимов, которые, без сомнения, помнили слова Фаулера: «Массовые средства рекламы — это основа основ, джентльмены. От работника этого отдела требуется смекалка». Я чувствовал себя прокаженным на своем конце стола; моя охрана молча наблюдала за происходящим.

Силлери только раз взглянул на моих телохранителей, но в его глазах я прочел все, как в открытой книге: «Слишком долго тянется канитель. Первое, что мы сделаем,— покончим с этими барскими замашками».

Наконец началось то, чего мы все с нетерпением ожидали.

Прибыли представители Американской арбитражной ассоциации и Секции утверждения завещаний.

Как и положено, физиономии у них были похоронные. То ли многолетняя закалка, то ли полное отсутствие чувства юмора позволили им сохранить скорбный вид даже во время краткой приветственной речи Силлери, в которой он упомянул о печальном долге, приведшем их сюда; и о нашем желании встретиться с ними еще раз при более счастливых обстоятельствах.

Скороговоркой пробубнили текст завещания и роздали копии присутствующим. Первое, что мне бросилось в глаза, были слова: «Моему дорогому другу и соратнику Митчелу Кортнею я завещаю дубовое кольцо с инкрустацией из слоновой кости (инвентарный номер 56 987) и семьдесят пять акций основного попечительского капитала Института распространения психоаналитических знаний при условии, что все свое свободное время он посвятит активному участию в этой организации и дальнейшему ее процветанию».

«Ну, Митч,— сказал я себе,— твоя песенка спета». Швырнув завещание на стол, я откинулся на спинку стула, мысленно стараясь представить размеры своего состояния.

— Плохие для вас вести, мистер Кортней,— храбро и сочувствующе обратился ко мне сотрудник Отдела научных изысканий, которого я едва знал.— Но мистер Силлери, кажется, весьма доволен.

Я взглянул на параграф первый, касавшийся

Силлери. Еще бы, ему достались все личные акции Шокена и львиная доля капиталовложений синдиката «Мэнэджериял инвестмент», Корпорации страховых компаний и еще двух других объединений.

Мой сосед стал внимательно изучать копию завещания.— Простите, что вмешиваюсь, м-р Кортней,— заметил он,— но старик мог бы обойтись с вами получше. Я немного знаком с областью психоанализа, но о таком институте что-то не слыхал.

Мне почудилось, что за моей спиной ехидно посмеивается Фаулер. Ах ты старый осел! Это было так похоже на Шокена с его своеобразным чувством юмора.

Силлери откашлялся, и в зале воцарилась тишина.

Великий человек заговорил:

— Джентльмены, мне кажется, здесь слишком много посторонних. Прошу всех, кроме членов правления, покинуть зал...

Я встал.— Готов избавить вас от своего присутствия, Силлери. Пошли, ребята. Но, может, я еще вернусь.— И вышел вместе с охраной.

Нью-йоркское отделение Института распространения психоаналитических знаний, не приносящая прибыли некоммерческая организация разместилась в трех жалких комнатухах где-то в Йонкерсе, деловой части Нью-Йорка. В первой комнате чудаковатая старая дева выстукивала что-то на пишущей машинке. Она словно сошла со страниц романов Диккенса. На покосившейся стойке валялись засиженные мухами брошюры.

— Из фирмы «Фаулер Шокен»,— представился я. Она вскочила.

— Простите, сэр. Я вас не заметила. Как поживает мистер Шокен?

Я рассказал ей, как он «поживает». Она заплакала навзрыд. Мистер Шокен был так добр, так щедр и предан делу. Что же теперь делать ей и ее бедняге брату? — Ах, бедный мистер Шокен! Бедная она! Бедный ее брат!

— Еще не все потеряно,— заметил я.— Кто здесь главный?

Всхлипывая, она сообщила, что ее брат находится в следующей комнате.

— Пожалуйста, скажите ему об этом как можно осторожней. Он такой нервный, такой впечатлительный...

Я сказал, что постараюсь, и прошел в его комнату. Мертвецки пьяный братец храпел, уронив голову на стол. Я с трудом растолкал его, и на меня глянули тусклые, наглые глаза.

— Чег-го т-тебе?

— Я из фирмы «Фаулер Шокен». Мне надо ознакомиться с документацией.

Он энергично затряс головой.— Нет, с-сэр. Н-нет. Только хозяин имеет на это право.

— Он умер. Вот его завещание.— Я показал ему пункт, касавшийся меня, и мое удостоверение личности.

— Ну, что ж... Значит, наша песенка спета. А может, вы оставите нас здесь, мистер Кортней? Ведь он предписывает вам...

— Увидим,— оборвал я его.— Давайте документацию.— Из потайного сейфа, спрятанного за обыкновенной дверью, он извлек конторские книги.

После тщательного трехчасового изучения документов я понял, что институт существовал единственно для того, чтобы держать 56 процентов акций организации, называемой «Генеральная корпорация Ньюарка по регенерации фосфора».

Я вышел в коридор и сказал охране:

— Пошли, ребята. Теперь — в Ньюарк.

Не буду утомлять вас подробностями. Скажу только, что Корпорация в своем развитии претерпела ряд изменений, в результате которых возникли посредническая компания по использованию старых инструментов во Франкфурте, державшая 32 процента акций агентства Фаулера, и Корпорация объединенных концессий, которой совместно с Уокеганским колледжем зубоортопедии принадлежали остальные ценности.

Через две недели в сопровождении охраны я снова явился на заседание правления.

Председательствовал Силлери. Он выглядел утомленным и измученным, словно последние две недели каждую ночь занимался какими-то безуспешными поисками.

— Кортней,— зарычал он,— я думал, ты сам сообразишь, что твоему батальону здесь не место!

Тогда я кивнул честному недалекому старине Гарвею Бренеру, которого уже посвятил во все. Он был предан Шокену, а значит, и мне. Бренер проблеял:

— Господин председатель, я предлагаю разрешить членам правления иметь при себе личную охрану в том количестве, которое им необходимо для обеспечения безопасности.

— Поддерживаю предложение Бренера,— добавил я.— А ну-ка, ребята, тащите сюда чемоданы.— Мои телохранители, ухмыляясь во весь рот, стали втаскивать чемоданы, доверху набитые доверенностями на передачу мне акций пайщиков.

У всех буквально глаза полезли на лоб и раскрылись рты от удивления, когда на столе выросла груда ценных бумаг. Понадобилось немало времени, чтобы пересчитать их и установить, что они подлинные. А потом началось голосование. Все голоса «против» получил Силлери. Воздержавшихся не было. Правление, не раздумывая, переметнулось на мою сторону.

Верный старый Гарвей предложил избрать меня председателем правления. Предложение приняли единогласно. Затем он же предложил Силлери выйти в отставку, а его пай в фирме выкупить и отложить в качестве премиального фонда. Тоже приняли единогласно. Затем — пусть другим будет неповадно! — он предложил понизить в должности и вывести из членов правления некоего Томаса Хитерби, младшего сотрудника Отдела искусств, слишком откровенно выслуживавшегося перед Силлери, и лишить компенсации за его долю акций. Прошло и это предложение. Хитерби не успел и рта раскрыть. Кое-что все же лучше, чем ничего, должно быть, решил он, сдержав ярость.

Итак, свершилось. Я стал полновластным хозяином фирмы «Фаулер Шокен». Но к этому времени я начал презирать все, чему она служила.

— Мистер Кортней, междугородный! — раздался голос моей секретарши. Я нажал кнопку.

— В Олбени по доносу соседей арестован член организации «консов». Соединить вас?

— Черт побери! — не выдержал я. — Сколько раз вам говорить! Конечно, соедините. Какого черта вы сразу не соединили?

Голос ее задрожал:

— Простите, мистер Кортней, я думала, что это так далеко...

— В таком случае вообще не советую вам думать. Закажите мне билет в Олбени.

Возможно, я был чересчур резок с ней, но мне во что бы то ни стало нужно разыскать Кэти, даже если для этого пришлось бы перевернуть вверх дном все ячейки «консов» в стране. Я заставил Кэти уйти в подполье, опасаясь, что могу выдать ее, и теперь мне надо было вернуть ее обратно.

Час спустя я уже сидел в олбенской конторе Агентства по взаимному обеспечению безопасности. Это было местное отделение, работающее по договорам во многих городах. У лифта меня и мою охрану встретил сам директор.

— Такая честь, — бормотал он, — такая большая честь для нас, мистер Кортней. Чем могу служить?

— Вам передавали мою просьбу не допрашивать арестованного, пока я не приеду? Надеюсь, вы так и сделали?

— Конечно, мистер Кортней! Мои сотрудники, возможно, немного потрясли его в рабочем порядке, но он вполне в форме.

— Я хочу его видеть.

Директор агентства с готовностью провел меня к арестованному. Он надеялся заполучить в клиенты фирму «Шокен», но сказать об этом прямо пока не решался.

Арестованный сидел на табурете под ярким прожектором — рядовой потребитель лет тридцати в белом воротничке, лицо разукрашено синяками.

— Выключите прожектор, — приказал я.

Часовой с квадратной челюстью попробовал было возразить:

— Но мы всегда...

Мой телохранитель оттолкнул его и выключил прожектор.

— Ничего, Ломбардо, — торопливо успокоил часового директор. — Ты должен помогать этим джентльменам.

— Стул, — попросил я и, сев перед арестованным, представился: — Меня зовут Кортней. А вас?

Он посмотрел на меня — теперь, когда прожектор выключили, зрачки его глаз снова стали нормальными.

— Филмор, — четко произнес он. — Август Филмор. Не скажете ли, что все это значит?

— Вас подозревают в принадлежности к «консам».

Сотрудники агентства в ужасе ахнули. Ведь я нарушал элементарнейшие правила ведения следствия, сообщая обвиняемому, в чем его вина. Но это мало беспокоило меня.

— Какой абсурд,— Филмор сплюнул.— Я порядочный человек, женат, отец восьмерых детей, жду девятого. Кто мог сказать вам такую ерунду?

— Скажите ему, кто,— обратился я к директору.

Он обалдело уставился на меня, не веря своим ушам.— Мистер Кортней,— наконец пролепетал он,— при всем уважении к вам я не могу взять на себя такую ответственность!.. Это неслыханно! Закон охраняет личность осведомителя...

— Хорошо, ответственность я беру на себя. Могу дать расписку, если хотите.

— Нет, нет, что вы! Пожалуйста, мистер Кортней, я сообщу вам имя осведомителя, учитывая, что вы человек ответственный и знаете законы. Но прошу не называть это имя в моем присутствии. Я сейчас выйду из комнаты, хорошо?

— Как вам угодно, я на все согласен.

Он угодливо улыбнулся и шепнул мне на ухо:

— Это сделала некая миссис Уорли. Ее семья живет в одной комнате с семьей арестованного. Будьте осторожны, мистер Кортней...

— Благодарю,— ответил я.

Директор трусливо опустил глаза и вместе со своими подчиненными поспешно покинул комнату.

— Так вот, Филмор,— обратился я к арестованному,— он говорит, что это сделала миссис Уорли.

Арестованный разразился бранью, но я остановил его.

— Я человек занятый и спешу. Надеюсь, вы понимаете, что ваше дело дрянь. Что писал Фогт о консервации природных ресурсов?

Это имя ровным счетом ничего не говорило ему.

— А кто это? — спросил он равнодушно.

— Неважно. Тогда поговорим о другом. Я богат, и если вы согласитесь помочь мне и сознаетесь, что принадлежите к «консам», могу выплачивать хорошую пенсию вашей семье, пока вы будете отсутствовать.

Он напряженно думал несколько минут и наконец сказал:

— Ну, конечно, я «конс». Что дальше? Прав я или виноват, все равно мне крышка.

— Если вы такой уж закоренелый «конс», может, процитируете что-нибудь из Осборна?

Он понятия не имел об Осборне и начал сочинять.

— У него есть, например, высказывание, которое начинается так: «Первейшей задачей «консов» является подготовка всеобщего протеста против...» Не помню, что там идет дальше.

— Что ж, почти верно, — согласился я. — Теперь расскажите о заседаниях вашей ячейки. Кто в нее входит?

— Не знаю их по именам, — произнес он еще менее уверенно. — Мы значимся под номерами. Один чернявый — он наш главный, а гм-гм...

Это было занятное зрелище. Конечно, я убедился, что он понятия не имеет о полумифических героях «консов» — Фогте и Осборне, чьи книги являются обязательным минимумом для каждого консервациониста.

Мы вышли из комнаты. Уходя, я сказал перетрусившему директору, который все время стоял под дверью:

— Не похоже, чтобы он был «консом».

Я возглавлял фирму «Фаулер Шокен», а он — всего лишь местное захудалое сыскное агентство, но все же я почувствовал, что перегнул палку. Директор выпрямился и с достоинством ответил:

— Мы исполнители законов, мистер Кортней, а закон еще в древности гласил: «Пусть лучше несправедливо пострадает тысяча невинных, чем уйдет от наказания один преступник».

— Это изречение мне известно,— подтвердил я.— До свидания.

Радист принял сигнал и передал трубку. Звонила моя секретарша из конторы и сообщила о новом аресте на мысе Код, в городе Пайл-Сити Третьем.

Мы вылетели в Пайл-Сити Третий. Лететь пришлось над морем во время шторма. Ненавижу это дело — я уже говорил, что подвержен воздушной болезни.

На этот раз арестованный оказался обыкновенным преступником. Он ограбил ювелирную лавку, забрав целый ящик булавок и колец из красного дерева и дуба, и оставил грозную записку насчет «мести» «консов», которые, придет время, рассчитаются со всеми богачами. Явная попытка замести следы.

Он был невероятно глуп.

Город находился под охраной сыщиков из агентства Бернса, и поэтому я очень осторожно побеседовал с их местным начальником. Он признался, что за последний месяц арестовывали только таких «консов», как этот. Вот раньше они чуть ли не каждую неделю раскрывали настоя-

щие ячейки «консов». По его мнению, успех здесь, вероятно, зависел от времени года.

Мы вернулись в Нью-Йорк, где меня ждал еще один арестованный «конс». Я повидался с ним и несколько минут слушал, как он молот вздор. Этот поднатаскался в вопросах теории, знал на память целые страницы из Фогта и Осборна и утверждал, что ему богом предназначено смести всю нечисть с лица матери-земли. Он охотно признался, что состоит в одной из организаций, но скорее умрет, чем выдаст ее тайны. Я понял, что так оно, пожалуй, и будет, потому что он не знал ни одной. «Консы» никогда не доверились бы такому типу, даже если бы в их рядах остались считанные единицы.

К вечеру я вернулся к себе в агентство. Сменилась охрана. Это был отвратительный день, и по результатам он ничем не отличался от всех, что прошли с тех пор, как я стал преемником Фаулера Шокена.

Предстояло еще совещание. Идти никуда не хотелось, но тут я вспомнил, с какой гордостью и доверием передал мне Шокен полномочия, сделав своим наследником, и совесть заговорила во мне. Прежде чем направиться в конференц-зал, я по телефону навел кое-какие справки в Отделе торгового шпионажа.

— Пока ничего нового, сэр,— ответил мой агент.— Никаких сведений о вашей... о докторе Нэвин. Нити, которые вели в Отдел личного состава компании «Хлорелла», оборвались. Прикажете продолжать?

— Продолжайте. Если понадобится усилить наблюдение, не стесняйтесь. Сделайте все возможное.

Он поклялся мне в верности и повесил трубку, очевидно, решив про себя, что его хозяин — старый болван, тоскующий по сбежавшей, к тому же временной, жене. Что он думал о других лицах, которых я поручил ему разыскать, было трудно представить. Я только знал, что все мои немногочисленные связи с «консами» на Коста-Рике, в канализационной системе Нью-Йорка, а затем на Луне безвозвратно потеряны. Кэти больше ни разу не появилась ни у себя дома, ни в госпитале. Уоррен Астрон так и не вернулся на Первую улицу Магазинов, мои товарищи по костариканской ячейке затерялись в болотах и джунглях — все нити были оборваны.

Заседание правления.

— Прошу простить за опоздание, господа. Обойдемся без вступительного слова. Чарли, как идут дела Венеры в Отделе научных изысканий и разработок?

Чарли поднялся со стула.

— Мистер Кортней, господа! Я буду скромн, но, между нами, Отдел научных изысканий и разработок справляется с задачей отлично, и мои ребята — гордость фирмы «Шокен». Нам удалось решить вопрос об атмосфере на планете. Опыты подтвердили теоретические предположения и математические выкладки наших талантливых ребят из Отдела физики, химии и термодинамики. Если на высоте сорока тысяч футов Венеру окутать облаком углекислого газа толщиной примерно в полфута, то оно будет само себя поддерживать и регулировать. За год это облако способно снизить температуру на десяток-другой

градусов и довести ее в конце концов до $30-35^{\circ}$. Мы теперь занимаемся вопросом, как создать это колоссальное облако и на огромных скоростях забросить его в стратосферу Венеры. Вообще говоря, можно и на месте найти способ добывать природный углекислый газ или же производить его синтетическим путем. Я еще раз подчеркиваю, можно найти способ. На Венере происходит вулканическая деятельность; правда, при обычном, незначительном извержении там выбрасывается только жидкий аммиак. Зажатый в подземные русла, этот газ, найдя слабую породу, расщелину или пористый камень, вырывается наружу. Но мы уверены, что глубинное бурение поможет нам найти большие запасы жидкого углекислого газа...

— Каков процент вероятности? — поинтересовался я.

— Значительный, мистер Кортней,— он с трудом подавил снисходительную улыбку специалиста, который и не надеется, что его поймут.— Анализ отчетов О'Ши...

Я снова перебил его.

— А вы полетели бы на Венеру при такой степени вероятности?.. Если и другие данные были бы примерно такими же?

— Конечно,— он был слегка обижен этим вопросом.— Есть ли необходимость останавливаться на технических подробностях?

— Нет, благодарю вас, Чарли. Продолжайте в том же духе.

— Кх-хм. Итак, в настоящее время мы заняты решением этого вопроса в двух направлениях. Создаем примерную карту наиболее рентабельных буровых скважин и разрабатываем конст-

рукции машин для сверхглубинного бурения. Мой принцип решения этих задач — дешеви́зна, самоснабжение энергией и дистанционное управление. Надеюсь, этого достаточно?

— Вполне. Благодарю вас, Чарли. Только один вопрос. Если окажется, что углекислого газа там и вправду чересчур много, перед нами встанет проблема. Если его к тому же и добывать легко, может случиться, что Венера станет экспортировать его на Землю, а это нам совсем ни к чему. Углекислого газа здесь пока хватает, и незачем обижать тех, кто на Земле занимается его производством. Давайте раз и навсегда помним, что Венера должна оправдать себя как поставщик сырья, которого нет на Земле, а во-все не конкурировать с нашей планетой. Железо — пожалуйста, нитраты — сколько угодно. Мы заплатим хорошие деньги за то, чтобы Венера могла в свою очередь покупать земные товары и дала бы возможность банкам, страховым и торговым фирмам на Земле еще успешнее вести свои дела. Не забывайте ни на минуту, что Венера только для того и существует, чтобы ее эксплуатировала Земля. Я хочу, Чарли, чтобы вы вместе с Финансовым отделом поточнее определили запасы углекислого газа на Венере и возможности его экспорта на Землю с учетом конкуренции. Если такая опасность существует, то от ваших планов придется отказаться. Будем добывать углекислый газ для облака над Венерой другим, более дорогим путем.

— Хорошо, мистер Кортней.— Чарли все старательно записывал в свой блокнот.

— Кто еще хочет высказаться по этому вопросу, прежде чем мы перейдем к следующему?

Бернгард, ревизор фирмы, поднял руку, и я дал ему слово.

— Относительно мистера О'Ши,— проворчал он.— Мы держим его как консультанта и платим немалые денежки. Я наводил справки — надеюсь, что не превысил своих полномочий, мистер Кортней, но такова моя работа,— так вот, я наводил справки, и выяснилось, что его консультации не стоят выведенного яйца. Вынужден также отметить, что в последнее время он взял довольно крупный аванс в счет будущих услуг. Если мы сейчас развяжемся с ним,— я хочу сказать, расторгнем контракт,— он останется нам должен. И еще. Может, это и пустяк, но он тоже кое о чем говорит,— девицы из моего отдела жалуются, что он их преследует.

Мои брови взлетели вверх.

— Я считаю, Бен, что при всех условиях мы должны держать Джека О'Ши, хотя мода на него и проходит. В дальнейших авансах откажите. А что касается девиц, то, признаться, я удивлен. Раньше они не жаловались, когда он уделял им внимание.

— Вы видели его в последнее время? — ворчливо спросил Бернгард.

Я вспомнил, что давно уже не встречался с Джеком.

Остальные вопросы отняли немного времени, и я закрыл совещание.

Вернувшись к себе, я справился у дежурной секретарши, здесь ли сейчас Джек О'Ши, и, если он поблизости, попросил прислать его ко мне.

Он вошел, громко чертыхаясь. От него разило вином.

— Черт побери, Митч, хватит! — Не успел

подцепить малютку, как ты требуешь меня к себе. Неужели и ты веришь во всю эту затею с консультациями? Вам нужно было мое имя, чего еще вам от меня надо?

Вид у него был ужасный. Он был похож на крохотного толстого капризного и жалкого Наполеона на Эльбе. Но едва он вошел, я уже больше ни о чем не думал, только о Кэти. Мгновенно у меня возник план действий.

— Что это ты так на меня уставился? — недовольно спросил он. — Может, у меня лицо в помаде?

Алкоголь не мог заглушить аромата духов, исходящих от него. *Ménage à Deux*, духи, которые я сам создал для Кэти, только для нее одной, когда мы были в Париже. Духи, которые она так любила и которыми порой даже злоупотребляла! Я почти слышал ее слова: «Ничего не могу поделать, милый. Запах их куда приятней, чем запах формалина, преследующий меня после работы в госпитале».

— Извини, Джек, — сказал я спокойно. — Не знал, что у тебя свидание. Дела подождут. Иди, развлекайся.

Он криво усмехнулся и вышел, покачиваясь на коротких ножках.

Я тут же схватил телефонную трубку и соединился с Отделом торгового шпионажа. — Немедленно установите наблюдение за Джеком О'Ши. Он должен выйти сейчас из здания агентства. Следите за каждым, с кем он встретится. Днем и ночью. Если не ударите в грязь лицом, получите повышение в должности и премию. Если же я узнаю, что вы недобросовестны, пощады не ждите.

Я стал таким раздражительным, что люди боялись попадаться мне на глаза, но ничего не мог с собой поделать. И жил только одним: ежедневными донесениями о том, что делает Джек О'Ши. Все остальное не интересовало и даже раздражало меня.

Спустя неделю более двадцати сыщиков вели одновременное наблюдение за Джеком и всеми, с кем он общался. Среди них были официанты, его антрепренер, девушки, старый друг летчик-испытатель, полицейский, с которым Джек однажды вечером затеял ссору в пьяном виде — а может, он и не был пьян и эта ссора — просто для отвода глаз? — и другие малоинтересные лица.

Но вот однажды вечером к очередным донесениям прибавилось еще одно: потребитель — женщина лет тридцати, роста среднего, худощавая, волосы рыжие, цвет глаз не удалось разглядеть, одета скромно, вошла в ресторан (указывается название дешевого ресторана), прождав четырнадцать минут у входа. Сразу же направилась к освободившемуся столику, который обслуживала новая официантка. Заказала рубленое мясо, почти не притронулась к еде, перекинулась с официанткой несколькими словами. Возможен обмен записками, но заметить не удалось из-за дальности расстояния. За официанткой установлено наблюдение.

Лет тридцати, среднего роста, худощавая.

Вполне возможно, что это Кэти. Я позвонил и распорядился:

— Наблюдайте за ней. Немедленно сообщайте мне обо всем, что узнаете. Попробуйте расспросить о ней в ресторане.

Работник отдела начал смущенно объяснять, что обычно не в их правилах расспрашивать, но если я настаиваю, они так и сделают.

— Ладно,— согласился я.— Поступайте, как найдете нужным.

— Минутку, мистер Кортней. Наша девушка-агент докладывает: интересующая вас особа живет в домах Таунтона и только что направилась туда. Ступеньки семнадцать и восемнадцать на тридцать пятом этаже.

— А кто обычно живет на тридцать пятом?

— Семейные.

— Она, значит, тоже?..— спросил я упавшим голосом.

— Она пока одна, мистер Кортней. Наша девушка сделала вид, что ищет свободное место. Ей ответили, что дама на семнадцатой ступеньке сняла восемнадцатую для мужа, который должен приехать. Он где-то в другом штате на летних работах.

— Когда прекращается доступ на лестницу у Таунтона?

— В 22.00, мистер Кортней.

Я взглянул на часы.

— Прекратите следить за ней. На сегодня хватит.

Я поднялся и сказал своей охране:

— Сегодня выйду без вас, джентльмены. Ждите меня здесь. Лейтенант, не дадите ли мне ваш револьвер?

— Конечно, мистер Кортней.— Я проверил револьвер.

Только я вышел из вестибюля агентства, как от ближайшей стены отделился мрачного вида молодой человек. Я заставил его плестись за собой по темной, узкой, как щель, пустынной улице, зажатой между огромными домами. В застоявшемся воздухе тяжело висел туман, смешанный с дымом. У меня были пылеуловители, а у него, видимо, нет, и я слышал его тяжелое дыхание, хоть он держался от меня на почтительном расстоянии.

Изредка проезжали закрытые велосипеды; усталые водители тяжело нажимали на педали.

Не оглядываясь, я завернул за угол и прижался к стене. Шпик, не заметив меня, прошел мимо и остановился, растерянно вглядываясь в темноту.

Я оглушил его ударом револьвера по голове. Возможно, это был кто-нибудь из моих людей, но я вовсе не хотел, чтобы выслеживали меня самого.

В 21.59 я был у входа в жилой сектор корпусов Таунтона и не успел войти, как по сигналу часов автоматически захлопнулась входная дверь. Возле лестницы был маленький платный лифт. Опустив в кассу двадцать пять центов, я нажал кнопку тридцать пятого этажа. Пока лифт, поскрипывая, поднимался, я знакомился с правилами: «Ночные жильцы сами отвечают за порядок в помещении. Администрация не несет никакой ответственности за пропажу вещей, драки или насилие. Ночные жильцы должны своевременно заканчивать свой туалет, так как в 22.10 поднимаются перегородки между ступе-

ниями. Ежедневно плата вносится вперёд в специальный автомат. Администрация сохраняет за собой право отказывать в ночлеге клиентам фирмы «Старзелиус».

На тридцать пятом этаже дверь лифта открылась. У меня было такое чувство, будто передо мной сыр, кишаший червями. На лестнице, скорчившись в неудобных позах, копошились мужчины и женщины, безуспешно пытаюсь устроиться поудобней, пока не поднялись решетки. Я посмотрел на часы — 22.08.

Осторожно и очень медленно пробирался я в полумраке, перешагивая через лежащие тела, извиваясь направо и налево, и... считал. На семнадцатой ступеньке я остановился и посмотрел на часы: было 22.10.

В ту же минуту со скрежетом поднялись перегородки, отделившие семнадцатую и восемнадцатую ступеньки от остальных... и мы остались вдвоем.

Она вскочила, разгневанная и испуганная, сжимая в руке крохотный револьвер.

— Кэти!!

Револьвер выпал у нее из рук.

— Митч, вот глупый! — Голос ее прозвучал приглушенно и испуганно. — Что ты здесь делаешь? Они не забыли о тебе, они все еще ищут тебя, чтобы убить...

— Я знаю, Кэти, и лезу на рожон. Сую голову в пасть льва, только бы доказать тебе, что права была ты, а я ошибался.

— Как ты нашел меня? — настороженно спросила она.

— По запаху твоих духов. Ими пахло от Джека О'Ши.

Она окинула взглядом тесную клетку, в которой мы очутились, и тихонько засмеялась.

— Вполне возможно.

— Кэти, я больше не собираюсь преследовать тебя своей любовью. Я пришел только затем, чтобы сказать — я вместе с тобой. Говори, чего ты хочешь?

Она пристально посмотрела мне в глаза:

— Венеру.

— Она твоя.

— Митч, если ты лжешь, если обманываешь...

— Ты сможешь проверить это завтра, если нам удастся выбраться отсюда живыми. А пока нет смысла говорить об этом. Не так ли? Все равно мы здесь заперты на всю ночь.

— Да,— проговорила она. И вдруг неожиданно прошептала:

— Боже, как я соскучилась по тебе.

Ровно в 6.00 резко прозвучал сигнал будудки. Звон дребезжал в ушах, проникал в мозг: ни один лежебока не должен проспать.

Кэти стала поспешно убирать постели в ящики под ступеньками.

— Через пять минут опустят перегородки.— Из ящика под семнадцатой ступенькой Кэти извлекла плоскую шкатулку.

— Стой спокойно,— приказала она и принялась гримировать мою физиономию.

— Ох! — не выдержал я, когда она оттянула мою верхнюю губу и подклеила под нее кусок пластыря.

— Ну вот, готово,— она дала мне зеркало.

— Неплохо,— согласился я.— Мне как-то уда-

лось выбраться отсюда вместе с толпой. Попробуем и сегодня.

— Сейчас опустят перегородки,— заметила Кэти, напряженно прислушиваясь к отдаленным звукам, которые еще не улавливало мое непривыкшее ухо.

Перегородки опустились. Из всех ночных жильцов на тридцать пятом этаже остались только мы одни. Но я ошибся. Перед нами стоял Таунтон и двое из его ребят. Багроволицый ухмыляющийся Таунтон, как всегда, нетвердо держался на ногах. Оба его подручных направили на меня свои автоматы.

Пьяно икнув, Таунтон изрек:

— Нечего сказать, подходящее ты выбрал место, чтобы поспать с красоткой, дружище Кортней. Для таких, как ты, полуночников, у нас в дверях есть фотоконтролер. А ну-ка, барышня, отойдите в сторонку...

Но Кэти не отошла в сторонку. Она шагнула прямо к Таунтону и ткнула ему дуло револьвера в живот. Его багровое лицо стало серым, как замазка.

— Теперь, надеюсь, вы знаете, что вам делать,— сурово сказала она.

— Ребята,— пролепетал Таунтон слабым голосом,— опустите автоматы. Ради бога, опустите автоматы.

Те удивленно переглянулись.

— Опустите! — уже умоляюще сказал Таунтон.

Казалось, прошла вечность, прежде чем они сделали это. Таунтон жалобно хныкал.

— Повернитесь спиной,— приказал я парням,— а теперь ложитесь на пол.— Я вынул

револьвер, предусмотрительно одолженный у лейтенанта. Приятно было чувствовать в руке его тяжесть.

В лифте нас могли отравить газом.

Поэтому мы трое спускались пешком, долго, медленно и осторожно, хотя лестница была свободна. Таунтон распорядился очистить помещение от посторонних. Он хныкал и что-то жалобно бормотал всю дорогу. На площадке десятого этажа он вдруг взмолился:

— Дай мне выпить, Кортней. Я умираю от жажды. Бар здесь рядом, вы можете не опускать ваши револьверы...

Но Кэти лишь иронически засмеялась, и мы продолжили наш медленный спуск по ступенькам.

У выхода, сняв пальто, хотя на улице был мороз, я перекинул его через руку Кэти и накрыл им револьвер.

— Ничего, это мои друзья,— дрожащим голосом успокоил Таунтон часового, удивленно уставившегося на нас.— Все в порядке.

Мы прошли вместе с ним до ближайшей станции метрополитена и, бросив перепуганного и дрожащего Таунтона на улице, юркнули в туннель. Здесь было безопасно. Чтобы уничтожить нас, Таунтону пришлось бы взорвать весь туннель, но на такое даже он бы не решился. Меняя направления, мы не меньше часа колесили под землей. Наконец на одной из станций я позвонил в контору. Нас встретила моя охрана, и через пятнадцать минут мы были уже в конторе фирмы «Шокен».

Впервые за весь день мы от души посмеялись, прочтя утренние выпуски газет. Среди прочих

новостей в них сообщалось, что в три часа утра на лестнице в здании фирмы «Таунтон» неожиданно обнаружилась неисправность в системе охлаждения. Сам Б. Дж. Таунтон, рискуя жизнью, руководил эвакуацией ночных жильцов, которая была проведена в рекордный срок и обошлась без жертв.

За завтраком, который нам подали прямо в кабинет, я спросил у Кэти:

— Твои волосы какого-то ужасного цвета. Эта краска когда-нибудь сойдет?

— Сейчас не время думать об этом. Ты сказал, что можешь отдать мне Венеру, Митч. Я говорю абсолютно серьезно. Венера должна принадлежать нам. Мы — единственные, кто знает, что с ней делать, и мы первыми послали туда своего человека. Джек с нами, Митч.

— С каких это пор?

— С тех самых, как его родители поняли, что он никогда не вырастет. Они знали, что консервационистам понадобятся пилоты-карлики, и чем меньше ростом они будут, тем лучше. Венеру открыли мы, «консы». И мы требуем права на ее заселение. Ты можешь отдать ее нам?

— Конечно. Но это будет нелегко. Список уже заполнен наивными простаками, рвущимися на Венеру, чтобы Фаулеру Шокену и Земле было удобнее их эксплуатировать. И все же я попробую.

По внутреннему телефону я соединился с Отделом научных изысканий и разработок.

— Чарли! Я насчет конкуренции между Венерой и нашими фирмами на Земле. Забудь об этом. Мне стало известно, что почти все наши

предприятия по добыче углекислого газа финансирует Таунтон.

— Прекрасно, мистер Кортней! — обрадованно воскликнул Чарли. — По предварительным данным, мы здорово можем ему насолить.

Я обратился к Кэти.

— Ты можешь найти Ренстеда? Не знаю, где вы его прячете, но он сейчас нужен. Работа предстоит нелегкая. Реклама должна убедить людей, но так, чтобы они сами того не заметили. Теперь же нам надо разубедить их, но так, чтобы об этом не подозревали ни они, ни сами работники рекламы. Нужна помощь человека, на которого мы могли бы полностью положиться.

— Это нетрудно сделать. — Кэти коснулась поцелуем моей щеки. — Вот тебе за слово «мы».

— Хм, — буркнул я, — разве я сказал «мы»? — И вдруг вспомнил. — Знаешь что, дорогая, у меня здесь наверху неплохая комнатка. Пойди-ка отдохни. А я поработаю.

Она снова поцеловала меня.

— Не слишком утомляйся, Митч. Вечером увидимся.

Без Ренстеда я бы не справился. Он вернулся из Чикаго, где скрывался с тех самых пор, как по сигналу Кэти инсценировал самоубийство. Ренстед вошел посвистывая в конференц-зал, в самый разгар заседания правления; мы с ним обменялись рукопожатиями, а члены правления с готовностью поверили версии о выполнении особого задания. В конце концов один раз они уже поверили в нечто подобное. Ренстед знал свое дело и принялся за него, засучив рукава.

Был он «консом» или нет, я по-прежнему не доверял ему. Но все же надо признаться, что с его возвращением дело сразу же пошло на лад.

Для видимости фирма «Фаулер Шокен» широковещательно объявила конкурс на лучший девиз для полета на Венеру и учредила тысячу пятисот первых премий — все в виде бесплатного билета на Венеру. Всего же было восемьсот тысяч премий, но остальные в счет не шли. Роль жюри конкурса была предложена одной нейтральной фирме, занимавшейся исследованием и анализом общественного мнения. Как потом оказалось, ее возглавлял свекор одного из приятелей Ренстеда. Из тысячи пятисот человек, получивших первую премию, тысяча четырехста, как сказал мне Мэтт, были активными членами организации консервационистов, а сто остальных — подставными лицами на случай каких-либо неожиданностей.

Мы с Кэти отправились в Вашингтон, чтобы устранить последние препятствия к отлету, а Ренстед остался следить за ходом дел в Нью-Йорке. Мне часто приходилось бывать в Вашингтоне: я приезжал сюда пообедать или провести вечер. Теперь же предстояло пробыть здесь целых два дня, и я радовался этому, как мальчишка. Оставив Кэти в отеле и взяв с нее клятву, что она не пойдет осматривать город без меня, я нанял педальный кеб и отправился в госдепартамент. В приемной, кроме меня, был еще меланхоличного вида маленький человечек в котелке; услышав мое имя, он тут же вскочил и уступил мне место. «Да, не то, что раньше, когда ты потел на плантациях «Хлорелла», Митч, старина», — сказал я себе. Наш представитель в конгрессе стремительно выбежал в приемную, шумно приветствуя меня. Я несколько умирил его пыл и объяснил, что мне от него нужно.

— Проще простого, мистер Кортней, — воскликнул он. — Сегодня же днем поставлю законопроект на обсуждение комиссии, и, если повезет, к вечеру его утвердят обе палаты.

— Прекрасно. Нужна какая-нибудь помощь? — выразительно спросил я.

— Не думаю, мистер Кортней. Но было бы неплохо, если бы вы сами выступили завтра на утреннем заседании, если найдете время, конечно. Все будут рады услышать вас, и это наверняка поможет быстрейшему решению вопроса.

— Что ж, не возражаю, — ответил я и потянулся за своим портфелем. Но человечек в котелке опередил меня и вручил его с легким поклоном.

— Скажите, когда мне нужно быть здесь,

Эйблз,— обратился я к конгрессмену,— и я буду точно в назначенный час.

— Благодарю вас, мистер Кортней.— Он распахнул передо мной дверь.

Человек в котелке нерешительно окликнул его:

— Мистер Эйблз?

Эйблз отрицательно покачал головой.

— Сами видите, как я занят сегодня,— вежливо сказал он.— Приходите завтра.

Тот благодарно улыбнулся и вышел вслед за мной. Мы одновременно подозвали кеб, и человек открыл передо мною дверцу. В Вашингтоне нелегко найти кеб, поэтому я предложил:

— Вас подвезти?

— Вы очень любезны,— ответил он, усаживаясь рядом со мной. Водитель нажал на педали и вопросительно взглянул на нас.

Я назвал адрес:

— Высадите меня у парка Старр. Но сначала подвезите этого джентльмена.

— Разумеется,— ответил водитель.— Белый дом, господин президент?

— Да, пожалуйста,— ответил мой спутник.— Очень рад, мистер Кортней, что познакомился с вами. Я слышал ваш разговор с мистером Эйблзом. Очень приятно узнать, что ракета на Венеру почти готова. Конгресс давно уже не имеет привычки ставить меня в известность о том, что происходит в стране. Конечно, я понимаю, что они очень заняты всякими там расследованиями и прочим, но все же...— Он лукаво улыбнулся, а затем тоном заговорщика сказал:

— Знаете, я принял участие в вашем курсе, мистер Кортней, предложил девиз: «Глаза

как звезды, лечу я к звездам». Однако не уверен, что смогу воспользоваться выигрышем, даже если и получу премию.

— Я тоже не уверен,— воскликнул я искренне, а затем уже, явно кривя душой, добавил:

— Вас просто не отпустят: ведь вы нужны здесь.

— Не очень-то нужен. Правда, январь — трудный месяц. Понимаете, я открываю сессию, и они читают за меня послание конгрессу о положении страны. Ну, а все остальные месяцы проходят совсем спокойно. Вы ведь собираетесь завтра выступать, мистер Кортней? Это хорошо, значит, устроят совместное заседание двух палат, а в таких случаях мне обычно разрешается присутствовать.

— Буду очень рад, если вы придете,— доброжелательно заверил его я.

У маленького человечка была добрая улыбка, и его глаза тепло поблескивали за стеклами очков. Кеб остановился, президент дружески пожал мне руку и вышел. Но вдруг он снова просунул голову в кеб.

— Гм,— промолвил он, опасливо косясь на водителя,— вы были очень добры. Мне, возможно, не следует давать вам советы, но дело в том, что я немного разбираюсь в астрономии; это моя слабость. Надеюсь, вы не станете слишком затягивать отлет ракеты, пока Венера все еще в этой фазе.

Я с удивлением уставился на него. Венера отклонилась на десять градусов и продолжала уходить от Земли. Но, с тех пор как почти все технические препятствия были устранены, для нас это уже не имело значения.

Он приложил палец к губам.

— Прощайте, сэр.

Весь остаток пути я созерцал волосатые уши кебмена и думал о том, что хотел мне сказать президент.

Воспользовавшись свободным вечером, мы с Кэти отправились осматривать город. Он не произвел на меня большого впечатления. Знаменитые цветущие вишни были, конечно, красивы, но, став новоиспеченным «консом», я счел это все предосудительным расточительством и хвастовством.

— Дюжины деревьев за глаза бы хватило,— ворчал я.— Насажали тут всего, сорят деньгами направо и налево, и все за счет налогоплательщика. Знаешь, сколько стоит веточка цветущей вишни у Тиффани*?

Кэти тихонько засмеялась.

— Ах, Митч, милый. Вот подожди, Венера станет нашей. Представляешь, сколько зелени можно насадить на свободной планете? Целые луга цветов, роши, леса...

Стоявшая рядом толстая особа, похожая на учительницу, выпрямилась, смерила нас презрительным взглядом, фыркнула и поспешно отошла.

— Помолчи. Из-за тебя у нас могут быть неприятности,— пожурил я Кэти.— Пока не поздно, давай-ка лучше вернемся в отель.

* Самый дорогой ювелирный магазин в Нью-Йорке.

Я проснулся, разбуженный радостным воплем Кэти.

— Митч,— кричала она, высунувшись из ванной и прикрываясь полотенцем; ее широко раскрытые глаза сияли от восторга.— Представляешь, здесь есть ванна! Я открыла дверь, думала, что это душ, а здесь настоящая ванна! Можно мне принять ванну? Митч, ну, пожалуйста!

Бывают минуты, когда даже правоверный консервационист радуется тому, что он глава крупной рекламной фирмы. Я зевнул, послал Кэти воздушный поцелуй и великодушно разрешил:

— Конечно, можешь даже из одной пресной воды, слышишь?

Кэти сделала вид, что падает в обморок от изумления, а сама тем временем уже вызывала горничную. Пока готовилась ванна, я оделся. Мы позавтракали и пешком отправились в Капитолий.

Устроив Кэти в ложе для прессы, я направился в палату представителей. Через толпу ко мне протиснулся лидер наших лоббистов. Он сунул мне в руку телеграфную ленту.

— Это вам, мистер Кортней,— сказал он.— Надеюсь, у вас все в порядке?

— Да,— ответил я и, отпустив его, взглянул на донесение. Оно было с ракетодома и гласило: «Пассажиры и экипаж готовы и ждут сигнала к отлету. Посадка пассажиров начнется в 11.45, погрузка закончится в 16.45. Горючее заправлено, оборудование и провизия на борту. Служба безопасности не знает, но поступили сведения, что сегодня с ночи между морской разведкой, группой контрразведывательной службы и кор-

порацией «Тайм-Лайф» идет усиленный обмен шифровками. Диспетчерский пост просит напомнить, что отлет возможен только в условленное время».

Я растер ленту пальцами и начал протискиваться к трибуне. В этот момент кто-то легонько тронул меня за локоть. Это был президент; он наклонился ко мне из президентской ложи с привычной заученной улыбкой на лице.

— Мистер Кортней, надеюсь, вы поняли, что я хотел сказать вам вчера. Я рад, что ракета готова к отлету. Кроме того...— улыбка расплылась по его лицу, и он кивнул головой с видом важного сановника, обменивающегося любезностями с приезжей знаменитостью,— ...вы, должно быть, уже знаете, что он тоже здесь.

Но я так и не успел спросить, кого он имеет в виду. Ко мне с протянутой рукой спешил председатель, а палата уже бурно аплодировала. Я заставил себя улыбнуться, но это было лишь автоматическое сокращение мускулов — мне было не до улыбок: дело плохо, если даже президент знает о ракете.

Фаулер Шокен был ханжой и лицемером, Фаулер Шокен был великим мошенником, но, если бы не он, я никогда бы не произнес эту речь в палате представителей. Мне словно бы слышался его голос: «Продавай, Митч, продавай. Ты всегда сможешь продать, если будешь помнить, что они сами того хотят».— И я продал этим законодателям все, что они хотели. Коротко сказав об американском предпринимательстве в нашей стране, я предложил им для грабежа весь мир и чуть ли не всю Вселенную, как только смелые первооткрыватели из фирмы «Фаулер Шо-

кен» проложат туда путь. Я нарисовал им койвейерную линию из планет и показал, как мы будем владеть и управлять ею, мы, предприимчивые американские бизнесмены, создавшие великую цивилизацию. Это конгрессменам очень понравилось, и они неистово зааплодировали.

Когда утихла первая волна оваций и все сели на свои места, несколько человек все еще продолжали стоять и хлопать. Они попросили у председателя слова. Я почти не обратил на них внимания, ибо в эту минуту вдруг с удивлением заметил, что стул Кэти в ложе для прессы был пуст. Председатель дал слово седому худощавому, величественного вида человеку — мистеру Колби, за спиной у которого было сорок лет службы в компании «Юмми-Кола».

— Слово предоставляется мистеру Колби.

— Благодарю вас, господин председатель.— На лице Колби застыла вежливая улыбка, но взгляд оставался холодным, как у змеи. Официально фирма «Юмми-Кола» считалась одной из немногих крупных независимых фирм. Но я вспомнил, что Шокен как-то намекнул на ее подозрительные связи с Таунтоном.

— Если мне будет позволено говорить от имени верхней палаты, то прежде всего я хотел бы поблагодарить нашего уважаемого гостя за его хорошо продуманную речь. Уверен, что все мы с удовольствием прослушали здесь выступление столь уважаемого и известного человека.

«Пой, пташечка, пой»,— подумал я с досадой; меня охватило смутное беспокойство.

— С разрешения заседания я позволю себе задать нашему гостю вопросы, касающиеся тех

законодательных актов, которые он предлагает на наше рассмотрение.

— Представляю, как ты их «рассмотришь», чертов ублюдок,— подумал я. Теперь даже галерка почуяла неладное. Можно было уже и не слушать, что Колби скажет дальше.

— Возможно, не все знают, что на сегодняшнем заседании, к счастью, присутствует еще один важный гость. Я имею в виду мистера Таунтона.— Он сделал грациозный жест в сторону скамей, где сидели гости; я увидел багровое лицо Таунтона и рядом с ним две неподвижные фигуры, в которых без труда узнал его телохранителей.— Перед заседанием мистер Таунтон в короткой беседе сообщил мне кое-что, о чем мне хотелось бы сейчас спросить мистера Кортнея. Прежде всего,— змеиные глаза теперь поблескивали холодной сталью,— я хотел бы узнать у мистера Кортнея, знакомо ли ему имя Джорджа Гроуби, которого обвиняют в нарушении трудового контракта и убийстве женщины? Во-вторых, мне хотелось бы уточнить, действительно ли мистер Кортней и Джордж Гроуби — это одно лицо? В-третьих, я хотел бы спросить мистера Кортнея, правда ли, что он, как конфиденциально сообщило мне лицо, которому, по мнению мистера Таунтона, можно полностью доверять, правда ли, что мистер Кортней давно является членом Всемирной ассоциации консервационистов, известной всем честным американцам, как...

Даже сам Колби не слышал своих последних слов. В зале поднялся рев, подобный урагану.

Мысленно воспроизводя теперь то, что произошло в следующие безумные четверть часа, вижу, как передо мной все мелькает и исчезает, словно в бешено вращающемся калейдоскопе. Но некоторые картины, выхваченные из цепи событий, как бы застыли в моей памяти.

Море презрения и гнева, бушующее вокруг меня; искаженное лицо президента, что-то кричащего звукомеханику; гневный взгляд председателя палаты, безуспешно пытающегося дотянуться до меня...

Весь этот вихрь внезапно улегся и замер, когда раздался похожий на гром голос президента, транслируемый через усилители:

— Объявляю заседание закрытым!..— До сих пор передо мною еще стоят изумленные лица членов конгресса, буквально остолбеневших от столь невероятной смелости. И действительно, маленький человечек в эту минуту был по-своему величествен. Прежде чем кто-либо успел опомниться, он хлопнул в ладоши — переданный усилителями хлопок прогремел, подобно взрыву бомбы, — и меня окружил взвод франтовато одетых солдат из личной охраны президента...

— Уведите его, — с пафосом произнес президент, сопровождая свои слова величественным жестом. В ту же секунду я был снят с трибуны. Пока конгрессмены все еще приходили в себя, президент успел проводить меня до выхода. Лицо его побледнело от испуга, но он шепнул мне:

— Долго это не продлится. Но на выяснений и запросы им понадобится все утро. Да хранит вас бог, мистер Кортней.

И он вернулся в зал, чтобы встретиться с ними лицом к лицу. Должно быть, вид у него был более мужественный, чем у первых христиан, выходивших на арену во времена императора Калигулы.

Меня сопровождала личная охрана президента, почетные выпускники академии агентства «Бринк». Лейтенант не проронил ни слова, но когда президент дал ему клочок бумаги со своим распоряжением, я без труда прочел на его лице еле сдерживаемое отвращение. Было ясно, что лейтенанту не по душе то, что ему велят делать, но я не сомневался, что он выполнит приказ.

Меня доставили на аэродром Анакостия в пригороде Вашингтона и посадили в личный самолет президента. Охрана все время оставалась со мной, меня даже покормили, и один из стражей играл со мной в карты, пока самолет находился в воздухе. Но никто из них не пожелал обменяться со мной хотя бы словом.

Летели мы довольно долго на громоздком старомодном роскошном лайнере, на котором по традиции полагалось летать президенту. Потом долго шли на посадку, и, глядя вниз, я видел, как под нами проплывает серая полоса посадочной дорожки. Когда наконец мы приземлились, уже стемнело.

Томясь в ожидании, я беспокоился только об одном: удалось ли Кэти благополучно выбраться

из Вашингтона, увижу ли я ее снова? Лейтенант куда-то исчез.

Я ждал, перебирая в памяти вопросы, которые мучили меня и прежде, но от которых я всегда отмахивался. Теперь, когда у меня было столько свободного времени, а будущее представлялось таким неопределенным, я снова вернулся к ним и попробовал разобраться.

Например,— Кэти, Мэтт Ренстед и Джек О'Ши — они сговорились и в буквальном смысле слова загнали меня к черту на кулички. Хорошо. Все, что было потом, мне понятно. Ну, а смерть Эстер? Когда думаешь об этом, становится непонятным все поведение Ренстеда.

Если «консы» за межпланетные полеты, тогда почему Ренстед в Калифорнии саботировал испытания рекламы? В этом нет ни малейшего сомнения, да и его доверенный сам признался. Может, тут двойная игра? Может, Ренстед делает вид, что он «конс», который делает вид, что он работник рекламы... А на самом деле?..

Теперь я уже совсем по другой причине хотел как можно скорее увидеть Кэти.

Лейтенант вернулся только в полночь.

— Все в порядке. Вас ждет кеб. Водитель знает, куда ехать.

Я вылез из самолета и расправил онемевшие члены.

— Благодарю,— смущенно сказал я.

Лейтенант аккуратно сплюнул прямо мне под ноги. Дверца самолета захлопнулась, и я поспешил поскорее убраться с взлетной дорожки.

Кебмен был мексиканцем. Я попробовал было задать ему вопрос по-английски, но не получил ответа. Тогда я попытался заговорить с ним на

том ломаном испанском, на котором довольно успешно изъяснялся на плантациях «Хлорелла»; он в недоумении посмотрел на меня. Существовало по меньшей мере полсотни немаловажных причин, по которым я не должен был садиться в этот кеб, пока не уясню себе, что происходит. Но, поразмыслив, я понял, что выбора у меня нет. Лейтенант честно выполнил приказ президента, и я представил себе, как теперь его жалкий умишко служаки уже строит планы, кому бы намекнуть, где сейчас можно найти известного «конса» Митчела Кортнея.

Теперь я — легкая добыча, только кто первый сцапает меня, полиция или Таунтон? Не стоило над этим долго ломать голову.

И я сел в кеб.

Уже одно то, что водитель был мексиканцем, казалось, должно было подсказать мне, где мы находимся. Но лишь увидав огромный корпус ракеты, отражающей звездное небо, я сообразил, что попал в Аризону, и только сейчас понял, как много сделал для меня президент.

Отряд из агентов Пинкертона и нашей охраны окружил меня и поспешно провел мимо будок с часовыми, через пустынную площадку к ракете. Начальник охраны большим и указательным пальцем изобразил нечто вроде полумесяца.

— Вы в безопасности, мистер Кортней.

— Но я не собираюсь лететь на Венеру! — протестующе воскликнул я.

В ответ он громко рассмеялся.

Спешка, а потом ожидание. Спешить и ждать — вот теперь мой удел. Мне предстояло долгое, тоскливое путешествие. И здесь, и там, куда я летел, творилось непонятное, но я не мог

чему-либо помешать. Мне даже не дали времени подумать. Кто-то схватил меня сзади за брюки и бесцеремонно втокнул в ракету. Меня скорее поволокли, чем повели к подвесной койке, уложили на нее, застегнули ремни и оставили одного.

Койку то раскачивало, то встряхивало, а на грудь мне словно навалилась дюжина великанов. Прощай, Кэти, прощай фирма «Шокен». Хочу я того или нет, но я лечу на Венеру.

Однако я слишком поторопился попрощаться с Кэти.

Именно она расстегнула ремни моей койки, когда ракета вышла на орбиту.

Я встал и поплыл, неловко болтаясь из стороны в сторону под действием невесомости, потом потер занемевшую спину. Затем открыл рот, чтобы сказать, как я счастлив, но вместо этого лишь беспомощно пропищал:

— Кэти!

Я не произнес блестящей речи — просто не было времени, да и губы у меня были заняты. Я целовал Кэти.

Вдруг в нашу кабину влез, улыбаясь во весь рот, субъект с нашивками лейтенанта.

— Хотите поглядеть на звезды, друзья? — спросил он тем бодрым тоном гида, от которого меня всегда тошнит. Однако не стоило указывать этому нахалу его место. Ведь офицеры ракетных экипажей всегда считают себя выше прочих смертных, и, пожалуй, было бы невежливым придирааться к нему именно сейчас. А кроме того...

Да, кроме того...

Мелькнувшая мысль отрезвила меня. Я привык к своему положению привилегированного служащего, и нелегко мне будет снова стать рядовым потребителем. Однако, освежив в своей памяти теорию «консизма», я решил, что, пожалуй, придется отвыкать от почестей и власти. Что ж, здравствуй, Кэти! Прощай, Фаулер!

Мы поднялись в салон в носовой части ракеты. Здесь было много незнакомых мне людей.

Ракеты, летающие на Луну, снабжены радарными установками, у них нет окон. Ради прочности и надежности конструкций создатели ракет отказались от таких излишеств, как возможность созерцать звездные просторы во время полета. Поэтому я никогда еще не видел звезд в космосе.

Здесь же за окном была белая ночь. Ослепительно сияли огромные звезды на фоне мелких, рассыпанных в звездной пыли. В этом безбрежном космическом просторе невозможно было найти ни одного даже крохотного пятнышка темноты — все мерцало и светилось. Занимавшееся за бортом зарево указывало, с какой стороны Солнце.

Наконец мы с Кэти оторвались от окна.

— Где Мэтт Ренстед? — спросил я.

Кэти тихонько засмеялась.

— Он снова в агентстве «Шокен», держится только на возбуждающих таблетках и пытается расхлебать кашу, которую ты заварил. Кто-то же должен был остаться, Митч. К счастью, Мэтт по праву может называться твоим преемником.

В Вашингтоне нам не удалось как следует обо всем поговорить. У бедняги будет много вопросов, и никто не сможет ему помочь.

— А что, черт побери, он делал в Вашингтоне?

— Спасал тебя, Митч, после того как Джек О'Ши не выдержал и...

— После чего?

— О, господи, Митч! Давай лучше все по порядку. Джек О'Ши проговорился. Выпил лишнего, не смог вовремя сделать укол снотворного, выбрал не ту девицу, перед которой стоило бы изливать душу. Короче говоря, в тот вечер его схватили. Он выложил все о тебе и обо мне, о ракете и обо всем прочем.

— Кому?

— Твоему лучшему другу Б. Дж. Таунтону.— Кэти яростно чиркнула спичкой, раскуривая сигарету. Я понимал, что должно было твориться в ее душе. Малышка Джек О'Ши, похожий на фарфоровую куколку, человечек, словно вылепленный из воска. Были моменты, когда я почти ненавидел его, но теперь я забыл об этом и думал только о том, что должен был вынести Джек, попав в лапы таунтоновских обезьян.

— Таунтон узнал все,— продолжала Кэти.— Все самое главное. Если бы Мэтт не установил микрофоны в комнате, где Таунтон вел допросы, нам бы тоже не сдобровать. Но Мэтт успел приехать в Вашингтон и предупредил меня и президента. Нет, президент не «конс»; он просто хороший человек. Не его вина, что он президент. Только благодаря ему мы теперь здесь.

Наш разговор был прерван капитаном.

— Через пять минут меняем курс. Будет луч-

ше, если вы уляжетесь на свои койки. Толчок может быть и не очень сильным, но кто знает.

Кэти кивнула головой и повела меня в кабину. По дороге я вынул у нее изо рта сигарету, затащил ее и снова вернул ей сигарету.

— Почему, Митч? — удивилась она.

— Я бросил курить, Кэти. Еще один вопрос. Не очень приятный. Что у тебя было с Джеком?

Кэти вздохнула.

— То же, что у тебя с Эстер, — ответила она. — Любовь без взаимности. Джек, возможно, был влюблен в меня или что-то в этом роде, а я-то, сумасшедшая, все не могла забыть тебя!

Вот о чем ты, тупица, никогда не догадывался, — продолжала Кэти. — Ты не знал, как я люблю тебя, и не знал, что Эстер тебя любит. Бедняжка Эстер, она прекрасно понимала, что все напрасно. Господи, Митч, почему ты так слеп и глух?

— Эстер меня любила?

— Да, черт побери, да! Вот почему она предпочла умереть вместо тебя!

Я только растерянно почесал затылок.

Прозвучал сигнал — через минуту перемена курса.

— По местам! — велела Кэти.

— Да, это ужасно некрасивая история, — сказала она. — А сейчас мне нужно за одну минуту покончить с вопросами и ответами, успеть поцеловать тебя и помириться с тобой.

— Одна минута — это не так уже мало, родная.

Право, мне хватило бы и меньше, чтобы помириться с Кэти.

Ф. Поол, С. М. Корнблат

ОПЕРАЦИЯ «ВЕНЕРА»

Редактор Е. Г. Ванслова

Художник Г. В. Бачурин

Художественный редактор Г. И. Мануйлов

Технический редактор Л. М. Харьковская

Корректор Т. П. Пашковская

Сдано в производство 12/IV-1965 г.

Подписано к печати 10/VII 1965 г.

Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32}$ = 4,13 бум. л.

9,65 печ. л. Уч.-изд. л. 9,58.

Изд. № 12/3147. Цена 48 к. Зак. 3027.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Набрано в типографии

«Красный пролетарий»

Политиздата.

Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано в московской

типографии № 37

Главполиграфпрома

Государственного комитета Совета

Министров СССР по печати.

Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

48к.

КОЛЛЕКЦИЯ

COFIEST BEST!

